

ББК 84(2Рос=Рус)64
Ч-90

Библиотечка «Нового Енисейского литератора»

Автор проекта — Сергей КУЗИЧКИН
Литературный редактор — Андрей ЛЕОНТЬЕВ
Технический редактор — Станислав ФЕНЬКОВ
Фотохудожник — Сергей ДЯДЕНКО

Ч-90 **Чумакова Т. Ф.**

Жизнь — большая дорога: Рассказы, стихи. —
Красноярск: «Семицвет», 2011. — 244 с.

ББК 84(2Рос=Рус)64

Вёрстка: Феньков С. С.
Обложка: _____ —.

*Автор благодарит семью Лаптевых
за помощь в издании этого сборника*

О СЕБЕ

Родилась в 1952 году в деревне Уланово Бирилюсского района Красноярского края. Самым прекрасным в детстве была для нас речка Суразовка. Во время летних каникул мы, ребяташки, работали на заготовке силоса, сена. Какое же было это удовольствие после работы нырнуть в прохладную воду!

Мне посчастливилось наблюдать строительство железной дороги Ачинск — Абалаково. Строили её молодые энергичные и весёлые люди. На моих глазах выросли новые посёлки и станции.

После школы я окончила Енисейское педагогическое училище, потом педагогический институт. Сорок лет работаю в школе. Стараюсь научить ребят любить свою малую родину, изучать историю своего рода, своего народа. Порой эти знания помогают нам выстоять в жизни, дают силы для новых дел.

Давно ушли в мир иной мои дедушки и бабушки, приехавшие некогда из Белоруссии в Сибирь. Нет уже и моих родителей, подаривших мне эту землю и научивших любить её. Теперь мой черёд передать эту любовь моим внукам. Только время на дворе другое. Сегодня я наблюдаю обратное — угасание и исчезновение деревень. Одна за другой они исчезают с лица Земли. Берега нашей любимой речки заросли тальником и травой. Не колосится хлеб на нивах. В деревне осталось два дома. А моя память всё ведёт и ведёт меня в прошлое. Там я вижу другое время: трудное, но созидательное. Там ещё

живы все в моей памяти. А я, как и все, уйду в свой черёд, когда придёт срок.

А пока живу, как умею: дружу без выгоды, люблю от души, плачу, когда больно, радуюсь, если есть чему. Я — малая пылинка своего народа. Не надо мне Канарских островов для счастья, дайте послушать как журчит речка на перекате...

Татьяна Фёдоровна Чумакова. 2011 год. Октябрь

УЛАНОВСКИЕ РАССКАЗЫ

Уланово — таёжная деревня в Бирилюсском районе Красноярского края, в которой было когда-то шестьдесят дворов.

Как и многие российские деревни, она пережила многое: и трудное начало, и войны, и все советские эксперименты, расцвет и угасание. Ушла в прошлое её жизнь, а мне захотелось вспомнить её жителей, моих земляков. Подумать и понять, как и чем они жили, как преодолевали трудности, как печалились и радовались. Все они были когда-то молоды, здоровы, полны страстей и надежд. Но всё прошло...

Ушли из жизни и многие мои земляки. А жизнь продолжается, но в ней уже другие действующие лица...

Пусть мои земляки проживут ещё в нашей памяти... Рассказы я не придумывала, просто записывала, что слышала от других.

ТИМОФЕИХИН ПЛАТОК

Впервые упоминание об этом платке я услышала ещё маленькой. Пришла как-то к нам тётка Надя, сестра моего отца. Была она женщиной очень бойкой и острой на язык и за словом в карман никогда не лезла. Забежала тётя к нам по каким-то делам перед колхозной работой. Выяснив, что ей надо, она уже собиралась уходить и стояла у порога. Бабушка обратила внимание на её одежду. Увидев на ней новую юбку, попеняла дочке: «Штой-то ты вырядилась, как на праздник, могла бы, и поберечь одежину!» На что моя тётка моментом дала ответ: «Ну, буду я её беречь, как Тимофеиха свой платок!» Бабушка замолчала, её дочь убежала по своим делам. А мне стало интересно, о каком таком платке, и какой Тимофеихе они говорили, и я пристала к бабушке с расспросами.

Оказывается, речь шла о жене Смирнова Тимофея. Время, о котором вспомнила тётя, было очень тяжёлое. Жили тогда после войны очень бедно, налоги государству платили большие, сдавали государству мясо, масло, яйца, шерсть, шкуры с домашнего скота. Негде было взять копейки, чтобы что-то купить себе. Одежду носили до полной ветхости. Если у женщины юбка начинала изнашиваться сзади, её переворачивали передом назад и опять носили. А когда она рвалась снова, выкраивали из остатков какую-нибудь рубашонку ребёнку. Заплатку лепили на заплатку. Порой идёт мужик в штанах, а там уж и не понять, какие штаны, столько на них разных заплаток нашито! Вот в такое трудное время износился платок у Ти-

мофеевой жены, а ходить с непокрытой головой бабе считалось великим грехом. И достала она из сундука свой новый единственный платок, что подарил ей когда-то Тимофей. Было, это давно, когда она ещё в девках ходила. Тимофеиха развернула платок, бережно провела по нему рукой, пытаясь разгладить складочки, полюбовалась рисунком и задумалась - вспомнила то счастливое время. Как же давно это было! Уже их с Тимофеем сыновья в женихах ходят! Тяжело вздохнула. Жалко таким красивым голову прикрывать: на солнце быстро рисунок выгорит. Поберечь бы, да голову прикрыть нечем. Подумала баба, повздыхала и повязала платок на левую сторону, а на правую решила по праздникам надевать.

Да много ли их праздников — то с весны до осени в деревне бывает!? Хватились она как-то в очередную стирку, глядит, а платок-то уж порвался. Села Тимофеиха и заплакала. Обидно стало, что и поносить не успела красивой стороной, а платок уж в негодность пришёл!

О ЧЁМ ШУМИТ СТАРАЯ БЕРЁЗА

Каждым летом в Улановой деревне во время сенокоса в пору моей молодости на луга выходили большой бригадой убирать сено. Гусеничный трактор тащил по просёлочным дорогам тележку с работниками от одного покоса к другому. Приехав на нужный луг, колхозники снимали флягу с водой, ставили её в тень, чтоб сохранить воду прохладной, сумки с обедом вешали на короткие сучья и располагались в тени деревьев. Обычно местом рас-

положения табора становилась берёза, растущая посреди поля. Такие одиноко стоящие среди полей берёзы, встречались довольно часто. Дерево, любящее свет и растущее на открытом пространстве, всегда имело густую красивую крону. Поэтому всем работникам хватало места укрыться на время обеда от палящего зноя. Повислые ветви весело шумели листочками на ветру, навевая прохладу и умиротворение на отдыхающих.

Под берёзой приятно было посидеть и в весеннюю пору, когда на ветках появлялись серёжки, а на окрестных полях велась пахота. Не чужда была нашим предкам красота, распахивая гари, они сохраняли единичные деревца то в одном месте, то в другом. Вот и шумели своими кронами белоствольные, навевая одиноким путникам, отдыхавшим под ними, философские мысли о смысле жизни, о её скоротечности.

Уходило из жизни одно поколение, приходило другое, а берёзы всё так же переговаривались листвою в тёплое время года, а в зимнюю стужу замирали под тяжестью снега. Много зим и выюг помнят эти красавицы. А сколько бы они могли рассказать о том, что видели, если бы умели говорить!

Августовским днём, когда солнце уже повернуло далеко за полдень, возвращался со своей пасеки Смирнов Тимофей, высокий худощавый старик с бородой в виде длинного клина. Дойдя до берёзы, что росла у дороги рядом с кладбищем, он присел отдохнуть. Собака, что всегда сопровождала старика, довольная унеслась ловить мышей. Нельзя сказать, что путник сильно устал, мог бы дойти до деревни, он был ещё крепкий и на ногу быстрый.

Просто очень любил Тимофей это место. Сколько жил в этой деревне, всегда, проходя мимо, любил передохнуть в тени дерева хоть немного и полюбоваться далями. При случае говорил родным, что хотел бы, чтобы его похоронили именно здесь, под этой берёзой. Красивый вид открывался взору с этого высокого места. В левой стороне линия горизонта образовывалась далеко за речкой, где тайга смыкалась с небом, а впереди на противоположном высоком бугре казалось, что небо сливается с полем. И чувство простора окрыляло душу старика. Голубой высокий купол неба с редкими белыми облаками дополнял раскинувшийся перед взором красивый пейзаж. Вокруг под лёгким ветерком колыхались хлеба, а по ложкам зеленели отавой покосы.

Привычно прислонившись к стволу берёзы, путник окинул взглядом окрестности. За падью на горе виднелась деревня. Слышался лай собак от крайних домов. Около дороги уже зажелтела рожь. Среди колосьев синели васильки. Чудно устроен мир: вроде сорняк цветок, а какой красивый! Словно капли летнего неба упали на землю!

Скоро начнётся жатва. Тимофей усмехнулся, вспомнив, как в прошлые, ещё единоличные годы Афанасий Крапоткин звал свою жену за малиной во время жатвы: «Матрёнушка, пошли за ягодой, рожь-то постоит, а малина осыплется!» А потом зарядили такие дожди, что осыпалась и малина, и рожь.

Берёза весело шелестела листочками от дуновения лёгкого ветерка, навевая прохладу среди августовского зноя, Тимофей прикрыл глаза. Мыс-

ли унесли его далеко-далеко от Улановой деревни. Вспомнилась ему далёкая родина в Поволжье, родная деревня Малмышка, где жили Смирновы, родители. Отец Фёдор хотел, чтобы его смышленный сын после церковно-приходской школы учился дальше и стал священником.

И Тимку отвезли учиться в город. Науки давались парнишке легко, от природы был наделён он светлым умом и хорошей памятью. Но так хотелось домой в деревню, в городе всё было ему непривычно и незнакомо. А ещё никак не мог уразуметь деревенский паренёк одного, почему во время поста сам архиерей ест жирную пищу!? Тимка видел это не раз своими собственными глазами, когда его посылали по каким-то делам в дом к архиерею. Сидит и уплетает за обе щёки глазунью со шкварками и в ус не дует! А на удивлённый Тимкин взгляд ответил: «Ничего страшного, отрок, помолимся, и Бог простит!» Наблюдательный мальчишка понял, что духовники не такие святые, какими себя выдают перед народом, и, в конце концов, разочаровавшись, сбежал домой. К его отцу Фёдору приезжал потом сам архиерей и просил вернуть «смышленного отрока» назад учиться. Но мальчишка наотрез отказался, характером Тимка обладал упёртым.

С тех пор Тимофей никогда попам не верил. Считал, что Бог должен быть в душе самого человека, а священник — такой же человек, как и все, со своими грехами.

Взрослым парнем там, на Вятке, встретил он свою Надю, свою Алексеевну. Она была из богатой семьи, отец её имел свой пароход на Вятке и

уже приглядел для дочери богатого жениха. Но Тимофей в молодости был высоким и красивым парнем, Наденька не устояла и вопреки воле отца, убёгом, вышла замуж за Тимофея. Потом, конечно, молодые повинились перед отцом Нади, родители благословили своевольную дочь серебряной иконой. Когда молодые Смирновы поехали с маленьким сыном в 1911 году в Сибирь, Надя везла в своём сундуке вместе с атласными сарафанами и эту икону родителей, которую берегла всю жизнь.

Там, в Вятской губернии умерла у Тимофея мать, и отец женился после её смерти несколько раз и всё брал молодых жён. Жёны почему-то умирали. А вдовый отец каждый раз брал супругу всё моложе. Последняя была восемнадцатилетней, Тимофей жил тогда уже в Тайменьке, и приехавший позже брат, рассказывал, что молодая жена «дала перцу» старому отцу.

Тяжело было переселенцам приживаться в холодной Сибири, но Смирновы не боялись никакой работы, потому всегда жили зажиточно. Тимофей один мог выжать за день столько, что люди диву давались. Всякую крестьянскую работу он умел делать и делал с удовольствием, кроме того, учился по жизни от других, если чего-то не умел.

В переселенческой конторе им дали место на жительство в правой стороне от тракта, что шёл от Козульки на Пировск. В таёжную деревню Тайменьку, кроме Тимофея, приехал и его дядька Гавриил Матвеевич со своей большой семьёй.

Жили Тимофей с Надей дружно, вот только дети у них умирали часто. Девять они похоронили, в живых остались только двое: Колюшка да Енька.

Последнего Надя родила уже в пятьдесят лет.

Когда на далёкой гари стала строиться Уланова деревня, Смирновы, разведав новое место, всей роднёй решили переезжать. Сначала уехал дядя, потом и Тимофей с Надей. В Тайменьке среди леса мало было свободной земли, и плохо родилась рожь, часто выручала тайга с её дарами, но как крестьянину без хлеба!? Так Смирновы и появились в Уланове в 1925 году. Новое место очень понравилось переселенцам, они обосновались на гари недалеко от речки. Бывало, выпустит в ночное лошадей Тимофей под гору к Суразовке, там, среди малинника и кипрея они и пасутся. А утром вернуться кони домой, а хвосты от мёда слипшиеся. Медоносных трав по гарям — море! Как не воспользоваться таким добром!? Вот и заводили пчёл в новой деревне, и Тимофей тоже стал пчеловодом. Так и прикипел навсегда к этому делу. Когда исчезли кипрей и малина под горой, перевезли мужики свои пасеки дальше на новые гари. И Смирновы построили пасеку за кладбищем.

С тех пор полюбил он это место и эту берёзу. Не раз сиживал под ней и весной, и летом, возвращаясь домой то с пашни, то со своей пасеки.

Дом он построил себе сначала небольшой. А когда подрос Колюшка, срубили другой, просторный. Потом в маленьком доме некоторое время жил брат Виктор с женой Матрёной и сыновьями Мишей и Панькой, когда приехал в Сибирь. Брат прошёл всю гражданскую войну в дивизии Григория Котовского, там и здоровье своё потерял. Крестьянствовать у него не было сил. Когда стали мыть на Кемчуге золото, уехал жить в Старицкое.

Всю тяжёлую работу мужскую и женскую везла на своих плечах Матрёна. Вот и умерла она рано, надорвавшись на тяжёлой работе, и остался брат Виктор вдовцом. Снова он вернулся в Уланово, Тимофей отдал ему недавно купленную для сына небольшую избёнку. Отделить сына пока не получилось. Второй раз жениться Виктор не стал, не хотел заводить детям мачеху. Сам за детство намаялся и наплакался с чужими тётками, и своим детям такой участи не желал.

Виктора во время войны забрали в трудармию, и Тимофей приглядывал за его сыновьями.

Вспомнился старику и тридцать шестой год. Ещё зимой заговорили о колхозе, заездили в деревню всякие уполномоченные. Смекалистый вятский мужик понял, что если не вступить самому в колхоз, то добром дело не кончится. Посоветовался со своей мудрой женой и сказал: «Деваться нам некуда. Надо идти в колхоз. Против власти не попрёшь! Это ж всё равно, что по малой нужде против ветра ходить!»

Понимал Тимофей, что теперь уж от колхозной жизни никуда не деться! Так свёл он со двора трёх дойных коров, и трёх коней на колхозный двор. А сына Колюшку ещё в 1929 году, когда первый раз в колхозы загоняли, отправил на курсы киномехаников. И отдал киномеханику молодую кобылку возить бобины с плёнкой - кинованки. Когда сын приезжал с новым фильмом в Уланово, на лошадке той привозили дрова, сено на свой двор без проблем.

Но, видимо, у колхозных активистов уже давно был положен глаз на Тимофеево добро, завист-

ников везде хватает. Забрали из амбара зерно. Пришли они ещё и в хату описывать имущество. А какое имущество в крестьянской хате!? Сундук! Особенно ретивый Егор Смоленцев и направился к сундуку. Но Тимофей собой загородил дорогу: «А зачем колхозу бабьи юбки!?» Взглянув на возвышающегося над ним Тимофея, низкорослый Егор притормозил. В сундуки активисты не полезли, но забрали выделанные овчины, найденные в кладовке, из которых Тимофей хотел сшить новый тулуп.

Потом пошёл как-то Тимофей к скорняку и портному Донгузову Терентию старую шубу ремонтировать и увидел у него свои овчины. Поинтересовался, кто принёс. Оказалось, Смоленцев Егор себе новую шубу заказал. Сдержал Тимофей обиду в себе, только жене рассказал о Егоровой непорядочности.

Всегда он работал не лентясь. Запросто серпом убирал гектар ржи. Снопки ставил по своей силе, не каждый работник мог их поднять. И при колхозной жизни жила семья неплохо. Перед войной купили велосипед, гармонь, патефон. А всё благодаря мёду, своим пчёлкам! Вещи были по тем временам очень дорогие! Собирался он ещё купить и мотоцикл, но не успел.

От работы ли или от переживаний приключилась у него язва желудка. И в 1935 году попал он под нож хирурга. Слава Богу, всё обошлось. Двенадцать лет прожил он с одной третьей желудка, при болях, которые повторялись весной и осенью, отпаивала его Надя, его Алексеевна топленным коровьим маслом. Боль стихала, и Тимофей вновь брался за работу.

Во время войны Егор Смоленцев находился в трудармии и вернулся оттуда чуть живой, Тимофей, видя, как голодают его дети, дал Егоровой жене Ене картошки на посадку и муки на хлеб. В ответ на укор своей жены сказал: «Дети не причём, я их пожалел, а не Егора».

Никогда не был Тимофей жадным. Во время войны на своей пасеке держал ульи баб, чьи мужья были на фронте, смотрел за пчёлами, когда те роились, как за своими, звал хозяек лишь мёд качать. Накачав первого мёда со своих ульев, обязательно угощал всех старух в деревне, у кого не было своих пчелосемей. Плёл лапти для всей деревни, на своей пасеке чего только он не делал: и гречиху сеял, и веники вязал, и бересту на лапти готовил, и дуги гнул. Что говорить, досталось им немногим старикам во время войны. В деревне-то только бабы и дети оставались.

Мёд свой всегда выручал. Дома всегда стояли бочки с мёдом. Медосборы были отменные. Каждая пчелосемья нанашивала бочку мёда за лето. Даже в самые голодные годы Смирновы не голодали, продав мёд, покупали сахар, ситец, в войну в доме была соль, спички, хотя сам Тимофей пользовался по привычке кресалом. Ухитрялся он спрятать от переписи поросёнка, чтоб было в семье мясо. Поэтому во время войны всех уполномоченных ставили на постой к Смирновым. А как же, накормят, есть чем. А жили те уполномоченные с весны и до поздней осени. Было в доме и масло: льняное и конопляное на каждый день, а по праздникам ели в семье и кедровое. По осени Тимофей с внучкой Шурой переправлялись на лодке за речку, где на-

бирали шишек. Потом, поджарив орехи, толкли их в ступе, парили в чугунах в печи, и только после этого выжимали масло.

А ещё выручала их хорошая овечка Маруська, которая приносила в год по пять ягнят. Два раза за год ягнилась! После сдачи государству мяса и шкур и себе оставались ягнята. Жена Алексеевна тоже была трудолюбивой и бережливой хозяйкой, всегда просыпалась до свету в четыре часа, другие хозяйки только встают, а у неё уж печь истоплена и завтрак готов. Когда жизнь поворачивалась трудной стороной, доставала из сундука свой девичий сарафан и шила из него любимой внучке обновку, делала платки себе и ей.

Жена в отличие от него была очень набожной. Знала много молитв и умела лечить детей. Иногда на Троицу ездила она в Ачинск в церковь. Останавливалась у своей сестры Шуры. Та была замужем за секретарём райкома. Гостила Алексеевна в городе по неделе, дома невестки управлялись. Любил и уважал свою жену Тимофей. Была она спокойной и доброй женщиной, умела при необходимости укротить его пыл и гнев. Когда однажды он закричал на неё при детях, выговорила одному:

- Ты почему на меня голос повышаешь? У нас в доме чужие люди, а ты кричишь!

Имела она ввиду невесток, не хотелось ей показывать дурной пример молодым.

Тимофей вспомнил, как в начале войны он поймал большую выдру и отдал её за просто так очередному уполномоченному. Зато самому пришлось шить шапку из шкуры кота. Ничего, лёгкая шапка получилась и тёплой, пять лет проносил!

Слава Богу, война кончилась, и сыновья живые остались. Колюшку ранило, так главное, живой вернулся, Енька, слава Богу, тоже цел, и награду имеет, командир даже благодарность присылал, не стыдно перед людьми за таких сыновей. Сколько солдат полегло, а их сыновья живые. Может Надины молитвы уберегли детей, ведь молилась она усердно каждое утро, и каждый вечер.

Енька - то, домой не сразу вернулся, отслужил ещё и срочную службу. Дал бы Бог внуков Енюшкиных дожидаться. У Колюшки растут трое: дочь и два сына, будет, слава Господу, на земле продолжение Тимофеева рода.

Тимофей Фёдорович поднялся, подозвал свою собаку, которая сопровождала его во всех походах, и споро зашагал под гору. А берёза зашелестела ему вслед своими листьями, словно прощалась с путником до завтрашнего дня.

Когда задули зимние метели, дерево погрузилось в сон. А старик доживал свою последнюю зиму, но этого ещё не знал. Жил заботами семьи, думал, как помочь Колюшке перестроить дом, радовался внукам.

После Пасхи в 1947 году Смирновы решили наготовить брёвен, чтобы потом по теплу пересыпать старый дом Родыгиных, где жил Николай. Сыновья ушли в лес, а Тимофей Фёдорович сходил за бутылкой самогонки к Белоусовой Любе, чтобы с устатку было сыновьям что выпить, потом отправился проведать внуков. Поговорил с невесткой Ариной, подержал на руках маленького Колю, хотел присесть с ним на стул и промазал - сел мимо. Ребёнка удержал, но потом скоренько засобирался

домой. Арина видела из окна, что он не шёл, как обычно, а бежал. Поняв, что свёкру нездоровится, она послала вслед за ним племянника. Тимофей же забежал домой, скоренько лёг на кровать и попросил жену разогреть масла. Пока та раздувала в печи угольки, разогревала на них масло, за делами не видела мужа. Лишь услышав храп, подбежала к кровати, а тот уже мёртвый. Видно не хотел он пугать свою Алексеевну и отправил от себя специально. Как жил её Тимофей быстро, так и умер, долго не мучаясь. Видно за всё хорошее, что делал он в жизни, дал Бог ему лёгкую смерть.

А берёза, росшая у дороги, шуршала на ветру голыми ветками, когда по апрельскому снегу везли на кладбище гроб с Тимофеем Фёдоровичем, словно пела ему последнюю прощальную песню.

Пролетели годы, словно жёлтые листья с деревьев в осенний листопад, нет уже в живых детей Тимофеевых: Колюшки и Еньки. Каждую Троицу идут мимо постаревшей, но ещё живой берёзы его внуки и правнуки на кладбище к своим родителям. Но нет уже жизни в Улановой деревне, зарастают окрестности лесом и бурьяном. Много изменилось и в России. Но это уже будет другая история, и жизнь других людей.

МИЧУРИН

Летом на речке Суразовке купались все улановцы, кому позволяло здоровье. Причём, у каждого поколения было своё любимое место. Взрослые парни и девушки выбирали глубокое место - омут на мельнице. А ребятня принимала водные проце-

дуры на мелководье по всей речке. Наш ребячий край купался около кузницы. Перейдёшь через речку по перекату, и купайся, сколько душе угодно. Умеешь немного плавать — заходи поглубже, нет - плещись на мелководье, получай свою водную закалку.

В то лето наш заветный заливчик испортили взрослые. После смерти Смирнова Николая забросили в воду два его протеза как раз на наше купальное место. Натолкнувшись на один из них, мы пошли искать место для купания выше по течению. Протез нас напугал тем, что был принадлежностью мёртвого человека. Смерть для ребёнка всегда нечто загадочное и страшное. Потому и страшились мы тех протезов, хотя хорошо разглядели один, когда мальчишки по незнанию вытащили неизвестный предмет на берег. Попугав нас, они закинули его вновь в воду, а потом всё же как-то при случае вытащили и сожгли в костре.

Хозяин протеза — высокий крепкий и красивый мужик ходил при жизни в шляпе и был похож чем-то на знаменитого садовода Ивана Мичурина, портрет которого каждый школьник видел в «Родной речи» - учебнике по чтению. Жил Смирнов в большом доме рядом с колхозной конторой, за которой ближе к речке располагалась кузница. Вдоль всей ограды у Смирновых высокой стеной рос летом хмель, обвивая весь тын, а в огороде гудели пчёлы.

И вот в такую благодатную летнюю пору ушёл из жизни этот человек. Его уход для меня и моих сверстников запомнился только теми утопленными протезами. Тогда мы, дети, жили с взрослыми

ещё в параллельных мирах и почти не встречались с этим человеком.

С того лета прошло пятьдесят лет, прежде чем всплыла в моей памяти та картина с протезом, и я заинтересовалась судьбой Смирнова Николая Тимофеевича.

Интересная штука жизнь: сколько люди не пытаются постичь её тайну, но не приблизились к её разгадке даже на сантиметр! Каждое поколение ищет свои способы познания, но тщетно! Как оставался человек для себя неизведанным космосом, так и остаётся. В рождении детей, а потом и внуков Тимофея Смирнова была тоже какая-то генетическая загадка. Не живучие рождались дети и всё тут! Девять детей умерло в семье Смирнова Тимофея, в живых остались только двое. Отец так любил своих долгожданных сыновей, что всю жизнь называл их как в детстве ласково Колюшка и Енька.

Старший Колюшка родился в 1912 году, росмышлёным парнишкой. Но время выпало на его детство трудное. Школы в глухой таёжной деревне Тайменьке не было, и Тимофей сам научил своего сына азам грамоты. Потому школьное образование парень получил, когда подрос, работая киномехаником. За парту сел Колюшка впервые в 16 лет! За два года закончил четыре класса. Грамотных людей тогда было мало. Умного парня отправили работать учителем начальных классов, и он, уже работая, экстерном закончил семилетку, а потом и педагогические курсы.

В 1933 году молодого учителя отправили работать в деревню Ганину Гарь. Поселили его на квартиру к Ивану Ивановичу Сафронову, зажиточному

по тем временам хозяину. К хозяевам забежала иногда племянница Арина Иванова. Николай положил на неё глаз, а сам в это время встречался с другой Ариной. У племянницы хозяина тоже был парень, и она на Николая даже не обращала внимания. Влюбившись, молодой учитель понял, что никто ему, кроме Арины Ивановой - стройной красивой и доброй девушки, не нужен. Всякие встречи с другой Ариной он прекратил. Стал ухаживать за племянницей хозяина. И женился на ней. Только почему-то учитель не нравился Софроновым, и все родственники невесты были против их брака.

Кроме дядек и тёток не было у Арины в деревне другой родни. Родителей она лишилась еще ребёнком в далёкой Белоруссии.

Когда братья Ивановы Антон, Иван, Моисей, Александр с двумя сёстрами из Белоруссии поехали в Сибирь, отец Арины Антон отправился туда один, Александрина ждала мужа на родине с детьми. А братья строили большие добротные дома на таёжной гари, названной в честь Ганьки (Гавриила Конусова) Ганиной Гарью. Построив дом на новом месте, Антон поехал за семьёй. Путь был неблизким, поезда, вокзалы, разные попутчики. В дороге подхватил мужик тиф, гулявший тогда по России, и к семье приехал больным и вскоре умер. Заболела, заразившись от мужа, и сама Александрина. Старенькая её мать вызвала другую дочку ухаживать за больной. Та приехала не одна, а с ребёнком и вскоре тоже слегла. Умерла и Александрина, и её сестра. Старуха стала ставить квашню на печь, чтоб испечь хлеб для поминок, и её хватил удар. Упала с квашней замертво. Так за один месяц в

1921 году умерли у девчонки Арины отец, мать, тётка и бабушка. Остались в доме Ивановых Арина семи лет, её родной брат Павлик, которому было 12 лет, и двоюродный брат, которого вскоре забрали родственники отца.

Пока из Сибири приехал за ребяташками дядя Моисей Иванович, всё добро из дома и двора растащили нечистые на руку односельчане. И увозить на новое место кроме детей было нечего.

Так Арина и Павлик выросли в отцовском доме, в Ганиной Гари, но без родителей, в семье дяди Моисея. Девчонка Арина нянчила свою сродную сестрёнку, которая была у родителей единственным ребёнком.

Такую вот круглую сироту и выбрал себе молодой учитель Смирнов в жёны.

Николай с Ариной поженились и вскоре переехали в село Мелецкое. Зимой Николай Тимофеевич учил детей, а летом мыл на Кемчуге золото, учительская зарплата была очень маленькой. Первый ребёнок — девочка, которая родилась в 1935 году у Арины, вскоре умерла. В 1937 году в семье Смирновых родилась дочка Шура.

Однажды летом шёл из Енисейского монастыря старый монах, монастыри в то время разогнали, и Арина, пожалев старика, пригласила его к себе на обед. Монах, взглянув внимательно на ребёнка, которого женщина держала на руках, сказал:

- Дети, я вижу, у вас неживучие, но я научу тебя, как сделать, чтоб они жили. Когда станете крестить ребёнка, выбери ему крёстных - родных по крови: например, брата и сестру, и всё будет хорошо.

Пообедав, монах пошёл дальше, а Арина пере-

дала вечером всё сказанное стариком мужу.

Крестить девочку повезли в Петровку. Так совпало, что в это время по той же причине туда приехали из Уланова Сташкевичи с сыном Витей. Шуру крестили брат и сестра: Катерина Гвоздева и Николай Сташкевич. Катерина стала сразу крёстной матерью племяннику и Смирновой дочке.

Потом через годы Смирновы так же окрестили и сыновей Лёньку с Колькой, выбрав им тех же самых крёстных родителей.

До 1939 года Николая не забирали в армию, у него, как у учителя, была бронь

В 1939 году, когда на Дальнем Востоке стало неспокойно, бронь с него сняли и забрали в армию на действительную службу. Так попал он на Дальний Восток. И долгожданный сын Лёнька родился уже без отца.

Домой солдат Смирнов вернулся уже во время войны в 1941 году. Деревня к этому времени лишилась большей части мужского населения. Грамотного солдата сразу поставили колхозным счетоводом, в бумагах там был полный завал.

Вовсю шла война, из деревни забирали и забирали молодых парней, а про Николая забыли, и в военкомат его не вызывали, и повестки не слали. Видимо, в военкоматах была неразбериха. Николай, посоветовавшись с отцом, поехал сам в район, не дай Бог, припишут потом ещё дезертирство! А там, оказывается, на него была получена похоронка с места его службы!

Добровольца сразу отправили на фронт. Служил он в гвардейском 184 полку 62 гвардейской дивизии. Имел звание ефрейтора.

Арина работала и жила как все женщины в то время в деревне. Родила в 1942 году сынишку Мишу. Жила она в то время у родителей Николая в Уланове, поэтому было ей немного легче растить детей.

Маленький Миша, когда ему было полтора года, испугался гусей, и его стали бить припадки. Ещё раньше в семье про него говорили, что он не жилец на свете, почему-то он ел с печи глину, ковырял и ел. А может, говорили в семье такое потому, что крёстные у него были не родственники, как у Шуры и родившегося в 1939 году Лёньки.

Случилось так, что бабушка Надежда Алексеевна на Троицу уехала в церковь, где истово молилась за воюющих сыновей. А Мише становилось всё хуже и хуже. Может, будь бабушка дома, отмолила бы как-то ребёнка, полечила от испуга. Но случилось, как случилось. Бабушка на порог, и Мишенька умер, словно только и ждал её, чтобы проститься. Мишу похоронили, о чём и сообщили на фронт отцу.

Николай воевал до 1944 года без ранений. В разных боях участвовал, но ни одна пуля не задела его, как будто заговорённый он был. Возможно, материны молитвы берегли его до поры до времени.

Но однажды его везение кончилось. Произошло это в тот день, когда впервые он убил человека. До этого дня, идя в бой, он стрелял, не зная, попадает ли в цель или нет. А в тот раз столкнулся с вражеским солдатом вплотную в траншее, и если бы он не успел заколоть штыком немца, то смерть принял бы сам. И в этом самом бою получил он осколочное ранение.

И ранило Николая вроде не смертельно - в пятку, да ещё осколки попали в лёгкое. Но от разорвавшегося снаряда его ещё и контузило. Сразу оказать нужную помощь ему не смогли, и началось заражение. Так Смирнов и попал в госпиталь. Там над его ногой хирурги колдовали долго. Почти год провёл он на больничной койке. Приходилось отнимать ногу всё выше и выше. Перенёс солдат несколько операций, пока не отрезали ему ногу до колена. Раненый Смирнов, пока лежал в госпитале, стал сочинять стихи, писать рассказы, да и так записывал в тетрадь то, что было ему интересно. А интересного он насмотрелся вдоволь, ведь прошёл солдат и через Венгрию, и через Болгарию. Поэтому, когда вернулся домой, привёз толстую коричневую тетрадь со своими записями. Он и потом писал стихи, посвящая их своим родным. Но тетрадку ту после его смерти не сохранили.

Вернулся бывший учитель домой летом во время покоса уже на костылях, потом сделали ему протез. С той самой военной поры и носил он свою деревянную ногу в железных браслетах, которая так напугала нас ребятишек после его смерти.

Отец купил для Николая по соседству дом Родыгиных и отделил молодую семью. Ведь скоро ждали домой и младшего сына Еньку, в доме отца жила всю войну его жена Анюта. Становилось тесно всем даже в большом доме.

Работать в школе учителем после контузии Николай Тимофеевич уже не мог. Нервы стали ни к чёрту. Но и без работы сидеть никто не даст, занялся фронтовик пчёлами. Стал работать на колхозной пасеке с Белоусовым Павлом. Одно было плохо,

тяжело ходить пешком до пасеки, она находилась за речкой на гари. Свою культю он натирал так, что образовывалась на ней мозоль с его огромный кулак, до пасеки ведь надо было идти километра четыре. Но пчёлы его очень увлекли. Они принесли фронтовику успокоение от всех военных и других жизненных передряг. Стоило послушать их гул во время медосбора, чтобы понять, как хороша жизнь природы, как она гармонично устроена. Нет в ней ничего лишнего и случайного. Каждая букашка имеет своё предназначение. А пчелиный улей — это словно отдельное государство со своим трудолюбивым народом, со своей королевой — маткой, со своими законами и мироустройством. А как пчёлы чувствуют настроение человека! Раздражённому пчеловоду лучше к ним не подходить, они тоже начинают вести себя беспокойно. Фронтвик любил наблюдать за этими великими труженицами, отходя душой от страшной войны.

Выписывая журнал «Пчеловодство», узнал, что на Кавказе пчёлы несколько другие. И он выписал себе пчелиную матку с Кавказа. Та произвела новое потомство с длинными хоботками. Новые пчёлы могли брать мёд с белого клевера, чего не умели делать сибирские, им не надо было летать на далёкие гари и малинники, они собирали мёд на лугах.

Николай сам мастерил рамки для ульев, предварительно сделав чертежи, вымеряя всё досконально. Местная знаменитость по пчёлам Василий Шалагин приходил смотреть рамки у Смирнова. Поучился мастерству, а потом отправил чертежи рамок в журнал «Пчеловодство», выдав за своё

открытие! Николай расстроился, но пережил непорядочность Шалагина, а уважать перестал.

Насмотревшись в Болгарии и Венгрии на богатые ухоженные деревни, попробовав иностранных овощей, он решил выращивать в своём огороде понравившиеся ему помидоры и перцы. Перцы как-то не пошли, а вот помидоры стали давать урожай. С его лёгкой руки этот заморский овощ прижился и в нашей деревне.

Чтобы пчёлам было где роиться, насадил пчеловод вдоль изгороди черёмухи и хмеля. По весне белые кусты черёмухи источали вокруг аромат, а хмель к моменту роения пчёл, увивал весь плетень. Усадьба Николая отличалась от всех других в деревне этим зелёным бордюром. Когда они с братом перестроили и дом, она стала ещё краше.

А ещё решил завести себе Николай Тимофеевич валяную шляпу, заготовил шерсти и заказал знакомому пимокату. За необычный огород да за шляпу прозвал мой отец его Мичуриным. Прозвище в деревне прижилось, а Николай не обижался — Мичурин был уважаемым в стране человеком. Потом и сына Николая Лёньку в шутку начали называть Мичуринцем.

После смерти отца Николай пересыпал старый дом, сделав новый подруб. Работа затянулась до поздней осени. Арина простыла и заболела, в деревне началась эпидемия тифа, в 1948 году она переболела им, тиф перенесла, но ослабленный организм не справился с очередной напастью. Подхватила женщина туберкулёз, и уже больная в 1952 году в 38 лет родила сына Митю, после родов податься не смогла. Измученный болезнью организм

израсходовал весь свой запас прочности. Николай повёз жену в январский холод в больницу в районное село Бирилюссы. Видимо, врачи ничего сделать не могли и больную отправили домой. Поставили об этом в известность Николая. Мужик с горя напился, пьяный завалился на сани прямо больной жене на ноги и уснул. Свернуть огромное тело пьяного мужа обессилившая женщина не могла. Поэтому, пока доехали до дому, она отморозила затёкшие от неподвижности ноги, январь в тот год был суровым. Приехали они домой на Крещение, 19 января, а 21 она умерла. Так закончилась жизнь первой жены Николая Арины Антоновны.

После похорон жены Смирнов запил почёрному. Сдав государству на двадцать тысяч рублей мёду, он ящиками таскал водку, благо магазин находился через дорогу. Чтоб не расстраивать плачущую дочь Шуру, закапывал водку в снег и потихоньку пил.

Ещё раньше, летом, когда Шура смотрела за роящимися пчёлами, он пообещал дочке купить пальто, когда сдаст мёд. Но теперь деньги с каждой пьянкой таяли очень быстро. Когда дочка заикнулась о пальто, отец ответил:

- Купим радио. Пальто ты будешь одна носить, а радио будем слушать все. Купили на оставшиеся деньги радио «Родина», которое установил бывший военный радист Захар Шкляев - у него уже был свой приёмник. Передачи к Смирновым приходили слушать все, кто хотел. Старый Яков Чекрыгин, живший неподалёку, послушав радиоконцерт, заявил во всеуслышание:

- Это черти в ём пьют! - и долго не приходил

к Николаю. Но со временем и он приохотился слушать радио. В деревне в ту пору было всего два радиоприёмника, и все, кто хотел, приходили послушать передачи, которые расширяли привычный мир деревенских жителей.

На оставшиеся после покупки приёмника деньги Николай Тимофеевич купил дочке поношенное пальто у взрослой женщины в соседней деревне. Но Шуре оно было велико.

Оставшись с четырьмя детьми на руках, пропив все деньги, Николай решил жениться. Младшего новорожденного сына по решению бабушки крестили уже разные крёстные. Николай предложил троюродной сестре Арины - Верочке Софроновой, жившей в то время уже в Уланове, стать его женой. Но не имевшей своих детей женщине страшно было пойти на четверых чужих, и она отказала Николаю. Вдовец тогда поехал в Ганину Гарь и привёз себе жену, а детям мачеху. Это была вдовая та первая Арина, с которой по молодости встречался молодой учитель. Верочка запереживала, жалко ей было Николая, а новых женихов после войны не светило, и она, нарядившись, всё чаще и чаще пробегая мимо Смирновых, заглядывала в окошки, надеясь увидеть Николая. Но ничего изменить было уже невозможно.

У новой жены Смирнова было трое своих детей. Большое хозяйство, семеро сведённых в кучу детей сводили с ума Арину. Она была бы рада, если бы кто-нибудь из них умер. Порой произносила вслух, когда кто-то из Николаевых детей болел:

- Болеют, болеют, а не помирают!

Вскоре её слова дошли до Бога, маленький Митя

умер от младенческой. Арина хоть и не показывала своих чувств, но была этому рада. Прав оказался и монах, предсказавший когда-то в Мелецком судьбу Ариными детям - выжили их с Николаем только крещёные родными кумовьями дети.

Наступило лето 1953 года, колхозники на речки начали строить запруду, новая Арина, будучи беременной, отправила вместо себя на работу падчерицу. Озорная Дуська Терещенко во время обеда скинула разгорячённую от работы девчонку в ещё холодную воду. После этого купания у Шуры началось крупозное воспаление лёгких. Пока она болела, в семье произошли изменения. Мачеха со своими детьми вернулась в Ганину Гарь.

Вдовый фронтовик снова сватает Верочку, та была троюродной сестрой его первой Арины, не совсем чужая детям, обижать не должна. И молодая женщина на этот раз согласилась. Так появилась у Николая молодая третья жена.

С приходом Верочки дом засиял чистотой и порядком. Дети заметили, как с молодой женой преобразился и отец. Стал следить за своим внешним видом, помогал жене по хозяйству, в доме не топтался в валенках, разувался у порога, не плевался на пол кровавыми харчками, как было до этого, соблюдал порядок. Наверное, жалел молодую Верочку, что взвалил на неё троих своих детей, и когда Шура закончила семилетку, отправил её, четырнадцатилетнюю, поскорее в город, в поношенной Лёнькиной фуфайке, дав ей совсем немного денег. Может, чтоб назад не вернулась, а может, по мужицкой неопытности, не понимал, что дочь совсем мала, и никто её в городе не ждёт.

Родственники, что так любили отдыхать летом у Николая на свежем молоке с мёдом, девчонку к себе не приняли. И свою жизнь она устраивала среди чужих людей.

Когда через год, получив первый свой отпуск, Шура приехала в родительский дом, у отца с молодой женой уже родился мальчик. Назвали его Толиком. Так Верочка, троюродная тётка Шуры впервые стала матерью.

Весь свой отпуск Шура копала картошку на большом отцовском огороде, ведь молодой маме хватало других дел. Лёня работал в колхозе, Коля учился, братья дома уже бывали меньше.

Но семейное счастье, выстраданное Николаем, длилось недолго, всего восемь лет. Ещё древние греки говорили, что боги не любят, когда люди счастливы.

Больные лёгкие с возрастом всё больше изнашивались, и Николай тоже заболел туберкулёзом.

Умер Николай Тимофеевич совсем молодым - в 48 лет, оставив после себя троих сыновей — продолжателей рода Смирновых.

После смерти отца, когда задумал жениться Лёнька, мачеха сказала ему, что отец был бы не доволен его выбором. Дескать, родство с Сосулихой Николая не обрадовало бы. Но парень женился по любви на выбранной им девчонке и слова Верочки пропустил мимо ушей. Сыграли свадьбу, и молодые зажили своей жизнью.

Верочка купила себе небольшой дом около школы и стала жить в нём с Толиком. А в родительском доме остались молодые Смирновы, где и произвели на свет двоих сыновей. Шура Смир-

нова к тому времени тоже устроила свою жизнь, став Жилинской. Она растила дочку и сына. Коля, младший сын Арины и Николая, благодаря сестре, получил неплохое образование и тоже обзавёлся семьёй.

В КАЖДОЙ ИЗБУШКЕ СВОИ ПОГРЕМУШКИ

Однажды осенним дождливым вечером 2008 года у меня зазвонил телефон. Звонил друг детства Женька Смирнов. Хотя давно уже не Женька, а Евгений — мужчина 55 лет от роду. Но для меня он оставался прежним другом детства Женькой. Ровесники стареют лишь тогда, когда они живут далеко, когда же близко, то ни седина, ни морщины не замечаются, а души ж всегда остаются молодыми. Наша жизнь с Евгением протекала всегда почти рядом.

Прочитав мои рассказы о наших земляках, он высказал удивление моей осведомлённости, а потом добавил:

- Надо же, у моего двоюродного брата есть родная сестра по отцу, а он и не знает. Если бы у меня была сестра, я её бы нашёл, хотя бы из интереса! Сказал жене, а Галина смеётся, дескать, а ты покопайся в своей родне, может тоже сестру или брата найдёшь.

Посмеявшись сказанному, мы закончили беседу с земляком, и я занялась домашними делами.

Переваривая мысленно телефонный разговор, я вдруг начинаю вспоминать детство. И перед глазами возникает картинка. На табурете у порога

сидит дядька Евгений - подвыпивший Женькин отец, большой крепкий мужик, и ведёт разговор с моей мамой. Дом наш маленький, и я верчусь неподалёку от взрослых и своими локаторами ловлю их разговор.

- Я же в плен попал... У меня там женщина была. Она меня спасла ...дочку родила... Когда наши освободили город, я ушёл воевать. Потом я сам на себя похоронку выписал и послал ей, чтоб не ждала ...

Мне не все слова были понятны, потому память и сохранила только эти обрывки разговора.

Боясь ошибок, Женьке не звоню. Вдруг моя память что-то напутала, а я его потревожу понапрасну.

Начинаю обзванивать своих деревенских, тех, кто постарше нас. Красноярские старухи никакой дочки не помнят, но Татьяна Котова вспомнила, что ещё до войны парнем Евгений поймал в лесу мать Чикаева Павла и изнасиловал, родители парня это дело как-то замяли.

Так, в Красноярске облом. Звоню дальше, ищу подтверждение или опровержение воспоминаниям из детства.

Из под Воронежа приходит сообщение от Тани Смирновой, что дочка у дядьки мужа точно была!

После этих слов я сообщаю Женьке новость, хочу его обрадовать. Замешательство. Растерянность. Не понятно, рад он новости или огорошен.

Через некоторое время мне звонит его младший брат Сашка. Он мужик более эмоциональный и решительный. Я передаю ему то же самое, что говорила брату. Выслушав, младший Смирнов растерянно произносит:

- Она же, наверное, старая, наша сестра, в войну ж родилась!

- А тебе чё, на ней жениться что-ли, - говорю я. И мы с земляком хохочем.

Просмеявшись, я добавляю:

- Лет на десять ваша сестра старше Женьки! Ты поспрашивай кого из пожилых родственников, поди-ка чего-нибудь кто-то и знает.

Так совершенно случайно стал у меня вырисовываться рассказ о Женькином отце. Помнила я его большим и добрым мужиком, очень работающим. Жили Смирновы от нас недалеко, и дядька Евгений по праздникам иногда заходил к нам. Всегда, кстати, очень по — доброму отзывался о своей жене, называя её при этом ласково Нюрой. Дважды сгорал у него дом и все надворные постройки. Работающий Женькин отец вновь отстраивался. Может, потому и умер ещё не старым, в 54 года, что напереживался и наработался, ворочая брёвна, больше некуда.

Командировка по школьным делам привела меня вскоре в Ачинск, и я решила зайти к Жилинским, хотелось послушать воспоминания дочери Николая Смирнова о нашей родной деревне. Александра Николаевна оказалась чудесной собеседницей, и я исписала две ручки, записывая её рассказы. Тогда и нарисовалась более полная картина Евгеновой жизни.

Собственно, Евгеном его называли в деревне, а для домашних он всегда был Енюшкой, Енькой. Таким его запомнила и племянница Шура — высоким, красивым и добрым дядей, который 22 июня 1941года, посадив её на плечи, бежал к конторе

послушать радио. Туда бежали все деревенские. И они с дядей тоже. Там узнали улановцы, что началась война...

Еньку, второго и младшего сына Тимофею жена родила уже в пятьдесят лет. Потому и рос он в родительской ласке и любви. В школе учился хорошо. Да и друзья у него были неплохие ребята. Отец своим примером приучил не бояться никакой крестьянской работы. И парень к семнадцати годам вымахал сильным и красивым. Здоровая мужская плоть требовала выхода. Видимо тогда в пылу дикого желания иметь женщину и поймал он в лесу Чикаиху. Когда отец узнал о свалившемся на его голову позоре, то в сердцах выхватил из телеги оглоблю и бросился на сына со словами:

- Сейчас я тебя, паразита, женю!

Но мать встала между мужем и сыном и успокоила разбушевавшегося Тимофея. Понимала мудрая Алексеевна, что оглоблей дело не решить, сын стал взрослым.

Уладив инцидент с пострадавшей женщиной, Смирновы решили сына женить. Высватали ему соседскую девчонку Анюту — дочь Гвоздева Кузьмы, ровесницу Еньки.

Так в 17 лет парень обзавёлся женой. После первой брачной ночи жених отчего — то разбушевался, кидал всё, что попадало под руки в грязь, а мать молча подбирала за сыном. Взрывной Тимофей подскочил к сыну, схватил за грудки:

- Я тебя оглоблей тогда не отходил, так сейчас ты у меня за всё получишь!

Кое-как родственники утихомирили жениха и его отца и стали догуливать свадьбу. Дело было

в 1940 году весной, ещё до всей огородно-полевой страды, потому гуляли весело целую неделю. Кстати, раньше говорили, если на свадьбе никто не подерётся, счастьем семейному не быть!

Молодые прожили год, но ребёнка зачать не смогли. Видно Богу виднее, когда и кому посылать детей!

В первые дни войны Еньку забрали на фронт. Анята осталась жить с родителями мужа. С ними же жила и Арина, жена Николая, со своими детьми. Собственно, дома невестки появлялись лишь к ночи, колхозная работа отнимала всё время. За детьми Арины смотрела Алексеевна.

Через год после ухода Еньки на фронт Смирновы получили известие, что их сын, Смирнов Евгений Тимофеевич, рядовой, пропал без вести 19 июля 1942 года в районе ст. Белая Калита Ростовской области.

Так в доме Смирновых поселилось горе и надежда одновременно.

А рядовой Смирнов попал в плен. Немцы рвались к Волге, и огромные силы противника были брошены, чтобы захватить Сталинград. Летом 1942 года Красная армия несла поражение за поражением, бои были тяжёлыми, а противник сильнее. После тяжёлого боя Евгений Смирнов вместе с другими солдатами был захвачен фашистами.

Длинную колонну русских военнопленных фашисты гнали через город Ростов. Вдоль дороги стояли женщины, дети, старики, вглядываясь в каждого проходящего, надеясь увидеть своего отца, мужа, брата, сына.

Женька, опустив понуро голову, брёл, как и

все подгоняемые конвоирами пленные, по дороге, ни на что не надеясь. Нещадно палило июльское южное солнце. Хотелось есть и пить со страшной силой. Немцы же объявили гражданскому населению, что русские, если увидят среди военнопленных своего родственника, могут сразу его забрать домой. Толпа гражданских людей внимательно рассматривала каждого проходящего, в надежде увидеть и спасти своего солдата. Но сибирский парень понимал, что ему свобода не светит, никаких родных в Ростове у него нет. А так хотелось выбраться из этой толпы! И вдруг рядом парень услышал громкий женский крик:

-Женя!

Смирнов непроизвольно обернулся на своё имя. От гражданской толпы к нему подбежала девчонка и бросилась на шею.

Так девятнадцатилетний Женька был спасён. Девчонка по имени Мария привела его к себе в дом, где жила вместе с родителями. Чтобы его не забрали, Мария прятала его в погребе. Ночью, когда темнело, а на юге уже в восемь часов темно, хоть глаз выколи, приносила ему поесть, и солдат выбирался на воздух подышать. Молодость и во время войны молодость. Отдохнув, окрепнув, молодой мужик, естественно, потянулся к девчонке, и на время оккупации он стал для неё мужем. Женька рассказывал ей о своей семье, о своей деревне, о Сибири. Насидевшись в подвале за день, он долго не отпускал от себя Марию. А той нужно было рано вставать и идти на работу. Была она грамотной, знала немецкий язык, и немцы взяли её на работу.

Боевать тяжело, но днями сидеть в подвале

солдату опостылело. Он дожидаться не мог, когда придут свои. Наконец, русские перешли в наступление, и вскоре освободили город Ростов. И Смирнов сразу же присоединился к своим, пообещав полюбившей его молодой женщине, писать письма и вернуться, если останется живым. Но вскоре своей рукой выписал на себя похоронку (был он в хороших отношениях с ротным и выпросил у него чистый бланк) и послал Марии, чтоб не ждала. Русские хоть и перешли в наступление, но бои были тяжёлыми, что ждёт его впереди, он не знал.

Рядовой Смирнов теперь стал артиллеристом, небольшую пушку вёз на коне. С каждым днём воспоминания о жизни в Ростове уходили всё дальше в прошлое, перекрывались насущными солдатскими делами. Он не знал тогда, что вскоре станет отцом. День за днём двигалась к концу страшная война. Артиллерист Смирнов сумел подбить два вражеских танка, за что был награждён орденом Красного Знамени.

Дома несказанно обрадовались, получив заветный треугольник от сына. Жив Енюшка, слава Богу! В деревне тоже радовались этому сообщению, ведь в войну люди жили как никогда очень дружно!

В конце 1943 года почтальон Чирков принёс Тимофею Смирнову ещё один треугольник. Любопытства ради письмо раньше прочли в доме Чирковых, треугольники же не запечатывались, а просто складывались.

Тимофей, прочтя письмо, вызвал на совет к себе на полати, где он спал, жену. Дело было

зимой, требовался её мудрый совет, говорить во всеуслышание было нельзя, слишком деликатным оказался вопрос.

Письмо пришло из Ачинска от молодой женщины по имени Мария. На письме стояла и фамилия — Смирнова. Родственников в Ачинске у Тимофея с его фамилией не было.

Оказалось, известие пришло от Марии — фронтовой жены их сына, которую за то, что она работала при немцах, осудили и отправили для отбывания наказания в город Ачинск. Поистине земля круглая! Сначала Енька попадает в Ростов, теперь вот эта женщина в Ачинск! Из письма старики узнали, что у их Еньки есть дочка, которую теперь растят родители осуждённой женщины. Мария жаловалась, что на дворе зима, холод, а у неё никакой тёплой одежды нет, арестовали её ещё по теплу.

Старики посоветовались и решили снохе Анюте ничего не говорить, не расстраивать, а Марии, что спасла их Еньку, отправить посылку. Грех им будет, если ей не помочь! Собрали фуфайку, валенки, тёплый платок, кое-что из продуктов и отправили. На том и закончилась переписка.

Анюта о письме узнала от кого-то из деревенских, Чирковы поделились прочитанным с соседями, те с другими, так и до солдатки новость пришла.

За три года войны она уже и подзабыла мужа. Прожили-то только год, и привыкнуть-то толком не успела! Поэтому сильно и не расстроилась. Даже успела влюбиться в Казакова Валентина, молодость всё равно берёт своё, но того вскоре забрали в армию на Дальний Восток. Потому тот

роман, не начавшись, сразу и кончился. Лет ей в ту пору было только двадцать!

А Евгений воевал. Всякое было в его фронтовой жизни. К примеру, в Венгрии, когда он со своей артиллерийской пушкой на коне переправлялся через реку Буг, лоб в лоб встретился с немцами на мосту. Чтобы не попасть в лапы к врагу, солдат повернул коня прямо с моста в реку. Хотя вода была со льдом, но Бог дал, выплыл. Страшно стало потом, но не соверши он этого рискованного поступка, возможно и живым бы не остался!

Встретил победу хоть и не в Берлине, но за границей, в Венгрии.

Отслужив ещё год срочной службы после войны, вернулся он домой уже в сорок шестом. От своей жены он тоже отвык, шесть лет не виделись! Да и сам стал другим, разве можно его сравнить с тем довоенным Енькой!? Уходил зелёным пацаном, а вернулся, пройдя пол Европы взрослым, всякого повидавшим мужиком.

Здесь дома он узнал, что у него в Ростове растёт дочь, и что случилось с Марией после его ухода в армию. Когда жена Анюта ушла на работу, фронтовик объявил родителям, что намерен вернуться в Ростов к Марии и дочке. Дескать, со своими повидался, теперь надо дочь растить, а Анюта молодая, найдёт себе другого мужика.

И вновь поднялся на дыбы Тимофей, закричал, что Енька - младший сын и обязан жить с родителями, кто за ними в старости приглядит, если не он!? Немолодые они уже с матерью, да и Анюта шесть лет его ждала! А ведь могла бы и не дожидаться! Некоторые бабы и с детьми своих мужей не ждали!

Разозлённый Енька стукнул дверью и выскочил на улицу, заявив, что своей жизнью он сам распорядится, что он неединственный у них сын, пусть Николай доглядывает их в старости!

И опять старые Смирновы держали меж собой совет, чтобы найти верное решение. Тимофей вскоре поехал в Орловку вроде по делам, а сам направился к знаменитому знахарю Галушко, рассказал тому о своей печали и привёз от него бутылку самогонки. Видно наговорённая она была, потому, что споили её всю младшему сыну, и Енька успокоился. О Марии больше дома не заикался, и Нюра стала хороша. Разве только иногда, бывая у брата Николая, выплёскивал обиду на жену, что не может забеременеть и обвиняет в этом его. Но ведь он же не бездетный, ведь растёт же где-то у него дочь!

Прошло долгих шесть лет после его возвращения с войны, и, наконец, у Анюты родился первенец, которого назвали отцовским именем. В деревне нашей было поверье, если в семье не живут дети, надо дать им родительские имена. С этих соображений на всякий случай и дали сыну имя Женя, а его отца в деревне называли, сколько я помню, Евгеном. Лет через семь родила Анюта ещё и Сашку. Так, став отцом двоих сыновей, Евгений окончательно успокоился. Но видно вспоминал порой он ту девчонку, благодаря которой остался жить, пытался представить, как растёт его дочь, глядя на её ровесниц, и делился своим наболевшим с человеком, который мог бы его понять. Вот в такую минуту откровенности мои детские уши и слышали его рассказ.

Найдут ли братья свою сестру, покажет время. А мне в моём рассказе остаётся поставить точку.

ШАЙТАН

Жил в нашем краю деревни мужик - Чекрыгин Роман. Был он среднего роста, крепкого телосложения и по внешнему облику напоминал гриб боровик, особенно зимой, когда ходил в ватных стёганных штанах. Жили Чекрыгины в большом пятистенном доме, который достраивал Роман, уже вернувшись с войны. Дом весело смотрел на улицу многими окнами с резными ставнями, он был самый красивый в деревне. В нём была особая комната - горница, которая зимой не отапливалась и стояла закрытой (для экономии дров). Весной хозяин открывал резные створки дверей, и комната до поздней осени становилась жилой. На широких подоконниках жена Романа Анисья выращивала много разноцветных гераней. Везде в доме поддерживался порядок.

Чекрыгин, вернувшись с фронта, завёл пчёл. Дело это он знал, да и уставшая от войны душа отдыхала около великих тружениц. По тем нищенским временам тот, кто имел пару ульев, уже считался богатым. За мёд можно было выручить какую-то копейку, чтоб заплатить налоги государству, и на праздничный стол было, что поставить. Любил порой бывший фронтовик пробежаться с ружьишком по лесу и без добычи домой не возвращался. Одним словом, был Роман Яковлевич хорошим хозяином.

Роману повезло вернуться с фронта живым.

Воевал он под Москвой, был ранен в спину. Но с таким ранением можно было жить и работать.

Как всякий деревенский мужик он любил рассуждать о политике. Часто приходил к нам слушать китайское радио. В пору обострения политических отношений с соседней страной, велось для СССР передачи на русском языке из Китая. И хотя в СССР пытались глушить выступления китайцев, кое-что можно было разобрать. Прослушав очередную передачу, Чекрыгин выдвигал свои версии, прогнозы, ждал или нет войны с Китаем, какую политику ведут американцы, зачем мы помогаем Кубе, есть ли у нас друзья в мире.

Когда-то Роман Яковлевич создавал колхоз и работал в нём самым первым председателем. А после войны на этот пост нашли молодого и грамотного фронтовика. И Роман Яковлевич работал на разных работах — куда пошлют. Иногда случались у него загулы. В такую пору он начинал выяснять отношения со своей женой Анисьей, выгонял из дома дочек и «наводил порядок» в доме. Открывал створки окон и выбрасывал горшки с геранями. Справившись с этим делом, брался за швейную машинку. Бережно брал её на руки и выносил на улицу, осторожно ставил посреди дороги. После этого заходил в дом и заваливался спать. Жена с дочками плача собирали поломанные цветы, уносили машинку.

По имени Романа Яковлевича звали лишь в глаза, а за глаза называли Шайтаном. Прозвище намертво прикипело к Роману. По молодости был он парнем хулиганистым. Чекрыгины были в числе первых жителей деревни. Отец Романа - Яков

привёз в Сибирь семью из-под Орла. В Уланово соседями Чекрыгиных стали переселенцы Вятской губернии — вотяки. Свои дома они строили за ложком. Вотяки — народ спокойный, скромный. А молодой Чекрыгин был совсем другого характера. После рабочего дня Роман со своим другом Тимкой Ямщиковым ходили в гости к соседям. Интересно было парням, как те говорят, как живут, что едят. Вотяки жили себе тихонько, работали, с соседями общались по необходимости. Они плохо знали русский язык. А в русских парнях кипела молодая удаль, которая искала выхода. Вот и нашли они себе развлечение пугать вотяков. Чего только они не придумывали! Летом мог Роман, надев вывернутую шубу, напугать в лесу ягодниц — трещал кустами, ревел медвежьим голосом. В другое время (ближе к ночи) засунет жердь в дырку под полом соседям и стучит. А то зимой залезет на крышу, закроет отверстие в трубе, и весь дым в дом валит. И много всяких других проказ придумывали Роман с Тимофеем. Набедокурят друзья соседям, а потом зайдут в дом, как ни в чём не бывало, сочувствуют, советы дают, что делать, а то страшные байки начнут рассказывать о нечистой силе. Дескать, черти это вредят. Вотяки согласно кивают головами и говорят по-своему: «Шайтан, шайтан!» А парни выйдут из дома, смеются да новые козни придумывают. И ведь выжили соседей! Уехали те в другие места. Молодой Чекрыгин как-то пьяным начал похвастаться своими проказами перед сверстниками. Парни посмеялись над ним, но запомнили интересное вотяцкое слово. С тех пор и получил себе Чекрыгин прозвище - Шайтан! Женился Ро-

ман, детей завёл, на фронт сходил, жизнь прожил, но так и остался для земляков Шайтаном

НЮРКИНА ЛЮБОВЬ

Весь день Нюрка ходила сама не своя. Что только не лезло ей в голову. Одно отчаянное решение сменяло другое, потом она мысленно всё отвергала и начинала искать что-то другое. Дела, которыми она занималась, делались ею машинально. Мать несколько раз спрашивала дочку о чём-то, но та отвечала ей невпопад. Утром дочка жаловалась на боль и не пошла на работу. В конце концов, Авдотья посчитала, что дело в болезни, перестала приставать с вопросами, замолчала, предавшись своим мыслям.

А Нюрка, остановившись, забывала вдруг, что она до этого делала. Потом, спохватившись и вспомнив, зачем она здесь, на этом месте, принималась вновь за работу. О чём только не перемудала! Когда решение пришло, девчонка как-то сразу успокоилась. Теперь все её мысли сосредоточились на главном. Нужно было всё успеть сделать до вечера. Сделать так, чтобы никто и ничего не заметил. Улучив момент, она достала из сундука юбку, кофту, отыскала полушалок и ещё кое-какие вещи, сложила их в ситцевый платок, завязала концы в узел и остановилась, вспоминая, чего же ещё не хватает. Вспомнила, что надо взять метрики, положила их в узелок и, оглянувшись по сторонам, пошла к бане, что стояла в конце огорода. Там, около бани, ещё раз оглянулась (не видит ли кто), положила свою ношу в лопухи и быстро

вернулась в дом.

Когда дома всё было сделано, она пошла к роднику за водой. Идти надо было под гору, около бани она захватила свой узелок, положила в пустое ведро и по тропинке спустилась к ключику. Здесь она поставила ведра и с узелком пошла дальше, в сторону речки. Затем повернула к кусту боярышника, оглянулась. Убедившись, что её никто не видит, спрятала в траву узелок.

Потом девчонка вернулась к роднику, набрала воды и неторопливо зашагала по тропке к дому.

Вот и всё, решение принято. Только бы получилось то, что задумано! Она смотрела по сторонам каким-то отстранённым взглядом. Вот одиноко стоящая на горе берёза. Сколько влюблённых пар укрывала она своей листвой от любопытных глаз летом. Уже появились на ней жёлтые листья. А тропинка под горой, наоборот, зазеленела после недавних дождей. Близился к своему концу август. Лето, как всегда, пролетело быстро.

А было оно, это лето, для Нюрки самым счастливым за всю её короткую жизнь. А теперь нет человека, более несчастного, чем она. И всё из-за него, из-за Васьки!

Вася приглянулся ей давно. А он её сначала не замечал. Парень он был видный, и девки так и вились около него. Нюрка не знала, как расположить к себе парня. Сколько слёз она пролила в свою подушку из-за него! И вот нынче в мае, когда цвела черёмуха, Вася в первый раз пошел провожать её с вечерки. У девчонки всю дорогу бухало в груди сердце. Ей казалось, что даже парень слышит, как громко оно стучит.

Высокий широкоплечий в светлой рубашке он шёл рядом и казался Нюрке самым лучшим и красивым. А по деревне цвела черёмуха, цвела она и под горами у речки. И толи от дурманящего запаха черёмухи, толи от счастья быть рядом с любимым у девчонки кружилась голова. Так началась её первая сумасшедшая любовь.

Когда Вася в первый раз её поцеловал, она вырвалась и убежала, долго прижимала руки к пылающим щекам, а внутри у неё всё ликовало и пело. И весь следующий день за любой работой она думала только о любимом и не могла дожждаться вечера, чтобы поскорее встретиться с ним.

Вот с той самой майской поры и закружила девчонку любовь, и понесла, а куда она ещё не знала. Это были дни сплошного девичьего счастья. Всё ей нравилось в любимом. А парень, видя, что девчонка не в себе от нахлынувшей любви, становился всё настойчивее. И однажды она уступила. Только после первой этой близости Василий с нею уже не церемонился.

-Ну, чего ты ломаешься, чай не девочка уже!

- Ой, Васенька, страшно мне, ведь если тятя всё узнает, он меня прибьёт, ты не знаешь, какой он у нас строгий, а вдруг у нас ребёнок будет?!

- Да чего ты, дурочка, расстраиваешься. Сказал, что женюсь осенью, значит, женюсь!

И Нюра снова ему уступала. А когда она поняла, что беременна, испугалась. Стала спрашивать у Васьки, как ей быть. На что тот лишь отмахнулся: «Я что, ты и думай. Рожать или не рожать — это ваше женское дело».

Нюрка от таких его слов расплакалась. Парень

лениво потянулся и произнёс успокаивающе: «Ладно, будет мокроту разводить, уж и пошутить нельзя. Может, вон сходишь к Дарье, она, говорят, может выжить ребёнка».

К Дарье несчастная девчонка не пошла. Одно, что боязно очень, другое — страшно, если отец узнает, убьёт. Ведь в деревне от людей не спрячешься. Тайное всегда становится явным. Нюрка решила, что если Василий на ней не женится, то и жить ей незачем, уж лучше в омут головой. Встречаясь вечерами со своим возлюбленным, она старалась завести разговор о замужестве. Но тот в последнее время всё больше отмалчивался или уводил разговор в сторону.

Сегодня утром во время завтрака Нюра узнала, что вчера Белоусовы ходили в сваты. Услышав за столом такую новость, девчонка не знала, куда себя деть. Выскочила в огород, как будто по делам, а сама не знала, как справиться с собой, чтобы не завывать от свалившегося на неё горя на всю деревню. Весь день она искала выход из сложившейся ситуации. Теперь решение найдено. Отступать ей некуда.

Уже солнце клонилось к закату, когда девчонка переоделась, посмотрела на себя в зеркальце, причесалась, достала с полки отцовскую бритву, сунула её в карман юбки и пошла к двери. Остановилась у порога, в последний раз окинула взглядом отцовский дом и вышла на улицу. Где-то на горе играла гармошка, девчонки пели что-то весёлое, но Нюрку это уже не трогало. Она шла, не спеша, пытаясь оттянуть минуты, оставшиеся до свидания, до последнего их с Васькой свидания. Она подошла к амбару Родыгиных, около которого

всегда устраивались танцы, остановилась. Кто-то из девчонок спросил, знает ли она о скорой Васькиной женитьбе. Нюрка кивнула головой, а потом сама подошла к своему возлюбленному и предложила ему прогуляться около речки. Тот согласился. По заветной тропочке сначала шли молча. Потом Василий стал что-то рассказывать, а девчонка вдруг ясно поняла, как она обманулась в нём. Она поняла, что не любил её Васька, что никогда не собирался на ней жениться, что он просто посмеялся над её первым светлым чувством, перешагнув через её любовь и растоптал в ней самое лучшее. И от этого открытия в груди что-то болезненно сжалось, стало так горько-горько, захотелось расплакаться навзрыд. Но она заставила себя сдержаться. Ничего слезами не добьёшься! И когда Василий предложил ей посидеть под их любимой берёзой, она согласилась. Парень решил её поцеловать. Нюрка отвела в сторону голову:

— Это правда, что ты женишься?

— Да.

— Вася, а как же я, как мне жить без тебя?

— Ну что во мне особенного?! Парней много. Ты ещё найдёшь себе пару. Ну не могу же я матери послушаться!

- Вот гад, как запел, а что раньше говорил!? - подумала девчонка. А вслух сказала ему впервые совсем не то, что думала:

— Ах, Васенька, любовь моя первая, разве она тебя приласкает так, как я? И любить так, как я, уже никто тебя не будет!

Она крепко-крепко обняла парня, стала целовать его глаза, губы, а из глаз её хлынули слёзы

отчаяния.

- Ну что ты, Нюра, Нюра,- шептал Васька...

А когда размягчённый и опустошённый близостью он отвалился на траву и закурил, Нюрка вытащила из кармана опасную отцовскую бритву, открыла её и полоснула парню по горлу. Что было дальше, она уже не видела. Совершив задуманное, она вскочила на ноги и побежала с горы вниз. Неслась в темноте во всю прыть к речке, не видя, что у неё под ногами. Несколько раз она падала, запутавшись о жёсткие стебли папоротника. Вскидывала и снова неслась вниз под гору. Добежав до куста боярышника, схватила узелок с одеждой и направилась к речке. У обрыва торопливо переоделась, снятую одежду положила на берегу рядом с тапочками и бросилась бежать прочь от берега.

Назавтра в деревне только и говорили что о ночном происшествии. Ваську отвезли в больницу, а мать Нюрки голосила по дочери, думая, что та утопилась.

После больницы Василий ещё месяца три пролежал в постели, и мать кормила его с ложечки молоком да жидкой кашей. Но молодой организм справился с болезнью. И парень выжил.

Когда рана зажила, женили его на высокой стройной девчонке белоруске, что жила по соседству

Нюрку спустя некоторое время нашли в Ачинске. Судили. Когда выводили её из зала суда, бабы кричали ей вслед: «Молодец, девка, так ему и надо. Только вот резать надо было по другому месту!»

В тюрьме она родила мальчика, но он долго

не зажился на этом свете. После освобождения в деревню Анна уже не вернулась. А через три года началась война, которая прошла с косой не по одной семье. Василий воевал, как и все. Погиб. А по деревне бегали его дети: белоголовый Лёнька, да красивая девочка Тоня.

ЛЕКАРСТВО ОТ ЛЮБВИ

Свадьба у Чирковых была весёлой. Столы стояли на лужайке около дома, ведь на дворе было начало лета. Собралось много гостей, а ещё больше зевак. Свадьба в деревне всегда весёлое зрелище для всех любопытных. Они рассмотрят всё: и как выглядит невеста, и сколько слёз она проливает, какой жених, пара он невесте или нет, как гуляется гостям, чем их угощают, у кого какие наряды.

Жених — высокий рыжий некрасивый парень был из соседней деревни Красной Елани. Невеста Анна — симпатичная невысокая девчонка в нарядном платье, с фатой и венком на голове была грустной и сидела, о чём-то задумавшись. Вдруг невеста сменилась с лица и стала внимательно вглядываться в толпу. Среди зевак она увидела соседа Андрея и забеспокоилась, стала следить за его действиями. Вскоре Анна заметила его уже среди гостей и забеспокоилась. Она слишком хорошо знала характер парня, они ж вместе выросли. Правда, Андрей был старше Анны, но не такой уж большой была эта разница. И когда он вернулся с фронта, она была уже взрослой девушкой. Сегодня сосед появился здесь не случайно, ведь на свадьбу его никто не приглашал. Теперь

невеста с тревогой следила за незванным гостем. Настроение у девушки испортилось, Андрей - её первая любовь, за него, а не за рыжего Гавриила мечтала она выйти замуж. И Андрей тоже любил свою соседку. Но когда он сказал отцу, что хотел бы жениться на Чирковой Нюрке, тот просто пришёл в бешенство. И категорически запретил ему даже думать об этом. Нюрка была удмурткой, а Шарычевы - русскими. В деревне люди ещё держались своими землячествами: вятские с вятскими, удмурты с удмуртами, белорусы с белорусами, и рождались все обычно со своими земляками. Это молодым было наплевать на все национальные различия, а старики держались своих старых правил.

Вот и Нюркины родители сразу согласились отдать её за парня удмурта из другой деревни, когда тот заслал сватов. Потому невеста и была печальной, ведь выходила она не за милого её сердцу Андрея, а за чужого парня.

А её любимый был уже навеселе. В таком состоянии, он становился задиристым и отчаянно смелым. Вот и сейчас он вошёл в раж и кинулся на жениха с кулаками, перевернул стол, схватил соперника за грудки. Завязалась потасовка. К драчуну бросились родственники невесты, оттащили его от Гавриила, завалили на землю, прижали. Кто-то притащил верёвку, которой связали руки дебоширу. Потом Андрея подняли на ноги и повели домой от греха подальше.

Шарычевы жили от Чирковых наискосок через дорогу. Сдав разбушевавшегося парня отцу, сопровождающие вернулись догуливать свадьбу.

Старый Максим уложил сына спать, не развя-

зав рук. А рано утром он замочил в ушате с водой вожжи. Когда сын проснулся, отец долго бил его намоченными вожжами, приговаривая: «Это тебе за Нюрку, это за свадьбу, а это чтобы помнил, кто в доме хозяин!» Бил до тех пор, пока по спине не заструилась кровь. Андрей не сопротивлялся, трезвым он был добрым и покладистым парнем, только пытался закатиться под лавку (большую скамейку), чтобы увернуться от отцовских ударов. Мать пыталась защитить сына, но, получив от мужа пару раз вожжами, плакала в сенях от боли и от жалости к сыну.

После этой порки несостоявшийся жених долго не мог надеть рубаху и ходил с голой спиной. И неизвестно, что у парня тогда болело больше: сердце или избитая спина!

А через год он нашёл себе русскую невесту из дальней деревни.

СТРИЖЕНО ИЛИ БРИТО?

Андрей со своей женой спешили прибрать сено. Колхозное правление разрешило колхозникам заниматься личным покосом. Август месяц хоть и летний, да только мочит, когда хочет. Вот Шарычевы и спешили за погоду управиться с сеном. Свезли с утра в одно место копны, Андрей установил стожар — длинную жердь, чтоб потом вокруг неё вымётывать стог, дождались, пока высохнет роса, и стали складывать охапки сена в кучу. Когда сложили достаточно много, жена влезла на стог и стала утаптывать сухую траву, чтоб потом, не дай Бог, не пролило дождём. Крепкий черноволосый

Андрей подаёт сено большими удобными навильниками. Работают молча, стог постепенно растёт в высоту. Поднимается всё выше и выше солнце, начинает припекать.

— Андрей, мечем сено, а оно сырое!

— Нормальное сено, ничего ему не будет!

— Ну что ты говоришь, я же на сене стою, сырое оно, посушить бы надо!

— Да говорю тебе, нормальное сено, вылежалось уже, не сгниёт!

— Может и не сгниёт, так сильно пыльное будет!

— Не будет, пока перекидаем, оно ещё подсохнет!

— Сырое, сено, я тебе говорю!

— А я говорю - сухое!

— Сырое!

— Нет, сухое!

— Сырое!

Разозлила баба мужика дальше некуда. Швырнул он подальше от себя вилы, вытащил из кармана спички и поджёг сено в стогу.

— Смотри, как горит, сырое разве бы горело!?

Смотрит жена в низ на костёр, слова сказать не может.

А стог разгорался всё больше и больше. Вера спрыгнула со стога, испугавшись пламени.

— Дурак, ненормальный, стогит ведь сено!

— Ну, а я что тебе говорил!? Сухое сено! Сырое разве б горело!

Так и сожгли то, что уже наметали!

ВИТЬКИНА НЕЗАБУДКА

Весной по ложкам около деревни расцветали цветы огоньки. Было их так много, что ложки казались в это время оранжевыми. Отцветут огоньки, и появятся по этим же ложкам и под горами неброские синенькие маленькие цветочки — незабудки. Кто и когда их так назвал, неизвестно. Но если рассмотреть внимательно такой цветок, увидишь его голубизну, нежность, хрупкость. И запомнишь его неброскую красоту навсегда. Жизнь любого цветка очень короткая, но этот милый цветок можно встретить иногда даже осенью...

Погожим сентябрьским днём шёл с работы на обед Виктор Сташкевич. После очередного запоя он чувствовал себя плохо. Ещё утром на подтоварнике, где перерабатывали зерно, он несколько раз отходил в сторону отдохнуть — в груди появлялась боль.

А теперь он шёл домой на обед. Боль в груди то нарастала, то на какое-то время отпускала, и Виктор надеялся отлежаться дома. Такое было с ним и раньше, но потом всё проходило. Вдруг особенно резкий приступ боли заставил его присесть на лежащие у дороги брёвна. Присел он и больше уже не встал. Это были его последние минуты жизни. Жизни, которая уложилась в сорок лет.

Хоронила его старая мать да родственники. Своей семьи у Виктора никогда не было.

А когда-то была молодость, были мечты, была любовь.

Девчонку эту, Катку, он любил ещё в школе. Была она шустрой, красивой и нравилась многим

парням. Витька с ума сходил от предстоящей разлуки, узнав, что отец решил переехать с семьёй на Кубань. Отцу казалось, что там они заживут лучше, чем в Сибири. А Витьке не хотелось расставаться с любимой девчонкой.

Уехали. Новые впечатления на какое-то время заглушили парню боль разлуки. Но на Кубани Сташкевичи прожили только год. Матери кубанский климат оказался вредным для здоровья. Врачи посоветовали поменять климат на привычный сибирский. И Витька был безумно рад, когда они вернулись назад, в родную деревню.

Потом его отправили учиться на киномеханика. Пока он учился, у Катьки Сосулиной началась любовь с Сергеем Гвоздевым, и вскоре она вышла за него замуж. Витька переживал, места себе не находил, но ничего изменить не мог. Молодые Гвоздевы вместе прожили недолго, Сергея забрали в армию в морфлот. Служить молодожёну предстояло четыре долгих года. А Катя осталась солдаткой, так звали в деревне женщин, чьи мужья служили в армии.

Работая киномехаником, Виктор иногда видел свою любимую в клубе, среди зрителей. Жила она со свекровью, работала в колхозе.

Молодой киномеханик возил кино по всем окрестным деревням. Красивых девчонок тогда в колхозах хватало. Но не было среди них другой такой, как его любимая.

А Катя работала, писала письма своему солдату. Писали письма ему и друзья. Кто-то из них сообщил моряку, что его жена засматривается на других парней. Сергей поверил слухам и написал очень обидное письмо жене.

И через некоторое время она собрала свои нехитрые пожитки и вернулась к матери. Витька ликова! Он при каждом удобном случае зачастил в гости к бабушке, та жила рядом с Сосулиными. Он стал встречаться со своей любимой у бабушки, подальше от любопытных глаз. Встречи с Катей сделали парня самым счастливым человеком на свете. Но зря Виктор радовался своему счастью. Когда Сосулиха узнала об их встречах, она устроила дочке такую взбучку, что не приведи Господь! Как всякая мать, она хотела счастья своей дочери с достойным человеком. По её меркам Витька таким не являлся. И Мария категорически запретила дочери встречаться с Виктором. Какое-то время Катя ещё ухитрялась тайно прибегать на свидания, пока мать доила колхозных коров на ферме, но та, узнав о тайных встречах дочери, приняла другое решение. Километрах в тридцати от Уланова шло строительство железной дороги, и уже ходили первые поезда до Ачинска. Мария решила отправить дочку на станцию к родственникам, где она быстрее забудет и своего Сергея, и непрошеного воздыхателя Витьку.

Как-то днём, приехав с очередным фильмом, Виктор забежал к бабушке, надеясь увидеть любимую девчонку и договориться о встрече. Бабушка сообщила, что с полчаса назад Сосулиха пошла провожать свою Катьку в Шарыповку. Витька заметался, не зная, как быть. Бабушка, видя страдания внука, подсказала ему взять колхозного жеребца и догнать девчонку!

Парень понесся на конный двор, оседлал жеребца и помчался в погоню. Беглянку он догнал уже

далеко от деревни. О чём они там говорили с Катей на лесной дороге, неизвестно. Только домой парень вернулся совсем поникшим. На вопросительный взгляд бабушки ответил, что не сумел он уговорить Катю вернуться. Парень долго переживал, а потом уволился с работы и уехал на ту станцию, где жила его любимая. Устроился в клуб киномехаником, но отношения с девушкой не наладились. За красивой девчонкой

табуном ходили местные парни, и она на Виктора уже не смотрела. Понимая бессмысленность своего положения, парень вернулся домой.

Через некоторое время стало известно, что Катя вышла замуж за какого-то строителя.

После этого родственники, видя страдания Виктора, предлагали найти ему невесту, Катка ж не единственная девка в округе! Но парень отвечал: «Такой, как она, нет! И никто мне, кроме неё, не нужен!»

Шли годы. Виктор оставался холостым. Так и жил всё время с родителями в родной деревне. Перед каждой Троицей ждал приезда своей возлюбленной.

Катерина приезжала сначала с мужем, потом ещё и с дочками. Была она всю жизнь красивой и привлекательной женщиной. И Сташкевич всегда любовался ею. Но брошенный украдкой взгляд на любимую не приносил ничего, кроме душевных страданий.

Проходил праздник, а он ещё долго вспоминал дорогую женщину, милые сердцу черты лица, улыбку. Так и жил от встречи до встречи воспоминаниями.

Виктор стал часто выпивать. Всю свою жизнь он прожил в Уланове. Считал, что нет лучше и красивее места на земле, чем родная деревня. Он много читал. По характеру был добрым и незлобивым человеком. Так и жил, как все, как позволяло время. Работал в колхозе на разных работах. Иногда по праздникам заходил в клуб, где подрастало уже другое поколение молодёжи. Садился у печки, брал у гармониста гармонь и заводил вальс «Амурские волны», потом другой. Играя, на танцующих он не смотрел, выводил мелодии, положив голову на гармонь. О чём он в это время думал, можно было лишь только догадываться. А однажды, когда уже моё поколение танцевало в клубе, позвал Виктор меня к себе (сестра ж всё-таки) и сказал: «Смотри, как сильно Люба Смердова похожа на Катку!» Я взглянула на подружку, кивнула головой, а потом унеслась дальше.

Только много позже поняла я, что в каждом подрастающем поколении девчонок мой сродный брат искал девчонку, похожую на ту, которую он имел счастье когда-то полюбить. Был Виктор из очень редкого племени мужчин однолюбов. И любовь его, как цветок незабудки, была чистой и неброской, но одна на всю его жизнь.

ПРОЩАНИЕ

Стояли чудесные дни бабьего лета. Природа в этом году расщедрилась и на тепло, и на красоту. Впервые за много лет я в это время не была занята работой — поправлялась после операции в родительском доме. В один из таких солнечных

дней я случайно выглянула в окно. Обычно в эту пору улица бывает пустой. Всё население деревни от мала до велика пропадает на огородах — люди копают картошку, стараясь управиться за погоду.

По деревенской улице шли двое. Приглядевшись, я узнала Ложкиных: Колю и его жену Женю. Люди они были старые, давно на пенсии. Но в деревне так их называли и в пору их молодости, и в старости. Старики шли, не спеша, о чём-то переговариваясь. Видно было, что Коле трудно идти, что он серьёзно болен.

— Приехали попрощаться с деревней, — мелькнуло у меня в голове.

Старики уже давно прошли мимо, а мне всё виделось, как идут эти двое и прощаются с самым дорогим местом на земле, где прошла вся жизнь. Совсем недолго осталось ходить им по земле, но прежде, чем покинуть земной мир, хотелось ещё раз увидеть эти милые сердцу места, впитать каждой клеточкой своего тела воздух родной деревни. Здесь всё навевало воспоминания далёкой молодости...

Когда началась война, Ложкин, как и все его ровесники, ушёл на фронт.

Дома остались озорная красивая жена Саша с сыном и дочкой да старая мать. С тяжёлым сердцем покидал родную деревню и семью Николай. Он был очень добрым и спокойным по характеру человеком и не любил никуда уезжать из дома даже ненадолго. А тут война...

Долгие военные дороги были у солдата. Но Ложкин прошёл достойно свой путь и вернулся живым домой, вот только радости от возвращения

у него не было. Пока он воевал, вернулся с войны раненный Суворов Степан. Жена Суворова вместе с детьми задолго до этого покинула деревню. Степан приехал проводить родных и собирался отправиться к семье. Но на какое-то время задержался у матери. Суворов был очень привлекательным мужчиной, от таких мужиков женщины теряют голову. Вот и Ложкина Саша потеряла голову от любви. А солдат, прошедший такую страшную войну, не мог равнодушно пройти мимо красивой женщины. Мирная жизнь пьянила своей тишиной, своими надеждами. Хотелось поскорее забыть всё страшное военное время. Хотелось жить, радоваться и любить! Вспыхнуло между Сашей и Степаном настоящее чувство. Влюблённые забыли обо всём. Страсть была настолько сильной, что не было сил жить друг без друга. Вразумительные речи и слёзы близких на них не действовали. Они пригласили в один из вечеров родственников на свою так называемую свадьбу, после которой и стали жить вместе.

А Коля воевал, пока жена устраивала свои сердечные дела.

Потому и не было радости у Ложкина от возвращения домой, возвращался фронтовик к порушенному очагу. Больно ударила его измена. Саша сама когда-то пришла к нему, сама и ушла. Жить в одной деревне и постоянно видеть любимую женщину с другим мужиком, было очень тяжело. Как всякий немногословный человек, Николай переживал своё горе молча. Человек ведь как река, что бурлива лишь на мелководье, на глубине река спокойна. Вот и у человека, чем глубже чувства и

страдания, тем меньше слов он произносит. Настоящее горе молчаливо!

Только одна мать видела все переживания сына. Пыталась ему что-то говорить, советовать, ругала непутёвую Сашку. А Коля всё слушал и молчал.

А счастливой Сашке было не до Колиных переживаний. Она свою новую жизнь строила. Хотелось лучшей доли, а в деревне нищета и про света не наблюдается. Вот и решили молодожёны переехать в Ачинск. Встал вопрос, как быть с детьми Ложкиных. Но дети решили всё сами. Дочка Николая уехала с матерью, а сын Ваня остался с отцом. Этому во многом поспособствовала бабушка, которая очень любила внука и была к нему сильно привязана.

Стали жить Ложкины вдвоём. Саша пыталась увезти мальчишку в Ачинск, но сын избегал и её, и сестру. В послевоенной деревне было много вдов, которые были не прочь связать свою жизнь с Колей, человеком добрым, незлобивым, работающим. Но Ложкин никого из женщин не замечал, любил он свою неверную жену, и всё тут. А Ваня бегал с мальчишками по деревне и не понимал, почему нельзя жить вместе с мамой и папой, почему папа всё время ходит хмурый. Иногда они с другом Серёжкой забегали к Шкляеву Кольке, внуку мельника - тот был чуть постарше их. Всё мальчишкам было интересно и на мельнице, и у Кольки. Ведь тот уже учился в школе. Кроме Кольки в доме при мельнице жила и его тётя Женя, которой нравился Ваня, и она по-женски жалела его. Мальчишке не хватало материнской заботы, она стала уделять ему

больше внимания. То рубашку починит, то покормит его. Женя не была красивой, но имела очень добрый характер. И Коля, узнав, кто починил сыну штаны, заштопал рубашку или подстриг вихры, оценил её отношение к мальчишке и решился на новую женитьбу. Ложкин посоветовался с другом, с которым служил на Востоке — Смирновым Николаем. Друзья решили, что Женя будет лучшей матерью мальчишке — сама-то она бездетная и по характеру добрая. Николай предложил ей сойтись, женщина согласилась.

Своих детей у неё не родилось, и Ваня стал ей родным человеком.

Прошли годы, сын вырос и уехал в Красноярск учиться, потом там же женился. Пока он учился, на каникулах жил дома зимой и летом. Став женатым человеком, Иван приезжал к отцу реже, хотя и тянуло его на родину. Николай с женой жили теперь вдвоём.

Около деревни в пятьдесят девятом году началась большая стройка: строилась железная дорога, посёлки, станции. И от деревенской нищеты подались Ложкины в Суриково, на железнодорожную станцию. Николай перевёз туда свой дом и стал работать на почте.

Но вот после ухода на пенсию потянуло его в родную деревню. Тяга была такой сильной, что однажды он опять решил начать всё сначала.

Деревня к тому времени поредела: старые жители поумирали, молодые поразъезжались по белу свету. И Ложкины купили старый дом недалеко от того места, где когда-то была их усадьба, и начали новостройку. Спокойный и неторопливый Нико-

лай день за днём строил новый дом. Устав, садился на крыльцо, отдыхал. С крылечка открывался вид на речку. По этим тропкам пробежало босиком Колино детство, здесь начиналась его жизнь с Сашей, родились его дети. Отсюда он уходил на войну. Сюда выпало счастье ему вернуться живым, здесь вырос его сын. Все самые лучшие годы прошли в этой деревне. Вспоминалось многое и за работой, и в часы отдыха...

Так потихоньку день за днём шла стройка. Дом весело смотрел новыми окнами на деревенскую улицу. За зимой приходила весна, потом лето...

По капле уходили жизненные силы. Совсем побелела голова у строителя, а по ночам ныло усталое тело. А хотелось ещё многое успеть!

Отстроились Ложкины, пожили немного в новом доме, а тут свалилось на голову горе — скоропостижно скончался сын Иван в Красноярске, единственная надежда и опора. Похоронили сына. И опять переживал своё горе Ложкин Николай молча.

А старость на пороге тут как тут. Не стало сил готовить дрова, носить воду из далёкого родника, держать лошадь и корову. Деревенская жизнь не для старых и немощных людей. Здесь нужны силы и здоровье.

И вновь, теперь уж навсегда, уезжали Ложкины из родной деревни в город. Жили они с Женей в квартире её сестры, с которой Коля заключил фиктивный брак. После смерти свояченицы квартира досталась им с Женей.

Тесно, зато и тепло, и все удобства дома, больница рядом. Но старость совсем не в радость даже

с удобствами. Навалились всякие старческие болезни, и война давала о себе знать.

И вот перед последней дорогой приехали старики попрощаться со всем, что сердцу дорого. Сходили на кладбище, где похоронены самые родные люди, обошли все могилы, посидели, всех вспомнили. Прошли по всей деревне,

Полюбовались в последний раз на милые сердцу места. Попрощались.

Вскоре Коли не стало. Недолго после него жила и Женя.

Умерла она на девяносто втором году жизни.

ПОКОС

Лето в деревне — пора напряжённая. Недаром говорят, что летний день год кормит.

Покос — извечная крестьянская страда. В эту пору многое зависит от погоды. Солнечно, значит, вовремя всё будет сделано. А заждётся — пиши, пропало!

Покос во время войны — вдвойне страда. Старики, женщины да ребятишки косили сено для колхозных коров, убирали. И только после окончания колхозного покоса давали колхозникам день или два для того, чтобы заготовить корм своим Бурёнкам.

И вот бабы, узнав, что завтра разрешается свой покос, неслись на луга в ночь, чтобы успеть сделать больше. На всю зиму, конечно, не накашивали, кормили потом коров соломой. Но сено есть сено, солома с ним не сравнится.

Летом сорок второго года покос для себя на-

чался в конце августа. С самого утра деревня буквально вымерла, все были на лугах, остались только немощные старики да малолетние дети. Вот и три девчонки Якова Сугака были дома. С утра мать дала наказы старшей дочке, и девчонки уже взялись за дела. Переделали огородные дела, потом взялись за уборку в доме. Надя — младшая из сестёр, выглянув в окно, заметила какого-то незнакомого мужика около ворот. Она позвала к окну старшую сестру. Девчонки замерли в тревожном ожидании. А мужик без слов вошёл в дом и направился к стене, где висело старое отцовское ружьё. Старшая Люба шепнула младшей, чтоб та сбегала к дяде Терентию, тот зачем-то вернулся как раз с покоса. Дядя был человеком высокого роста, но очень больным. Надя пулей выскочила на улицу и не видела, как незнакомец снял ружьё со стены и попытался взвести курок. А ружьё было старое, в нём не было бойка. Мужик разочарованно повертел ружьё в руках, потом повесил его снова на стену и также молча вышел на улицу. Посреди улицы появился Терентий Сугак. К нему и подошёл незнакомый человек. Мужики о чём-то поговорили и разошлись. Терентий пошёл в одну сторону, а незнакомец — в другую. Девчонки наблюдали из окна, как он спустился под гору и вошёл в ограду дяди Ивана Гвоздева. Там он поднялся на крыльцо, попытался открыть дверь. Но, видимо, дверь была закрыта на замок и просто так сразу не открылась. Незнакомый мужик спустился с крыльца и почему-то быстро зашагал по огороду в сторону речки.

Вечером напуганные дети рассказали обо всём отцу. Тот сходил к брату Терентию и расспросил

его о незнакомце. Оказалось, что днём в деревню приходил дезертир Киселевич, который скрывался с начала войны в тайге. Оружие ему надо было. Узнав, что ружьё у Сугаков сломанное, хотел забрать оружие у Гвоздева Ивана. В дом сразу не попал, а потом кто-то его спугнул.

Этот случай напугал в деревне и ребятишек, и женщин до конца войны, пока не пришли с фронта мужики.

ГРЕХИ ТЯЖКИЕ

Говорят, что ничто в жизни не проходит бесследно. За всё надо платить.

А ещё говорят, что за грехи родителей рассчитываются дети, а то и внуки...

Радунца в том году выдалась солнечной и тёплой. Снег уже растаял, и женщины решили сходить на кладбище, провести после долгой зимы могилы усопших родственников. Дорогой, пока шли до кладбища, оживлённо говорили о многом. Только одна Дуся Гвоздева больше молчала и смотрела на пробуждающуюся природу. Она жила в городе и приехала к родным на выходной. Чувствовалось, что какая — то тоска гнетёт эту женщину. Обычно говорливая, в этот раз она больше слушала и молчала. Придя на погост, женщины разошлись по могилам родных, стали убирать с них траву и старую листву. Управившись, обошли всё кладбище, вспоминая, где кто похоронен. Потом присели на скамеечку и неторопливо заговорили об умерших и живых. В конце разговора Дуся

тихо произнесла: «Скоро и меня здесь похоронят». Другие женщины удивлённо завозмущались: «Чё придумала, рано тебе о смерти думать, сорока лет нет, а она, видите ли, умирать надумала!» Но Дуся произнесла с твёрдой уверенностью: «Умру я, женщины, скоро, вот увидите! Приходите на мою могилку проводить, не забывайте!» и заплакала.

И вправду, прошло совсем немного времени, и гроб с её телом привезли из Ачинска хоронить на деревенское кладбище. Умерла она после криминального аборта. Остался у неё сын школьник от первого неудачного брака, да чужой муж, которого она увела от жены и детей.

Мужа первого уже не было в живых давно. Был он речником, и смерть принял по своему желанию, когда жизнь осточертела: привязал к ноге канат и утопился в Енисее. Так что сын Дуси остался круглым сиротой.

Умерла Дуся в начале лета, когда вся деревенская природа благоухала в изумрудном наряде. По логам цвели огоньки и марьины коренья. Аромат цветущей черёмухи стоял по всей округе. Пели птицы. И над всем этим великолепием раскрывался голубой высокий купол неба.

Смерть в такую возрождающуюся пору кажется чем-то нелепым, противоестественным.

Хоронили Гвоздеву Дусю, а старые женщины вспомнили другие похороны послевоенной поры...

В жаркую сенокосную пору хоронили Гвоздеву (Сиротову) Надю. Стоять у гроба было просто невозможно от душливого запаха разлагающегося тела.

Покойную девчонку жалели все. Уж больно

несладкой была её короткая жизнь.

Родители Нади женились когда-то по любви и детей рожали в любви. Вот только прожили мало. Сначала умерла мать, а за ней вскоре и отец. Восемь детей остались одни. Все тяготы осиротевшей большой семьи легли на плечи старшего сына Ивана. Самой младшей сестре было тогда всего четыре года. Старшие девчонки нянчили младших, управлялись по дому, а мальчишки выполняли, как могли мужскую работу.

Осиротевших детей в деревне стали называть Сиротовыми, чтобы не путать с другими Гвоздевymi. В 1935 году Сиротовы переехали на новое место жительства в Уланово, в колхоз. Там им выделили маленькую избёнку, где они и ютились всей большой семьёй. Старшие братья и сёстры работали в колхозе, а Надю нанимали в няньки. Так и жили сироты, перебиваясь, чем придётся. Через шесть лет началась война, и трое братьев один за другим ушли на фронт. На Николая и Василия вскоре пришли похороны.

Оставшиеся одни девчонки выживали, как могли. Ни обувь, ни одеть, ни поесть порой было нечего. И страдались, и наплакались вволю. Но, не смотря ни на что, выжили.

Кончилась война, вернулся старший брат Иван. Стало чуточку сытнее жить. Вышла замуж Вера, женился Иван. Остались ещё три младших девчонки. Сиротовы дети росли бойкими, сами себя защищали, как могли, от обидчиков. И только Надя была очень несмелой и молчаливой девочкой. В семье её часто обижали, да и на улице ей порой доставалось от соседских ребятишек. Она всё сно-

сила молча, только плакала потихоньку от обиды. Сиротская доля во все времена горькая. А тогда ещё и время для всех трудное было.

Жизнь Нади изменилась после возвращения с войны Гвоздева Николая, по-уличному, Курусёнка, соседа Сиротовых. Прозвище досталось ему от отца. Того за чрезмерное курение звали Курусём.

Курусёнок вернулся позже других потому, что был в плену, на него даже получили похоронку, и жена уже оплакала его.

За время лихолетья привык Николай жить по законам войны: бери от жизни всё, что можешь, сегодня, завтра может не быть, а и будет, так война всё спишет. И Николай, имея молодую жену, стал поглядывать на соседскую девчонку. Сиротова Надя за время, пока Курусёнка не было дома, превратилась в красивую девушку, было на что посмотреть. Выросла Надя без родительской любви и ласки, ничего хорошего в жизни не видела. И хитрый мужик приласкал, приголубил, уговорил девчонку. Главное, устроился очень удобно - ходить далеко не надо: вышел вроде покурить ночью на улицу, а сам к молодой соседке под бочок, пока своя жена беременная ходит.

А когда появились на свет дочки двойняшки: Дуся и Маруся, мужику стало ещё проще. Уставшая за день жена уснёт около детей, а муж опять к молодой подружке. Так продолжалось почти год, и никто ни о чём даже не догадывался.

Надины домашние заметили неладное только по весне, когда избавиться от бремени уже было нельзя. Будь мать живая, всё сложилось бы в жизни семьи иначе.

Но не было матери, и начались для беременной девчонки лихие дни. Дома житья не стало: ругал брат, жена брата, ругались сёстры. Спрашивали, с кем она ребёнка нагуляла, когда успела, сидя дома. Но Надя молчала и соседа не выдавала. А он признаваться в грехе и не думал. И не к кому бедняжке было обратиться со своей бедой, не с кем посоветоваться. От такой невыносимой жизни впору было повеситься.

Наступившая весна, весело журчащие по деревне ручьи, яркое солнышко - ничто не радовало несчастную девчонку. Ведь дома попрекали каждым куском хлеба саму Надю и её, ещё неродившегося ребёнка.

Снова наняли её в няньки. Сидит она с Гвоздевым Колей, а из головы своё горе не идёт, глаза от слёз не просыхают. Что ей делать, как жить? Плачь, не плачь, а выхода нет. Никому не нужна она на этом свете. И ребёнок её никому не нужен. Нет такого человека, к кому могла бы она в горе прислониться. Нет и выхода. Тупик!

Устала девчонка от беспросветной беды своей, выплакала все слёзы за свою горькую сиротскую жизнь.

Однажды утром, когда опять домашние принялись ругаться, терпение покинуло Надю, и она в сердцах бросила: «Уж лучше утопиться, чем так жить! Как вы мне все надоели!»

Схватила фуфайку и выбежала на улицу. На ходу оделась. Брат Иван в это время городил изгородь, Надя пробежала мимо и направилась к дому Гвоздевых, где нянчила Колю.

Сергей, старший парнишка играл с Колей на

полу. Нянька мельком взглянула на мальчишек и, не снимая фуфайки, сразу же подбежала к окну. Было видно, как её брат кладёт жерди на пере-кладины, как во двор вышла жена брата, потом вернулась назад в дом.

Надя поспешила к другому окну, на улице было пусто. Метнулась снова к первому, из которого был виден родной дом. Брата уже не было во дворе, наверное, ушёл завтракать. Она, не взглянув на мальчишек, быстро пошла из избы. Серёжка спросил вдогонку: «Надя, ты куда?»

«Не твоё дело!» - ответила нянька и прибавила шагу. Парнишка выбежал следом, но девушка уже бежала по огороду в сторону речки. Серёжка вернулся к Коле, сидящему на полу, и продолжил игру. Вскоре стукнула дверь, в дом вбежали Надины сёстры.

Узнав у мальчишки, куда побежала Надя, они бросились к речке её догонять. Но не догнали. Сестры нигде не было. Девчонки пробежали вдоль всего берега, но Надю не нашли. Больше живую её никто не видел.

И только в жаркую сенокосную пору нашёл её Иван Васенёв, возвращаясь с пасеки. Прежде, чем перейти речку, решил он напиться. Когда наклонялся к воде, взгляд зацепился за что-то тёмное в речном завале. Присмотревшись внимательно, Иван разглядел, что среди огромных корчей застрял труп человека. Пить сразу расхотелось, и мужик поспешил в деревню. Сбежался к реке народ, вытащили утопленницу. Тело было обезображено долгим лежанием в воде, а потом на солнце. Поэтому скотили гроб, уложили в него утопленницу и

ночь покойницу держали на дворе у сарая. На другой день похоронили её на деревенском кладбище.

Шли годы. На каждую Троицу на Надиной могиле горькими слезами плакала её самая младшая сестра, жалея юную загубленную жизнь.

Став матерью, понимала она, что не такой уж страшной была Надина проблема, что вырос бы её ребёнок. Сколько их таких детей было после войны! Плакала младшая Сиротова, но ничего изменить не могла. И только дочку свою Надей назвала...

Пришло другое время, сытое, благополучное, никто не голодает, никто милостыню не просит. Не нравится в деревне, уезжай, куда хочешь. Работы везде хватает. Живи, рожай детей да радуйся. Вырастут дети, люди будут.

А на деревенском кладбище опять похороны. Хоронят дочь Николая Гвоздева (Курусёнка) Дусю, загубившую жизнь своего нерождённого ребёнка и свою тоже. И горько плачет у гроба мальчик, её сын, круглый сирота.

За какие же грехи мы отвечаем? За свои собственные? Или за грехи родителей?

ПРОВОДЫ ЛЮБВИ

Стояло начало августа. В колхозе убрали сено. Мальчишки, которые гребли на конных граблях, закончили свою работу, и бригадир отпустил их пораньше домой. Когда уже подъезжали к деревне, у Вовки Шпока прихватило живот. Он скоренько привязал коня к дереву и побежал в кусты. Закончив своё дело, стал застёгивать штаны. И вдруг за-

метил нечто необычное на старой толстой талине. Что-то тёмное висело среди ветвей. Парнишка подошёл поближе, чтобы рассмотреть, и обомлел от страха: на толстом суку на ремне висел человек. Заорав благим матом, толком не застегнув штанов, Вовка пулей вылетел на дорогу. До деревни мальчишка гнал коня во всю прыть.

Потом понаехала милиция, труп сняли и отправили в морг. Покойный был знаком многим. Это был Виктор Крапоткин, живший в Суриково. Утром он поехал на тракторе кому-то за сеном на дальние покосы. Трактор по дороге сломался, и он приходил искать в деревне Междуречке нужную для ремонта деталь. Таковой не оказалось, и Виктор ушёл ни с чем. А что случилось потом, с чего вдруг он повесился, никто не знал.

Крапоткина похоронили, и, как всегда это бывает в таких случаях, все пытались строить домыслы, что заставило его залезть в петлю.

Одна из деревенских версий была особенно интересной: месть первой жены и её выросшего сына.

Чтобы понять, почему возникло такое предположение, надо вернуться к дням давно минувшим.

Жили Крапоткины в Уланове. Из Уланова Виктор и на фронт уходил. На длинных военных дорогах встретил он хорошую девчонку. Толи медсестрой была на фронте и его спасла, толи просто влюбился он в неё на войне, но только вернулся Крапоткин домой после победы с молодой женой. Была его фронтовая жена симпатичной, ладненькой такой, невысокого роста женщиной. Работала она в конторе счетоводом. Молодым родители

отделили половину дома, Виктор сделал со своей стороны другую дверь, и они зажили маленькой семьёй самостоятельно. Через положенный срок родилась у них дочка Лора (это потом за давностью лет односельчане забыли и решили, что был сын).

А рядом с Крапоткиными по соседству жили Гвоздевы. У вдового Гвоздева Кузьмы осталась дома одна дочка — Дуся. Старшие дочери уже жили своими семьями. Дочери Фёдора были приятными на вид, стройными, высокими. А младшая Дуся была особенно красивой: чистая белая кожа, большие выразительные голубые глаза, словно точёная стройная фигура. Но пропадала эта красота ни за грош. Парней после войны в деревне не было, а девчат хоть пруд пруди! И почти каждая красавица.

Виктору - молодому фронтовику запала в сердце красивая соседка. Из окна своего дома наблюдал он украдкой, как шла она за водой к колодцу, как возвращалась с полными вёдрами домой. Вечером видел из окна Дусю в нарядном платье среди подруг у Родыгина амбара, где устраивались вечёрки. И он стал искать всякий раз повод, чтобы лишний раз встретиться с ней. А Дусе Виктор нравился уже давно. Поэтому она была рада случайным встречам, а потом они стали встречаться тайком от всех. Но в деревне тайны долго таковыми не остаются. Поползли слухи, и о симпатии мужа к юной соседке узнала жена Виктора. Видимо, сердечные дела мужа зашли очень далеко, и простыми семейными разборками решить их уже было невозможно. Женщина, прошедшая войну, видевшая смерть и горе, не могла простить предательства и решила

уехать на родину. Стояла холодная зима, когда она собралась уезжать. До ближайшей железнодорожной станции было сто двадцать километров. Но даже это не остановило бывшую фронтовичку. Уезжать и немедленно! Приняв решение, она попросила своего мужа только об одном: проводить их с маленькой дочкой до Козульки, ближайшей железнодорожной станции.

Подводы в колхозе не было, решили добираться пешком. Виктор взял санки, на которые усадили закутанную малышку, и пошёл провожать свою фронтовую любовь.

Так и везли они на санках сто двадцать километров от одной деревни до другой свою дочку, плод военной любви, любви, у которой оказался таким недолгим срок. А когда-то казалось, что любовь, опалённая войной, будет вечной. Но не устояла она в мирной жизни, растаяла, как прошлогодний снег по весне.

Шли от деревни до деревни по зимней дороге совершенно чужие люди, которых даже общий ребёнок уже не соединял. На станции посадил Виктор жену и дочку в поезд и отправил их из своей жизни навсегда.

Больше он никогда не видел ни дочери, ни тем более, фронтовой жены.

Вернувшись назад, он женился на своей красивой соседке. Какое-то время они жили в Чипушево, где Крапоткин работал трактористом в МТС. Когда стала строиться железная дорога, вернулись они с Дусей в родные места. Выстроили дом в Суриково и стали жить.

Дети: сын и дочь выросли, выпорхнули, как пти-

цы, из родного дома. Остались они вдвоём с женой. И вот эта загадочная смерть бывшего фронтовика на дальнем покосе.

В родной деревне одни говорили, что это расплата за его предательство. Говорили, что он не сам повесился, а кто-то его повесил. Словом, болтали всякое, а как было на самом деле, никто не знает.

КОЛИНЫ КАПРИЗЫ

В майские праздники умер Сташкевич Николай — муж моей тётки. Умер у своей сестры в доме. Когда сделали гроб, тело отвезли домой и стали готовиться к похоронам. Жена покойного была пьяной. Она ругалась на лежащего в гробу мужа, и всё пыталась его трясти. Оттащат её от покойника, а она снова рядом и снова ругается. И всё твердит: «Умру, чтоб рядом с ним меня не хоронили!»

В последние годы добрая моя тётка стала сильно пить. Дети уже к этому времени выросли, разъехались по городам, а мужа за свою жизнь она успела просто возненавидеть. А ведь когда-то замуж вышла по любви. В маленькой деревушке Спасовке частенько пела ещё девчонкой она одну частушку:

Опустили камень в воду,
А теперь хотят поднять.
Дали волю любить Колю,
А теперь хотят отнять.

Казалось в молодости, что всё будет хорошо у них с любимым Колей, будет она счастливой в замужестве. Как же тогда она заблуждалась!

Четверых детей успела родить Агнюша Николаю до войны. А когда он вернулся с фронта,

родила ещё одного парнишку. Вот и растила она пятерых ребятишек без няnek и бабушек. А характер у мужа был тяжеленный. Ни один праздник не обходился без драки. Часто спасалась Агнюша от мужа драчуна бегством. Сначала одна бегала, потом с детьми. Так и жили Сташкевичи от праздника до праздника мирно, а по праздникам воевали. Уйти Агнюше было некуда, вот и терпела все выходки мужа. В пятьдесят третьем году решил Николай уехать на Кубань. Казалось ему, что жить там легче, край богатый, хлеба много, климат тёплый. Продали Сташкевичи дом и по мартовскому снегу в 1953 году повезли их подводы до железной дороги. Провожали их родственники с песнями и слезами.

Но на Кубани Сташкевичи не прожили и года. Агнюша от кубанской жары стала болеть. И врач сказал Николаю: «Хочешь похоронить жену - здесь оставайся! А нет — меняй климат на привычный сибирский!» Решил хозяин возвращаться в Сибирь.

Вернулись. А дом продан, в нём другие люди живут. Стали жить пока у нас всей большой семьёй. Отец мой в то время был в тюрьме, и жили мы втроём: бабушка, мама и я. Было мне тогда года три. Мне было хорошо среди старших двоюродных братьев. Летом они приносили мне то земляники с дальнего покоса, то семян марьиных кореньев на бусы, то из-за речки ветки черёмухи с ягодами. Но порой у нас в доме происходили события, которые я тогда не понимала.

Начало июня. Зелёная-зелёная трава. Все чего-то суется во дворе, кричат, куда-то бегут. Спрашиваю: «Куда все бегут?»

Мишка, младший из братьев отвечает: «Тятя топиться побежал!» - и срывается за всеми. Я бегу за Мишкой замыкающей. Прибегаю на речку, а там ничего интересного - все в том же составе возвращаются домой. Только теперь не бегут, а идут спокойно. И мне совсем не понятно, что значит топиться.

Через какое-то время опять какая-то суета. Все несутся к бане, что стоит на меже в конце огорода. Узнаю от Мишки, что дядя Коля вешаться побежал. Опять за ним бегут тётя, дети, моя бабушка, и я опять замыкаю строй. Прибегаю последней. Все что-то говорят дяде Коле, тётя плачет, бабушка держит в руках какую-то верёвку, а потом все возвращаются домой. И я опять не поняла, что значит вешаться.

Потом Сташкевичи от нас съезжают, купив небольшой дом на другом краю деревни. Мне жалко, было так хорошо зимой с братьями печь картошку на железной печке, нарезав её пластиками, смотреть, как они, усевшись за столом, учат уроки, рисуют, как делают ледянки — зимние самокаты, на которых и меня иногда катают с горы.

Дядя Коля со временем выстроил большой новый дом, но остались жить в нём они уже вдвоём с женой. Дети разъехались, у них началась своя семейная жизнь.

Всё так же обижал дядя Коля тётю по пьянке. А пить стали в деревне чаще, чем раньше. И вот однажды летом в Петров день пристал он к ней со своими очередными разборками. А тётка моя Агнюша собиралась доить корову. Взяла подойник и пошла в хлев, а мужик кричит вслед: «Остановись,

а то сейчас дом подожгу!»,- и, достав спички, пошёл к старому дому.

Тётка Агнюша быстро подоила корову, поставила подойник с молоком на скамейку в кухне, накрыла полотенцем и вышла из дома. А мужик к ней: «Агнюша, а я дом поджжёт!»

Выругалась тётка и пошла прочь от горящего дома. За долгую жизнь так надоел он ей со своими капризами, что уже не было жалко и дома. Что дом, если нет в нём детей?! Жалко было жизни, потраченной на такого человека!

А Сташкевич опешил: никто его не уговаривает, не плачет, за руки не хватает, не перед кем ему теперь куражиться. Ушла Агнюша. Хмель махом вылетел из его головы. А дом горит! И Николай побежал собирать соседей тушить пожар. Набежали мужики, новый дом общими силами отстояли, а старый, что стоял рядом, сгорел.

Потом стала тётка моя частенько попивать: по праздникам, после пенсии, порой пила по неделе. Дети выросли с разными характерами. На праздники собирались в родительском доме. Только теперь уже не они убегали из дома с матерью, а отец. Порой носил дядя Коля от сыновей и синяки. Вот и в тот последний свой май ночевал он у сестры, боясь пьяных сыновей, которые выкинули его из дома.

Похоронили дядю Колю. Тётка моя пережила его лет на пятнадцать. В молодости носила синяки от мужа, а в старости от непутевого сына, который ей так надоел, что как-то в сердцах пожелала она ему смерти.

Прожив долгую жизнь вместе, после смерти лежат на кладбище врозь муж и жена Сташкевичи.

Тётя похоронена рядом с матерью, моей бабушкой. Дядя Коля — со своей роднёй, в окружении двоих своих сыновей.

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Летним вечером 1968 года собрались мы, улановские парни и девчонки, на танцы в соседнюю деревню Камышовку. Парни на мотоциклах повезли первую группу девчонок. Другие остались ждать, когда подойдёт и их очередь на транспорт. Я попала во второй заезд. За рулём сидел Мирончик Коля, недавно демобилизовавшийся из армии. Уже начинало смеркаться, когда мы с ним проезжали мимо улановского кладбища.

Поравнявшись с одной из крайних могил, Колька как-то неестественно дурашливым голосом заорал, а потом, не оборачиваясь, прокричал мне: «Ну что, испугалась?» Я недоумённо произнесла: «А кого я должна была испугаться?» На что парень мне ответил: «Ты что не знаешь, что у дороги Славка Валянский похоронен?»

Я ничего ему не ответила, а сама подумала, что Мирончик со своим дурашливым криком переигрывает, пытаясь казаться беззаботным, а душа-то у него мается!

Оставшуюся дорогу мы проехали молча. И в памяти моей пронеслись события давно минувшие.

Весной пятьдесят восьмого года появился в наших краях новый житель. В то время ферма объединённого колхоза «Имени XIX партсъез-

да» находилась в почти опустевшей деревеньке Панково. И Валянского Вячеслава после тюремного заключения отправили на поселение в Бирилюсский район. А из Бирилюсс уже послали в эту пустеющую деревушку. Стояло начало июня. Окружающая природа имела самый привлекательный наряд. Сочная, разных оттенков зелень, радовала глаз. Вдоль речки обильно цвела черёмуха, по низменным полянам, словно жаркие угли костра, пламенели цветы огоньки, высились шапки ещё не распустившихся марьиных кореньев. Такой и предстала перед ссыльным земля, где ему предстояло отныне жить. А в правлении колхоза Валянскому предложили пасти колхозный скот.

Новоиспечённый пастух украинец был рослым, красивым, черноволосым парнем, но вид несколько портила чёрная кожаная повязка на левом глазу. Доярок приятно поражал его ухоженный внешний вид. Возможно, причиной тому была молодость и красота работниц, перед которыми молодому пастуху хотелось выглядеть приличнее при всей скудности гардероба. Он, имея белую единственную рубашку, ухитрялся постирать её в конце рабочего дня, а утром встречал доярок чистым и опрятным.

На бывшего зэка бандеровца в деревне и на ферме смотрели сначала насторожённо, но он никому ничего плохого не делал, и его стали воспринимать, как и всех. А работником он оказался добросовестным. И доярки радовались, что, несмотря на досаждавший скотине гнус, пастух Славка пригонял коров с пастбища сытыми.

Славка вскоре сошёлся с Манькой Поповой, единственной девчонкой опустевшей деревни.

Была она девушкой довольно упитанной, очень спокойной и доброй. Вот только не отличалась расторопностью и аккуратностью. Но весна и молодость сделали её привлекательной для ссыльного, тем более что и выбора у него не было. Так судьба свела этих двух абсолютно разных людей в глухой таёжной деревушке и дальше повела по жизни рядом.

Зимой колхозную ферму перевели в центральное отделение колхоза Междуречку, и семья Поповых вместе с зятем Валянским переехали в Уланово, где купили дом.

В деревне знали, что Славка во время войны был бандеровцем. Ещё мальчишкой в четырнадцать лет вступил он в отряд Степана Бандеры. Тот во время войны собрал около себя людей, которые желали видеть Украину самостоятельным государством без Советов. Бандеровцы сотрудничали с немцами, а после освобождения Украины от немецких оккупантов, вели беспощадную жестокую войну против советской власти и всех, кто этой власти помогал. После окончания войны с фашистами бандеровцы не давали людям мирно жить, поэтому в Западной Украине ещё в 1947 вылавливали наши солдаты по лесам этих врагов советской власти. Потом состоялся суд, всех бандеровцев расстреляли. Остались в живых только такие, как Валянский — мальчишки, которым было лет по пятнадцать на момент суда. Отсидев положенный судом срок, украинский националист был отправлен на поселение в наши края.

В Уланове он работал конюхом. Каждое утро зимой и летом в определённое время ходил Ва-

лянский мимо нашего дома на конюшню. Конный двор был почти в центре деревни. При конюшне в избушке-хомутарке, где лежала вся колхозная сбруя, зимой по вечерам часто собирались мужики покурить около печки-буржуйки, неспешно поговорить о текущих делах, о прошедшей войне, о современной политике. Да мало ли о чём можно было болтать около уютно потрескивающей печки! Там же вечно вертелись и мальчишки подростки. Их притягивал этот чисто мужской мир с запахом конского пота и дёгтя, исходившего от висящих по стенам хомутов, запаха самосада от мужицких самокруток и неспешные разговоры сидящих. Порой незаметно можно было стащить ещё дымящийся бычок и почувствовать себя почти взрослым, затянувшись табачным дымом.

Конюх, закончив свои дела, присоединялся к курящим. Иногда мальчишки помогали ему кормить лошадей и гонять их на водопой, порой просто слушали мужские разговоры.

Управившись с делами, Славка тушил лампу, закрывал хомутарку, и не спеша, шёл домой, где его ждала семья.

Так и текла неспешно сибирская жизнь бандеровца. Росли его дети: две дочки и сын.

Весной 1967 года Валянский потерялся. Просто не пришёл вечером с работы и всё. Жена искала его, но тщетно, мужика нигде не было. Последними, кто видел конюха, были парни призывники Колька Мирончик и Толька Курбатов. Они объяснили жене, что вышли из хомутарки раньше Славки, потому что спешили к девчонкам, а он вроде ещё хотел посмотреть ледоход.

Пора ледохода для деревенских жителей всегда представляла приятное зрелище. Все, кому не лень и кому позволяло здоровье, выходили на горы за огороды смотреть на это явление природы, наблюдая, как огромные глыбы льда с шумом и треском насккивали друг на друга, ломаясь и кружась в водовороте. Деревня располагалась на правом высоком берегу, поэтому обзор за текущей внизу под горами речкой, был хорошим. И даже если Суразовка по весне или летом сильно разливалась, она не наносила вреда жителям.

Улановцы предположили, что Славка мог только утонуть. Возможно, спустился к воде, оступился по слепоте и попал в воду. А одет конюх был в тяжёлый полушубок, вот и не мог выбраться. А иначе, где ещё мог потеряться взрослый мужик в такую пору, тем более не пьяный!?

Закончился ледоход, схлынули внешние воды, речка Суразовка вошла в своё русло. Валянского искали вдоль речки. И в один день, уже после Троицы, труп Славки обнаружили перед омутом на противоположном от деревни берегу, где течение не было быстрым. Деревенские детективы строили свои предположения. Как мог труп оказаться на другом берегу, да ещё на месте, где нет течения? Во время ледохода Валянский бы туда не попал, течение же могло прибить его только к ближнему берегу. А если бы он был там, его бы обнаружили давно, как схлынула вода. Что-то тут было нечисто!

Вызвали милицию. Мужики, вытаскивавшие труп, и снимавшие одежду, разглядели, что интимные места утопленника были синими и на голове имелись раны. Милиционеры осмотрели труп, со-

ставили протокол, взяли части тканей в литровую банку на анализы патологоанатому и разрешили хоронить. Ссылный, да ещё с таким прошлым, никого не интересовал, но нужно было соблюдать видимость законности происходящего. Перед отъездом милиционеры и врач заехали к колхозному бригадиру Степану Мирончику. Выпили, как полагается в таких случаях, отобедали, на этом следствие и закончили. Выехав за пределы деревни, в Бастанжеевом логу выкинули банку, содержащую отщипы тканей покойного, подальше. На том вся экспертиза и закончилась.

Похоронили Валянского на Улановском кладбище около самой дороги, что вела в соседнюю деревню.

Манька плакала, убиваясь по мужу, жалела себя, детей, оставшихся без отца.

А природа вновь входила в свою весеннюю красу. Берега речки стояли кипенно-белые от цветущей черёмухи. Все дороги и тропки, ведущие к речке, покрылись изумрудной зеленью. За рекой среди шапок марьиных кореньев и других, набирающих силу трав, паслись колхозные лошади, позвякивая в такт шагам висящими на шее боталами (колокольчиками, сделанными из жести), по приглушённому звуку которых уже новый конюх легко находил пасущихся лошадей.

В деревне же гадали, кому помешал Славка, кто мог его убить? Другой мысли о смерти бандеровца просто никто не допускал.

Когда собрались у Поповых на сороковины, среди поминающих жителей оказался немой Иван Михайлов и Фёкла, не так давно поселившаяся в

деревне. Женщина эта жила с немой от рождения дочерью. Захмелев от выпитого, Иван посмотрел на осиротевших детей и заплакал. Немой сам рос без отца и знал, что такое сиротство. Плача, он стал что-то мычать, показывать руками. Никто ничего из этого мычанья не понимал. И только Фёкла хорошо понимая язык жестов, заинтересовалась Иваном, а потом стала объяснять собравшимся, о чём толкует немой.

Оказывается, Иван видел, где и как Славку убивали. Объяснил он и кто убил Валянского. Михайлов указал на парней призывников — Курбатова Тольку и Мирончика Кольку.

От поминального стола все отправились на место преступления. Немой показал место, где бандеровец был убит. Всё происходило за деревней, не далеко от железнодорожного моста.

И после поминок опять деревня гудела слухами. Из дома в дом носили новость, которую узнали от него.

Назавтра жена Валянского отправилась в милицию. Приехавший следователь встретился с местной властью — Мирончиком Степаном, пообедал у него, а потом учинил допрос невольному свидетелю преступления.

Он вызвал в колхозную контору Ивана негомого, а переводчиком пригласил брата Ивана — Петьку. Толи с Петькой уже кто-то переговаривал, толи сам он испугался последствий, но только перевёл рассказ брата по-другому, не так, как Фёкла. Дескать, это Иван сон видел, а Фёкла его неправильно поняла. Так следствие ничем и закончилось.

А в деревне проводили своё дознание. Вот, ока-

зывается, почему милиционеры всё время заезжали к Мирончикам! Вот почему, когда осматривали труп, близко людей не подпускали!

Говорили в деревне и о тех, кто убивал: Курбатове Тольке, сироте, хулиганистом парне и Мирончике Кольке, тихом и спокойном. Многие считали, что Колька не мог убивать, скорее всего, оказался невольным соучастником. А вот Курбатов отличался задиристым характером. Пьяного его всегда тянуло на драки.

Парней вскоре забрали в армию, чему поспособствовал колхозный бригадир. Боялся он за сына, который оказался повязанным убийством с Толькой, который мог ещё не известно что, вытворить по пьяному делу.

А жизнь в деревне потекла дальше, и новые события заслонили собой эту историю. Но время от времени она всплывала вновь.

В начале июля, когда в колхозе заготавливали силос, случилось ещё одно с виду незаметное событие. На тракторе «Беларусь» возвращались колхозники с работы. Трактор двигался по дороге вдоль железнодорожной линии неспешно, слишком ненадёжной была грунтовая дорога. Женщины, сидевшие в тракторной тележке, увидели на дороге недалеко от железнодорожного моста серую каракулевую мужскую шапку. Загадели, что утром ничего на дороге не было. А в это время Манька Попова воскликнула: «Это ж Славкина шапка!» Бабы закричали трактористу, чтоб тот остановил трактор. Шапку подобрали и разглядели на внутренней стороне запёкшуюся кровь. До деревни Манька всё плакала, другие бабы гадали, выясня-

ли, откуда шапка появилась на дороге. Пришли к выводу, что её нашли в кустах связисты, они в тот день работали рядом. Опять деревня судила и рядила, убеждаясь в правильности показаний немого, а в доме Поповых вновь плакали женщины и дети.

Вот что вспомнилось мне летним вечером, когда мы с Мирончиком Колей на мотоцикле ехали на танцы в соседнюю деревню.

Прошло довольно много времени с того вечера. На могиле Славки вырос куст черёмухи, посаженный его женой Манькой, каждую весну расцветали на нём душистые гроздья цветов, гудели пчёлы. Но пора цветения заканчивалась быстро, как и Славкина юность, выпавшая на страшную военную пору. Выросли и дети Валянского без отца. Умерли Манькины родители, помогавшие растить дочке внуков. Валянские из деревни уехали.

У Тольки Курбатова в Ачинске выросла дочка. Характером уродилась вся в отца — «военная». Однажды, когда пьяный отец устроил в доме разборки, дочка воткнула разбушевавшемуся папаше в живот кухонный нож. Рана оказалась смертельной.

Уже не было в живых Ивана немого, утонул в реке и его брат Петька, когда объявился ещё один свидетель преступления. И в деревенском расследовании, наконец, поставили последнюю точку.

Дело в том, что Славку нашли около мельницы, на другом берегу речки, где никакого течения не было, и труп ну никак к берегу прибить не могло!

Немой утверждал, что убили Валянского примерно в километре от места обнаружения, ниже по течению недалеко от железнодорожного моста. Там же была найдена и шапка убитого. Улановские

«следователи» никак не могли понять, как убитый оказался около мельницы.

И вот по прошествии долгого времени заговорила Сосулиха — Сосулина Мария, которая жила у зятя Смирнова Леонида. Оказывается, труп вверх по течению переплавили на лодке в Троицу, когда все деревенские жители ушли на кладбище. А у Смирновых потерялся телёнок. Зять с дочкой и детьми ушли на кладбище, а Мария отправилась на поиски пропавшего телка и оказалась единственным свидетелем транспортировки убитого.

Молчала она потому, что боялась, понимая, что убитого всё равно не вернёшь, даже если убийцу и посадят.

Но есть ведь и Высший суд! Он и расставил всё по своим местам.

* * *

Рассказ был уже написан, когда появились некоторые подробности смерти Курбатова Тольки. Драма, которая произошла в его доме, произошла неслучайно. Подростая дочь в один из вечеров вернулась домой очень поздно и навеселе. У неё появился парень, с которым она теперь проводила все вечера. А когда мать, работающая проводницей, отправлялась в поездку девчонка совсем не приходила домой.

И в тот роковой вечер свидание у дочки подзатянулось. Услышав, что девчонка вернулась, Толька поднялся и стал ругать дочь самыми гадкими словами, какие только знал. Дочь огрызалась на его ругань, но когда он обозвал её проституткой,

взорвалась: «А кто сделал меня проституткой!?» Схватила со стола нож и всадила отцу в живот.

Потом был суд. Закрытый. Племянник Тольки известный в городе следователь добился закрытого суда, боясь огласки. На суде дочь рассказала, что она была совсем небольшой девчонкой, когда отец склонил её к сожителству. Мать, работая проводницей, часто оставляла их одних. И пьяный отец сделал её своей сожительницей. Весь ужас пережитого девушка рассказала на суде. Много повидавшие судьи были в шоке от всего рассказанного пострадавшей преступницей. И было вынесено поистине Соломоново решение: условное наказание. Жена Курбатова вскоре повесилась.

У Мирончика Коли родилось три дочери. Но радости эти девчонки родителям не принесли. Лёгкое поведение, внебрачные дети, а последняя дочь ещё стала воровкой и во второй раз сидит в тюрьме. А дед с бабкой Мирончики растят трёх внуков.

СЕРЁЖКИНЫ СТРАХИ

Серёжка Гвоздев в детстве, как и все дети в его возрасте, был очень любознательным. Мир родной деревни он открывал постепенно: от своего двора, улицы около дома, оврага в проулке. Видел и наблюдал он многое, что-то со временем забывалось, но порой происходили такие события, которые оставили отпечаток в душе на всю его жизнь.

Война 1941 года запомнилась ему проводами двоюродных братьев, уходивших на фронт. Когда все провожающие вышли из-за прощального стола, один из братьев взял в руки гармонь. Серёжка

пристроился рядом — уж больно ему хотелось научиться игре на инструменте. Видя такое желание мальчишки, другой брат присел с другой стороны. Братья поставили ему на колени гармонь, положили его руки на кнопки, и его руками стали выводить мелодию. Серёжка был безумно горд, что он рядом с братьями, что в его руках гармонь, что звучит красивая музыка.

Больше ничего с тех проводин военной поры он не запомнил. Только став взрослым, понял Сергей, что братья, сами того не понимая, передали ему в наследство любовь к гармонии, уходя на войну навсегда. Не суждено было трём братьям Сугакам дожить до победы.

Следующее событие, что оставило память о войне — обучение колхозного быка ходить в ярме.

Лошадей всех забрали на фронт, а работы в деревне не убавилось. Вот оставшиеся мужики и решили научить ходить быка в упряжке. Серёжка, сидя на прясле (заборе из жердей), видел, как быку пытались накинуть на шею ярмо. Бык, рассвирепев, раскидал мужиков, держащих его, подмял под себя Куруся, стал бодать его огромными рогами. Мужики кое-как набросили на рога разъярённого животного верёвку, оттянули его от Гвоздева Петра (Куруся), привязали к столбу и стали бить. Били долго, не жалея, жестоко! Бедное животное пыталось вырваться, чтобы расправиться с обидчиками, но все усилия были напрасны. Мужики били его так, словно вкладывали в каждый удар всю скопившуюся злость. Словно, именно от этого непокорного животного исходило всё земное зло.

Серёжка, сидя, как воробей, на прясле с ужа-

сом наблюдал за происходящим, не в силах оторваться от дикого зрелища. По бокам быка текла кровь, животное ревело и металось, а мужики всё били и били, пока уставшее от боли животное, не затихло, а у мужиков не иссякли силы.

Бык со временем смирился и стал ходить в упряжке, таская сначала по деревне огромное бревно, потом его запрягли в телегу. Пётр Гвоздев, по-уличному, Курусь, вскоре умер от нанесённых быком ран.

Больше всего Серёжка — дошкольник любил ходить в гости к Кольке Шкляеву, внуку мельника. Мельница находилась прямо за огородами у Гвоздевых. По длинному проулку вдоль оврага мальчишка прибегал к своему старшему другу сразу, как только у того кончались уроки. Серёжке доставляло огромное удовольствие наблюдать, как Колька делал домашние задания. Он раскладывал на столе деревянные палочки, карандаши, тетрадки, ставил чернильницу. Потом, окунув в чернильницу ручку, выводил какие-то крючки и закорючки в тетради. Отложив одну тетрадь, брался за другую.

Школьник читал в учебнике задачу, потом брал палочки, раскладывал, считал, а Серёжка, затаив дыхание, внимательно наблюдал за его действиями. Всё ему было интересно у Кольки, поэтому домой он не спешил.

А Колькиной матери такие посиделки не нравились. И она как-то спросила у мальчишки: «Серёжка, а ты не боишься по темноте домой ходить?» На что тот ответил: «А кого бояться?» Колькина мать решила припугнуть надоевшего гостя и сказала: «А

в банях, между прочим, черти водятся!»

Ох, знала бы она о последствиях, наверное, промолчала бы тогда и не пугала парнишку!

Как же в этот раз добирался Серёжка до дому! Чтобы черти, живущие в их бане, его не заметили, он решил прошмыгнуть мимо бани незаметно. Для этого сразу от ёлок он пополз по длинному оврагу ползком, опустив голову низко к земле, чтобы не дай Бог, какой — нибудь чёрт, живущий в их бане, его случайно не заметил! Мальчишка затаил дыхание, но сердце стучало так сильно, что ему казалось, что его биение слышно не только в бане, стоящей на меже недалеко от проулка, но и на деревенской улице! Дорога до дома в тот раз показалась такой длинной! Да и домой через крыльцо Серёжка летел пулей, боясь, что черти гонятся за ним по пятам. Больше допоздна у Шкляевых он не засиживался никогда.

А потом произошло ещё одно событие в деревне, после которого Серёжка долго болел.

Ранней весной мать наняла для младшего брата няньку — Надю Сиротову.

Но нянька в конце мая утопилась в речке. Бросила маленького Колю и побежала за Гвоздеву баню и по проулку к речке. Утопленницу нашли только во время покоса. Пролежавшее в воде тело было страшным. Надю похоронили, но разговоры о ней ещё долго будоражили улановцев.

Однажды не то в конце августа, не то в начале сентября, мать попросила сына сбегать в баню за старым веником. Солнце уже клонилось к закату, его багровый диск опускался в макушки деревьев за речкой. Мальчишка сначала шёл по огороду

быстрым шагом, потом замедлил шаги, пытаясь оттянуть момент, уж очень ему не хотелось заходить в баню, а в голову лезли мысли об утопившейся Наде. Серёжка пытался отвлечь себя: он начал рассказывать стишок, потом запел песню о танкистах, но мёртвая нянька не выходила из головы. Он решил залезть на чердак поискать орех, что напратала кедровка, чтобы дать себе еще одну отсрочку. Когда Серёжка уже потянулся за балку, пытаясь нащупать заветный птичьи клад, в бане кто-то чихнул, мальчишка тихонько стал спускаться с чердака и снова ясно услышал чихание. Это был голос утопившейся Нади! Затаив дыхание парнишка выскочил из бани и только потом заорал во всё горло и, не переставая орать благим матом, бежал по огороду. Шедшая по меже к ключику за водой соседка Ульяна, бросила ведра и подбежала к мальчишке. На вопрос, что случилось, тот ничего не мог сказать, а продолжал орать. И только потом, когда на крик прибежала мать и стала тормошить его, он еле слышно произнёс: «Надя. Сиротова. В бане!» Конечно, мать сходила в баню и заверила сына, что никого там нет. Но это уже не помогло. Он долго и тяжело болел. И бабка Домна, деревенская целительница, лечила его от испуга, привозили к нему и фельдшера Болтунова из Междуречки. Прошёл даже слух по деревне о его смерти, и люди приходили его хоронить!

Когда Сергей подрос и стал ходить на работу, страхи ещё жили в нём. Однажды возвращались они трое подростков уже потемну домой с дальнего колхозного поля, где боронили. Дорога вела их мимо кладбища. Они, конечно, хорохорились, а

ноги несли их всё быстрее. Серёжке казалось, что кто-то из умерших следует за ними, и он невольно убыстрял шаг, попутчики тоже не отставали. Уже взрослыми ребята признались друг другу, что всех их преследовали одни и те же страхи.

Мертвецов Сергей перестал бояться после внезапной смерти отца. Горе было так велико, что все страхи куда-то отошли и больше уже не возвращались.

Но был и последний страх, который испытал он уже в армии.

Гвоздев служил во флоте на Дальнем Востоке. Во время учений матросы метали за борт бомбы. Бомба состояла из сорока килограммов взрывчатки. Вместо взрывателя ставили тротилловую шашку с бикфордовым шнуром. Шнур горит десять секунд.

Сбросили за борт пять бомб нормально. А вот на шестой бомбе захлестнуло тросик, и она оказалась не в воде, а за бортом. Матросы разбежались, а Сергей дёрнул бомбу на себя, она сорвалась с крючка, и бросил её за борт. Откуда только взялись у парня силы! Уже потом пришёл страх: «А что бы было, если бы не успел!?» Когда командир вызвал Гвоздева на рубку, парень заметил, что лицо у того белое, как мел.

За проявленную смелость и находчивость командир дал матросу Гвоздеву десять дней отпуска. Но это уже другая история.

ЗАНОЗА

В начале мая в городе Зеленогорске хоронили ещё нестарую женщину. Она сильно исхудала и была похожа на узницу концлагеря. Ничего уже не напоминало о былой красоте. Её пьющий муж и дочери в последний год жизни не оказывали ей должного внимания. Дочкам казалось, что она ленилась двигаться, поэтому и не может поправиться. Муж жалел её, когда был трезвым, но такое бывало уже не часто. Доживала она последние дни порой голодной, иногда битой пьяным супругом. У дочерей была своя жизнь, на мать времени просто не хватало. Они бывали у родителей очень редко, чаще приходили их первые мужья проводить тещу. Приносили с собой выпить, угощали и больную. Болезнь свою теща получила, когда полезла в погреб и упала с лестницы. Сломанная нога долго не срасталась, а потом срослась неправильно. Сначала она пыталась передвигаться с помощью перил, которых наделал ей по квартире супруг, и даже выходила на улицу. Но потом квартиру разменяли для внучки, и дедов поселили на пятом этаже. Недостаток движения привёл к тому, что мышцы быстро атрофировались, и она уже не могла выйти на улицу да ещё с пятого этажа. Жизнь потеряла для неё всякий смысл. Хотелось одного — поскорее умереть и не мучиться, не чувствовать постоянной боли. Май две тысячи седьмого года для неё был последним.

Могилу усопшей вырыли маленьким трактором с навесным ковшом, требовалось ещё подравнять края ямы, гроб с покойницей привезли и стали

ждать, пока могильщики яму подравниют лопатами. Провожающие разбрелись по кладбищу, ушли и обе дочери умершей, осталась у могилы небольшая кучка далёких родственников. Налетел вдруг откуда-то шквалистый ветер, поднялась пыльная буря с редким дождём, и стоящие у могилы родственники подставляя спины ветру, глубже затягивали в ворота одежды головы. И только покойная лежала в своём гробу, ничем и никем не защищённая и куски грязи падали и падали ей на лицо, пока кто-то не догадался и предложил всем сгрудиться у гроба и загородить собой усопшую. Природа словно возмущалась всем происходящим действием, ветер не прекращался. Никто такой грязной бури не помнил. Потом синоптики объяснили, что пришла пыльная буря из степей Казахстана.

Могильщики торопились быстрее закончить работу, провожающие, стоя на ветру, желали поскорее вернуться в тёплое помещение. Гроб вскоре стали опускать в могилу, дно которой путём не выравнивали. И он встал косо, но никто из родственников не посчитал нужным что-то менять, и могилу закопали, ничего больше не поправляя. Так похоронили первую любовь, и первую жену Сергея Гвоздева.

Жизнь Сергея до восемнадцати лет в семье отца была несладкой. Толи отца так воспитывали, толи он по-другому не умел справиться с детьми, но только всё его воспитание заканчивалось ремнём. Серёжке, как старшему из трёх сыновей Гвоздева (Длинного) Ивана доставалось больше всех. Чаще всего попадало не по делу. Залезет кто-нибудь в огород к какой-нибудь соседке, та грешит на

Гвоздевых пацанов. Отец, долго не разбираясь, кто прав, кто виноват, брался за ремень и бил без жалости. Однажды мальчишка после очередной порки от боли и незаслуженной обиды решил повеситься. Отец выкинул его из дома, и он побежал под навес с желанием навсегда покончить с жизнью и такой несправедливостью. Хорошо, что пока искал верёвку, пыл у парнишки остыл, и вешаться расхотелось.

Сергей уже работал в колхозе бригадиром, а отец методов воспитания не менял, за всякую провинность порол без жалости. Отношение отца изменилось только тогда, когда сын решил жениться.

К девчонке, которую Серёжка любил, приехали из соседней деревни в сваты. Он, узнав о сватовстве, пришёл с друзьями к дому любимой с гармошкой, но не решился войти в дом и остановился на пригорке и расправил меха гармони. На улице было ещё морозно, но парень не чувствовал холода и выводил всё новые и новые мелодии. Как же он играл тогда! Всю свою душу вкладывал в гармонию, пытаясь музыкой достучаться до сердца любимой: «Милая, я здесь, я люблю тебя! Никто и никогда не сможет любить тебя больше. Выгони к чёрту всех сватов! Ведь ты же тоже любишь меня, я знаю!»

Но сваты из Ганиной Гари уговорили Катю. Надо заметить, что характер у неё был мягкий, как пластилин, незлобивый, и она легко поддавалась чужому влиянию. Возраст у девчонки по деревенским меркам для замужества был подходящий, и жених неплохой. А может, не слышала она Серёжиной гармони, на дворе стоял март, а на окнах двойные рамы. Сваты договорились о

сроках свадьбы, запили сговор, оставили в знак согласия подарки и четверть самогона и уехали готовиться к свадьбе. Дело было ранней весной, и свадьбу торопились успеть сыграть до поста.

Утром в деревне только и было разговоров, что о сватовстве у Сосулиных. Сергея жалели, и то один, то другой мужик выказывал ему своё сочувствие, а некоторые даже советовали ему идти в сваты наперебой и увести любимую от непростого жениха. В деревне все знали о его любви. Не было такой другой красивой пары в Уланово, как Сергей и Катя, казалось, что они созданы друг для друга: высокий, стройный Серёжка и голубоглазая Катя, с тонкими чертами лица и красивой фигурой.

Какое смятение чувств пережил парень за три дня после сватовства, сколько всего передумал — не передать словами! Ни днём, ни ночью не было его душе покоя. Вспоминалось, как он впервые увидел Катю. Сосулины тогда только переехали из Демьяновки в Уланово и жили у Маштаковых на квартире. Сергей забежал к Маштаковым к другу Сашке. Ожидая, пока тот соберётся, присел на скамейку у порога. И вдруг из-за занавески вышла девчонка. Парень аж обалдел от неожиданности — такой красивой он ещё никогда не видел. С тех пор она и запала ему в душу, да так крепко, что и захотел бы избавиться от неё как от наваждения, так всё равно не получилось бы. У него ещё не было встреч с девчонками, и он понятия не имел, о чём можно с ними говорить. Но тянуло его к новенькой со страшной силой. Она же успела подружиться с Витькой Сташкевичем. Но видно и Серёжка ей понравился, потому что, когда им удавалось остаться

наедине, она рассказывала ему о своих встречах с Витькой, об их разговорах. А Сергей робел перед Катей невероятно. Когда на танцах он приглашая её на вальс, брал её за руку, словно электрический разряд проходил по его телу. Всё внутри у него трепетало и ликовало. Как быстро кончался танец, как не хотелось размыкать рук!

Бессонными ночами вспоминал Сергей, как начиналась их с Катей дружба. В последний день скирдования снопов приехал на поле председатель с лагушком медовухи. После окончания трудной работы он предложил колхозникам выпить. Но прежде велел остатки снопов погрузить в подводу, чтоб не оставлять их в поле, а отвезти на дальний кулстан. Загрузив снопы, уставшие, но довольные колхозники выпили медовухи, заговорили, зашумели. Потом все поехали домой, а Серёжка повёз снопы. Всю обратную дорогу он горланил песни. Песни пел он всегда, а здесь ещё было хорошее настроение и от законченной работы и от выпитой медовухи. Было уже темно, в октябре быстро темнеет, и парень торопился домой. Вдруг конь остановился, и возница услышал чей-то голос. Оказалось, что это была Катя. Уезжала она домой со всеми вместе, но кто-то по дороге её обидел, и она спрыгнула с подводы и шла пешком. А может, она специально дожидалась Сергея, кто знает. Он посадил девушку рядом, и домой он теперь не спешил. Остановив коня, они говорили, говорили и говорили. Оказывается, с любимой девчонкой можно говорить о чём угодно! Чтобы не замёрзнуть, Сергей приобнял Катю, а она доверчиво прильнула к нему, и на парня нахлынула такая

волна нежности, что не найти тех слов, которыми можно описать его состояние. Хотелось, чтобы эта ночь никогда не кончалась и длилась вечно!

Но на улице становилось всё холоднее, и он прижимал девчонку всё теснее, и когда их лица оказались очень близко, Катя его поцеловала. С этим поцелуем словно прорвалась какая-то плотина, улетучилась его застенчивость, и парень ответил ей той же монетой.

Домой они приехали только утром. Мать все глаза проглядела, ожидая с работы сына, и стала ругать его. Но Серёжка не слышал материнских упрёков, каким же счастливым человеком он стал после этой октябрьской ночи! Хотелось со всеми поделиться своей радостью: «Люди! Я хочу поделиться с вами своей радостью! Я люблю! Я люблю! Как это здорово!» Словно все краски радуги открылись у него перед глазами. На дворе была осень, а в душе у парня бушевала весна! Весна его первой любви, которая понесла его как на крыльях. Каждый день ждал он вечера, чтобы встретиться с любимой. Зимними вечерами девчата собирались у кого-нибудь на посиделки, где за разными разговорами вышивали, вязали или пряли — готовили себе приданое. Узнав, у кого в очередной вечер посиделки, приходили туда и парни. Каждый подсаживался к той девушке, к которой питал симпатии. Парни и девчонки шутили, смеялись, пели. Порой играли в номера, игра эта всем нравилась, потому что можно было, не стесняясь, вызвать ту девушку, которая нравилась, и перекинуться с ней парой слов, договориться проводить её. Можно было отобрать варёжку у понравившейся девчонки и долго

потом её не отдавать, чтоб была причина лишний раз встретиться и заговорить. Вот и Сергей носил в кармане своей тужурки Катину рукавичку, а она замуж собралась за другого парня! Что делать, как ему поступить!? Ведь ему осенью в армию идти? А без Кати ему свет белый не мил!

И, наконец, он решился на отчаянный поступок после совета Сергея Арапова. Тот, встретив парня, сказал: «Серёжка, да такие девки, как Катя Сосулина, раз в жизни встречаются! Упустишь — всю жизнь потом жалеть будешь! Иди на перебой в сваты, пока не поздно! Хочешь, я сватом пойду, и она твоя будет!» А надо сказать, что сват из Сергея был превосходный, редкий стговор обходился в Уланове без него.

Придя утром домой после разнорядки в колхозной конторе, Сергей решился на разговор с родителями. Когда он заявил о своей женитьбе, мать выронила из рук от неожиданности полотенце. Сыну было всего-то восемнадцать лет, и ещё предстояла служба в армии, а он о женитьбе думает! Для матери он всё ещё оставался мальчишкой. Отец, как ни странно, отнёсся серьёзно к заявлению сына и произнёс коротко: «Перечить не буду!»

И Гвоздевы стали думать, как провести сватовство. Сватом родители предложили взять Сугака Якова — дядьку Серёжки. Он многое на своём веку повидал, знает все житейские законы и обряды. Так и уговорились. Сергей очень удивился, узнав у дяди Якова, что идти в сваты наперебой можно только ночью. Новоиспечённые сваты пришли к Сосулиным в двенадцать часов ночи, уселись под матицу (бревно под потолком, на котором держит-

ся потолок), на стол поставили выпивку и закуску и начали переговоры. Сговорившись, молодых послали за родственниками, потом все уселись за стол, а Катю с Сергеем за стол не пустили. Всю ночь, пока шло сватовство, они провели на кухне. По неписанным сватовским законам не положено молодым быть за столом, когда сваты уводят невесту после другого сговора.

Следующим днём Сосулины отправили подарки и самогон назад первому жениху и стали готовиться к свадьбе, которую решили отгулять на масленой неделе первого апреля. Солнце уже повернуло на весну, но снегу хватало, поэтому за невестой в день свадьбы отправились на украшенных санных подводах. Свадебный поезд прокатил гостей и молодых по всей деревне, играла гармошка, гости пели песни. Свадьба была весёлой, а Серёжка чувствовал себя самым счастливым человеком на свете, ведь Катя стала его женой. Никто теперь не сможет у него отнять его любимую, никто!

Но счастье молодожёнов оказалось недолгим, скоропостижно третьего мая скончался отец Сергея, а потом одиннадцатого июня молодожёна призвали в армию. Служить ему предстояло в Морфлоте долгих четыре года.

Катерина осталась со свекровью, и двумя младшими Серёжкиными братьями. Жили невестка со свекровью дружно. Молодая девчонка пришлась по душе свекрови, не имеющей дочерей. Им было хорошо вместе, порой они смеялись, как две подруги, подшучивали друг над другом. А младший брат Сергея Коля ревностно следил за невесткой, боялся, чтоб она не ушла к кому другому. И упаси

Боже заговорить ей с каким-нибудь парнем! Была она красивой девушкой, и воздыхателей у неё всегда хватало. Кате надоедали эти слезки, хотелось ей сбегать и на вечерку с подругами, ну не сидеть же сиднем долгие четыре года, ведь ей всего-то восемнадцать лет! И она вернулась жить к матери. Письма после этого Сергею от жены стали приходить всё реже. А потом они ухитрились всерьёз поссориться, и переписка прервалась.

Мать отправила Катерину из деревни, боясь, как бы та не выскочила замуж за Сташкевича Витьку, который проходу дочке не давал. И девчонка стала жить и работать на станции Зеледеево. У каждого из молодожёнов шла своя жизнь вдали друг от друга.

Сергей через некоторое время заработал себе отпуск и счастливый ехал домой. На станции Зеледеево, где поезд стоял пятнадцать минут, моряк вышел на перрон прогуляться и посмотреть, что же это за станция, где теперь живёт его Катерина. На перроне стояли женщины, продававшие кто семечки, кто пирожки. Парень среди них увидел знакомую. Анна Шкутник торговала орехами. Увидев Сергея, она очень обрадовалась и стала приглашать парня задержаться у них на денёк погостить. Сергей заколебался, отговариваясь, что у него в поезде чемодан, что он торопится успеть проводить в армию брата Михаила, но друзья моряки уговорили его остаться и подали ему чемодан на перрон уже из уходящего поезда. А ему и самому очень хотелось остаться и увидеть Катю, ведь именно это было его самым большим желанием в предстоящем отпуске.

Идёт моряк с землячкой по улице, рассказывает о чём-то, а Анна вдруг говорит ему: «Смотри, а вон твоя Катерина стоит!» Сердце Сергея при виде любимой забилось часто-часто, казалось, что оно вот - вот выскочит из груди, но он и виду не показал, что рад встрече, что последнее время только и жил надеждой увидеться с женой, и парень просто кивнул ей головой и прошёл мимо. Мужская гордость и обида не позволили поступить ему по-другому.

С приходом гостя у Шкутниковых началось приготовление к празднованию. Затопили баню, Анна засуетилась, собирая праздничный стол, и пригласила Катю помогать готовить, та была родственницей её мужа и некоторое время даже у них жила. Сергей старался не обращать внимания на Аннину помощницу, хотя это ему плохо удавалось. Исподтишка бросал он на неё взгляды, отмечая её красоту. Работая на кухне с ножом, Катя случайно порезала палец, и Анна сказала ей: «Иди, Сергей перевяжет!» Сергей перевязал рану, а что ещё ему оставалось!? Перевязать-то перевязал, но при этом ни слова не сказал, боясь выдать своё волнение, жена тоже молчала.

Когда всё на столе было готово, гость и хозяйева помылись в бане, потом пришли ещё родственники, и началось веселье. Моряку за встречу налили спирта в стакан, и он выпил. Закусить за распросами он не успевал. Катерина хоть и была рядом, но его вроде и не интересовала, он рассказывал о службе, о том, что недавно лежал в госпитале с отравлением. Чтоб «продезинфицировать желудок», ему вновь налили спирта и не отстали, пока он не

выпил.

Проснулся Сергей на следующее утро и сразу даже не понял, где он находится. Белый потолок натолкнул его на мысль, что он на губе. Но за что он туда попал? Что такого мог совершить, он не помнил. Потом моряк почувствовал рядом чьё-то дыхание, повернув голову, увидел, что рядом спит его Катерина. Всё такая же красивая, желанная и ... до боли родная.

Оказывается, от спирта Сергею стало плохо, и с ним долго возились, отпаивая его молоком, а потом жена увела его в постель.

Так было установлено семейное перемирие.

Вечером молодые решили сходить в клуб на танцы. Катя предложила Сергею сыграть перед подругами роль её брата. Сергей согласился. Катини подружки, увидев красивого рослого морячка, Катиного «брата», пытались строить ему глазки и заполучить его в провожатые. К Катерине тоже липли парни, но Сергей молчал, хотя это ему уже не нравилось, и на душе остался осадок от такого «братства». Но он всё стерпел. Но так и не понял, зачем жене нужен был весь этот спектакль?!

Молодожёны на следующий день поехали в родную деревню. Но брата уже забрали в армию, и на проводины они опоздали. Мать Сергея была очень рада приезду сына, радовалась, что сын помирился с женой.

Месяц отпуска пролетел очень быстро, и пришло время возвращаться в часть. Как же хотелось Серёжке остаться дома и никуда не уезжать! Но служба есть служба, надо ехать. Катя хотела остаться в деревне у свекрови до его возвращения,

но Сергей воспротивился. После службы он не собирался возвращаться в колхоз, и предложил жене пожить пока в Зеледеево. Знал бы он тогда, как всё обернётся!

И снова море, служба, армейские будни. И письма, письма, письма. Только они связывали теперь его с любимой. Прошло полгода, письма моряку от жены стали приходить всё реже и реже. А потом их совсем не стало. Парень терялся в догадках, что же такое случилось? Что с Катериной? Через некоторое время пришло письмо от Катинной тётки: «...Сергей, Катька вышла замуж. Прости ты её дуру!» Как же больно стало на сердце у парня! Как горько! Предала! Как она могла?! За что!?

Загнал моряк свою тоску печаль подальше, старался меньше думать о доме, о предательстве жены, и нелёгкая морская служба в этом ему помогала. И понемногу душевная боль стала не то чтобы стихать, а просто он загнал её куда-то глубоко. Да и время не стоит на месте. Хорошо ли, плохо ли, а оно течёт себе дальше. Закончился однажды срок службы, и вернулся Сергей домой.

Первая новость, которую он узнал дома, о свадьбе. Оказывается, Люба Маштакова замуж выходит, и Сергея пригласили на торжество. Свадьбу гуляли в Чернореченской, на родине жениха. Гостей было много, оказалась там и Катерина с новым своим мужем - невеста была её близкой родственницей. Как потом понял Сергей, пригласили его на свадьбу специально. Катина тётка — Корчмитиха подседа на свадьбе к Сергею с разговором и стала уговаривать его сойтись снова с Катей, увести её от мужа, обещала даже забрать их дочку, чтоб та не

мешала жизни, но Гвоздев ответил отказом. Хватит, один раз он уже уводил её от жениха, а потом и у самого увели. Предательство трудно простить даже чужому, а любимой простить просто невозможно, предавшая однажды, предаст и в другой раз. Недовольная переговорами Корчмитиха отстала от парня.

Свадьба Любы была весёлой, много гуляло на ней парней и красивых девчонок, Сергей играл на гармонии, стараясь на Катю не смотреть. Хотя, увидев её мужа, невысокого коренастого парня, пытался понять, что она в нём такого особенного нашла?! Когда гости вышли плясать, оказался в кругу и Володька - муж Катерины. Он, зная, кто такой Сергей, пытался показать своё превосходство над ним и плясал, поднимая ноги неестественно высоко, стараясь задеть ими гармониста. Гвоздеву это надоело, и он, сняв с колен гармонию, встал, отвёл плясуна в сторону и сказал: «Ещё раз задерёшь свои ноги, я тебе их повыдёргиваю!» Взглянув на высокого сильного моряка, соперник на новый выпендрёж больше не решился. Будучи парнем нехилым увидел он в лице Сергея что-то такое, что остудило ему петушиный пыл. А Сергей разглядев получше соперника думал с обидой: «Ну что она нашла в этом полоротом кривляке, чем же он ей так понравился?»

Когда, наплясавшись, гости уселись за стол, к Сергею подошла Дуся Терещенко и сказала ему тихонько: «Сергей, тебе лучше со свадьбы уйти. Меня сейчас просила одна женщина подать тебе выпить. Она что-то намешала в питье. Я отказалась, но она может найти кого другого, чтобы зелье тебе

поднесли. Ты знать не будешь и выпьешь. Иди ты лучше отсюда от греха подальше». Парень решил послушать родственницу (только шаманства ему и не доставало), да и настроение у него совсем испортилось, и он покинул свадьбу.

Сергей на свадьбе танцевал с местной девчонкой Валец, с ней он и ушёл из-за праздничного стола.

Ушёл он со свадьбы и навсегда от Катерины. Валентина стала ему второй - верной женой. И она, а не Катерина родила ему детей, она прошла с ним долгий жизненный путь, на котором были и беды, и радости. С ней нянчил Сергей Иванович своих внуков, с ней и до правнуков дожил.

Но всю жизнь больной занозой в сердце Сергея оставалась его первая любовь и первая жена. Нет-нет, да и вернёт память к прошлому. Вновь и вновь пытался он понять, почему не сложилась у них жизнь с Катериной? Ведь была же у них любовь!? Кто виноват, что семейной жизни не получилось? Молодость и неопытность? Служба, разлучившая их надолго? Катин мягкий характер? А может, в чём-то была и его вина? Молодой был, глупый и чего-то в жизни не понял? Возможно, если бы осталась она тогда в деревне, не прицепился бы к ней Володька, и всё было бы по-другому?

А может, оно и к лучшему, что всё вышло, как вышло!? Ведь недаром поётся в песне: «Если к другому уходит невеста, то неизвестно, кому повезло!»

Всю жизнь издали наблюдал Сергей за жизнью Катерины, изредка встречал её на Троицу или по какому печальному случаю. Перекидывался ничего незначащими словами и снова мучился вопросами

без ответов.

Майским днём ушла Катерина в другой мир, не ответив ни на один его вопрос. О смерти своей первой жены Сергей узнал в больнице, куда попал с тяжелейшим сердечным приступом. А до этого приснился ему сон: Катерина молодая и красивая стоит в фате в своём доме, где столы накрыты к свадьбе. За столами сидят гости, не хватает только молодых, вот и невеста уже за столом, но Сергей садиться рядом с ней не стал.

Получив печальное известие, опять, как когда-то в юности, Сергей не мог уснуть ночью. Вспоминал и вспоминал всю свою прожитую жизнь, и со страшной силой затосковал. Вернувшись из больницы, не смотря на слабость, сел на мотоцикл и уезжал на речку, где наедине с природой пытался найти душевное равновесие и не находил. Пусто стало ему на земле без Катерины. Себе он мог теперь признаться, что никого он в жизни не любил, кроме неё. И пока он знал, что есть на свете она, его самая первая, самая любимая женщина, что Катерина видит то же небо и дышит тем же воздухом, неважно где, но она есть, он радовался жизни. Со смертью любимой оборвались какие-то внутренние струны, нарушилась гармония в душе. И нет ему покоя, и не будет, он это твёрдо знает. Может там когда-то за гранью жизни в свой срок обретёт он его.

БАННЫЙ ДЕНЬ

Холодным октябрьским вечером Сосулиха решила сходить в баню к соседям. Она видела, что сосед Семён Лебедев с утра носил воду, а потом перед обедом затопил баню. Топить свою на себя одну да ещё жечь дрова, которых у неё было мало, ей не хотелось, поэтому она ждала, когда протопиться баня у соседей.

С утра Мария, ещё крепкая и красивая шестидесятилетняя баба, управившись с нехитрыми делами по хозяйству, начала пробовать бражку - поспела или нет, и потому была весь день в хорошем настроении. Пока было светло, она вязала внуку носки, мыла полы, выполняла обычную домашнюю работу. Закончив намеченные дела, собрала чистое бельё.

Прикинув, что баня должна уже истопиться, она закрыла дверь на замок, и, прихватив свёрток с бельём, отправилась к своей подруге Наде Смирновой. Та, овдовев, долго одна не жила, а сошлась с вдовым удмуртом Семёном Лебедевым - маленьким невзрачным мужичонкой. Надя - не Сосулиха, она одна жить не может, всю свою жизнь жила за мужем, как за каменной стеной, и, овдовев, не представляла, как жить без мужика в доме. Жаловалась всем: «Ой, я боюсь одна, страшно в доме и тоскливо, боюсь одна даже ночевать!» И скоренько нашла себе сожителя в Суриково. Надя жила по принципу: хоть худой плетень, да за ним тень. Мария же, как проводила на фронт своего Мишу Сосулина в двадцать два года, так больше и не зналась ни с одним мужиком. И всю

жизнь звали её Сосулихой, хоть и прожила она с Михаилом всего-то пять лет, влюбившись в него ещё совсем зелёной девчонкой. Старшая сестра Полина ходила на вечерки, с которых её провожал Миша Сосулин, а четырнадцатилетняя Манька бежала за ними следом и пела обидные частушки, стараясь расстроить их дружбу. Полина нашла себе другого парня, когда Сосулин ушёл в армию, и вышла замуж. Миша, вернувшись домой, не мог не заметить, как сестра Полины выросла и расцвела. И, конечно, не было счастливее человека, чем Мария, когда Сосулины пришли её сватать. Только всё её бабье счастье закончилось 22 июня 1941 года. Мишу забрали на фронт в первые дни войны

Была Сосулиха всегда женщиной красивой и лицом, и с фигурой, стройной, как у девушки. И войдя в возраст, не утратила былой красоты, просто она стала несколько другой, зрелой. И, несмотря на то, что у неё росли две дочки, сватали её и не раз, но она всем отказывала, ведь сравниться с её Мишей никто не мог. Переехав на новое место жительства в Уланово, она долго жила воспоминаниями молодости, что прошла у неё в деревне Демьяновке. При каждом удобном случае старалась сбежать в родную деревню на берегу Кемчуга то за хмелем, то за калиной и всё вспоминала, вспоминала свою молодость и дорогие сердцу места, и своего мужа, красивого и ласкового парня. Он навсегда остался в её памяти молодым и красивым. И видеть никого другого рядом с собой она не хотела. Так и жила одна, работала дояркой, везла тяжкий груз хозяйских забот и дочерей растила.

Выросли дочки, выдала их замуж. Потом, когда

у младшей появились внуки, помогала их нянчить, перейдя жить к зятю в дом. А было ей тогда всего-то сорок лет. Но она так устала от одиночества, что была рада жизни в семье зятя. И роль бабушки ей тоже нравилась. С внуками она заново открывала окружающий мир, радовалась их успехам, огорчалась от их проказ. И жизнь была наполнена смыслом. Прошло и это счастливое время. Незаметно подросли внуки, окончили начальную школу, но деревня стала пустеть, дочка с мужем тоже подались из колхоза на производство - уехали жить в леспромхозовский посёлок Рассвет. И Мария снова осталась совсем одна в большом доме зятя не то хозяйкой, не то сторожем. Ни та, ни другая роль её не радовала. Когда в молодости она работала в колхозе, за делами на людях ей некогда было скучать. Живя у зятя в семье, находила удовольствие во внуках. Была она для них нужным человеком. А теперь внуки выросли, колхозной работы нет. Никуда спешить не надо. Одиночество окружало её со всех сторон. Казалось, порой, что от тишины звенит в ушах. Не с кем в большом доме даже словом перебраться, разве что с кошкой. Особенно тяжело было ей долгими зимними вечерами. О чем только не передумает, пока не сморит сон! Вспоминалось детство, сёстры. Старшая Полина рассказывала ей когда-то, как случился в их доме в Демьяновке пожар. Маленькую Маньку тогда вместе с зыбкой вынесли на улицу подальше от пожарища. Дом стоял на взгорке, а зыбку поставили в низинке. Оставив ребёнка, мать побежала к горящему дому. На улице был май, кругом по низинам стояла вода, Кемчуг вышел из берегов,

и вода всё прибывала. Когда взрослые вспомнили про ребёнка, то увидели такую картину: на крошечном островке среди воды стояла люлька, а рядом две большие свиньи рылись своими носами в земле. Сёстры потом часто подшучивали над ней, что счастливая она у них — ни в огне не сгорела, ни в воде не утонула, ни свиньи её не съели!

Счастливая. Особенно теперь, когда осталась в большом доме одна!

От скуки и вечной тоски сдружилась Мария с соседкой Надей Смирновой, тоже пенсионеркой. По молодости они никогда не были подругами. Надя всегда любила погулять, выпить, подурачиться, а Мария вела совсем другой образ жизни. В свободное время просиживала за рукоделием, пряла, вязала, вышивала, помогала своей сестре, живущей в соседней деревне, пока та ездила по курортам отдыхать. Так и прошла её молодая жизнь за вечными делами и заботами о детях и внуках. Когда не стало этих привычных забот, навалилась на бабу такая тоска, что стала она гасить своё дурное настроение спиртным. Хотя в молодости не находила в выпивке никакого удовольствия. А теперь запросто! Соседка скажет: «А давай, Манька, выпьем по стопочке, жизнь тогда веселее покажется!» И правда, выпьет Мария, и настроение становится другое, и жизнь не такая пресная. Так между деревенскими нехитрыми делами и выпивала Сосулиха стопочку то с соседкой, то ещё с кем, а то и одна, если было желание. Дело-то пенсионное, спешить никуда не надо, пенсию дадут во время, на хлеб сахар ей хватит. А больше ни на что и не надо, слава Богу, одета, обута.

Когда стали показывать по телевизору много-серийный фильм «Семнадцать мгновений весны», Мария не отходила от телевизора ни на шаг. Переживала, расстраивалась, а то и плакала над фильмом. Она влюбилась в главного героя фильма Штирлица, которого играл Вячеслав Тихонов. За то время, что шёл фильм, Штирлиц стал для неё почти родным. Вот это мужчина: и статный, и умный, и красавец! В такого просто грех не влюбиться!

И когда кто-то при разговоре однажды предложил Марии найти себе какого-нибудь деда, чтоб жить не скучно было, она, не задумываясь, ответила: «Вот за Штирлица я бы пошла, а другого мужика мне не надо!»

Посмеялись тогда над ней, дескать, ну и загнула баба, Штирлица ей подавай. А она и вправду не представляла себе, как можно быть вместе с кем попало только потому, что скучно?! Как можно принять в дом чужого старика со своими заморочками, подстраиваться под его привычки!? Одно дело стариться вместе с любимым мужем. А так - даже страшно представить, что какой-то дед будет вместо её Миши рядом с ней! Ужас!

И никаких разговоров о каком-то замужестве Мария не любила и не поддерживала. Отлюбила она своё, отстрадала. Много было по молодости охотников до её красоты. На красивую, да ещё вдовую бабу, как на мёд, кто только не липнет. Каждый сморчок себя кавалером считает. Но Мария умела дать укорот любому нахалу и слыла среди мужского населения недоступной, а то и ненормальной. И никто не знает, сколько слёз пролила она украдкой в подушку, дожидаясь своего

любимого с фронта, надеясь на чудо даже тогда, когда уже и надеяться не на что было. Но чуда не случилось, не вернулся её любимый домой. Если бы не проклятая война, разлучившая их с Мишей, разве ж так бы прожила она свою жизнь!? Разве стала бы она рвать колоски на колхозном поле, чтоб, нашелушив зёрен, сварить похлёбку своим голодным дочкам!? Разве сидела бы она за какой-то несчастный пучок колосьев два года в тюрьме!? Хотя там были такие же простые и несчастные бабы, как и она, отбывавшие срок за горсть зерна или пару картофелин с колхозного поля. Там на военном заводе поняла Мария, что Бог хранит её до поры до времени, когда толком незакреплённая на токарном станке деталь просвистела однажды около её уха. И опять вспомнила она слова Полины о своём счастье.

Ох, многое вспоминается, когда разворошишь память, да если всё время находишься наедине со своими мыслями!

По улице Сосулиха шла быстро, в лицо дул холодный северный ветер, приходилось постоянно отворачивать голову. Видно скоро быть зиме, а так не хотелось холодов! Но зима, как и старость, приходит независимо от наших желаний!

Поднявшись на крыльцо к соседям, женщина увидела на двери замок. Стоять на холоде и ждать хозяев ей совсем не хотелось, снять же самой замок, чтоб зайти в дом, Мария не могла, не так воспитана. Долго не думая, усмехнувшись лукаво своим мыслям, она пошла в огород к бане. Открыла низкую дверь, пригнув голову, вошла в баню, поздоровалась и стала раздеваться. Семён с Надей

изумлённо вытаращили свои глаза на Маньку и сидели, как вкопанные. А та раздевалась со спокойным видом, как будто ничего особенного не происходило, и она пришла в свою собственную баню. Наконец, опомнившись от изумления, Лебедь, заикаясь, произнёс с удмуртским акцентом, выделяя в словах все буквы о: «Ты чё, Косулиха, одурела чё-ли?»

А та, раздевшись, повернулась к мужику передом и сказала: «А ты посмотри, Семён, хорошенько, может моя чернобурка лучше Надиной!»

Мужик в сердцах плюнул, заматерился на бесовестную бабу, и наскоро ополоснувшись водой, толком не одевшись, выскочил из бани. Откуда ему было знать, что для Марии было на свете лишь два настоящих мужика: Миша Сосулин да Штирлиц, а других для неё просто не существовало. Но Семён Лебедев этих тонкостей не знал, потому и матерился до самых дверей на ненормальную Косулиху, что не дала ему толком прогреть старые кости. Идти мыться после баб, что толку! Баня была старой, и тепло из неё уходило быстро.

Сосулиха же взяла освободившийся таз, ополоснула, налила в него воды, поставила на скамью и стала мыться, разговаривая с подругой, как ни в чём не бывало.

ЖИЗНЬ ПРОШЛА, А ВРОДЕ И НЕ ЖИЛИ

В это апрельское утро Ольга Петровна поднялась затемно. Привычно зажгла керосиновую лампу, оделась и, перенеся лампу за дощатую перегородку на кухню, стала растапливать русскую

печь. Чиркнула спичкой, зажгла бересту. Языки пламени весело побежали по клетке из дров, сложенной ещё с вечера. А Ольга Петровна, невысокая пожилая женщина, тяжело опустилась на скамью и какое-то время смотрела на разгорающийся в печи огонь. В такие минуты все мысли уходили куда-то прочь, из глубин памяти наплывало что-то непонятное, словно огонь, заволакивая, отключал сознание от всего обыденного и навевал что-то забытое и далёкое. Некоторое время она еще сидела, глядя на огонь, потом, спохватившись, засуетилась. Надо было подмесить тесто. Опара, поставленная с вечера, уже давно подошла. Подбивая тесто, Ольга Петровна думала свои невесёлые думы. Она теперь почти всё время только то и делала, что думала, поговорить в пустом доме можно было только с кошкой, да и та куда-то с вечера запропастилась. Но хозяйке было сегодня не до кошки, день ей предстоял суматошный, дай Бог сил его прожить. Но сначала надо закончить стряпню. Замесив тесто, она стала готовить начинку для пирогов. Пироги будут с мясом, ягодами и, конечно, её любимые - с капустой. Ольге Петровне пришлось спуститься в подпол, где у неё сохранилось несколько кочанов капусты. Достала, почистила, бросила верхние испорченные листья в помойное ведро и стала крошить. И снова мысли повели её в прошлое. Сколько ж пирогов она перестряпала за свою жизнь, не сосчитать! А уж стряпать она была мастерица. Не было в деревне другой такой хозяйки, которая могла соперничать с Казачихой, как называли её в Уланове, в этом кухонном искусстве. Своих секретов по части пирожков она не

скрывала от желающих перенять умение, но таких как у неё, ни у кого не получалось, хотя стряпали из одной и той же муки с такой же начинкой. Ольгины пироги всегда были самые вкусные. Поэтому её приглашали стряпать на свадьбы, на колхозные праздники. Когда в деревне говорили об Ольгином искусстве хорошей стряпухи, обязательно добавляли: «Она же вятская». Словно у переселенцев из Вятской губернии был свой особый дар по части кулинарии, данный Богом. А может, что-то и было, ведь не случайно же сложилась поговорка: вятские — люди хватские.

Ольга Петровна подбила поднявшееся тесто, подбросила в печь ещё дров и снова присела. Силы уже были не те, что прежде, и надо было их поберечь на долгий день. День же сегодня был особенный — сороковины по её мужу Фёдору, умершему как раз на женский праздник восьмое марта.

За него она вышла, когда ей было за пятьдесят. Фёдор Морозов, желая узаконить перед людьми их отношения, расписался с ней как положено в сельсовете. Это замужество оказалось для Ольги Петровны самым длинным - в двадцать лет. Но оно уже не дало той радости и счастья, как первое. Это замужество помогало спокойно коротать старость, оно не было окрашено радужными красками молодости.

Юность Ольги прошла далеко-далеко от Улановой деревни, в Поволжье, недалеко от татарского города Мамадыша. Своих родителей она лишилась рано, и самым родным человеком оставался у неё на всей земле только младший брат Серёжка. Там в вятских краях Оля и замуж вышла. Невы-

сокую красивую девчонку приглядел статный и симпатичный парень Казаков Николай. Оля была быстрой, как веретено, всё в руках у неё ладилось. Смышлёная, весёлая и озорная девчонка нравилась многим, но досталась Николаю.

Земли в Поволжье не хватало, время было не самое лучшее, и Казаковы с другими переселенцами отправились за лучшей долей в далёкую Сибирь. Сначала, конечно, скучали по родным местам, но понемногу обжились на новом месте, дом построили. Серёжку, брата Оли, отдали в работники, чтоб себе на хлеб сам зарабатывал. Свои дети - мальчишки Валентин и Сашка уродились в отца рослые и красивые, а характером в мать, особенно ласковый Санька. В трудах и заботах текла жизнь семьи Николая и Ольги. Они уже привыкли и к людям - таким же переселенцам, как они, и к новому месту. Да за вечной работой тосковать особенно было некогда.

Так бы и жили Казаковы и дальше, но любил Николай при случае, как и все мужики, выпить. Выпив же, домой не спешил. Зовёт, зовёт Оля его из гостей, а ему всё мало. Рассердится она и убежит одна домой: надо же и со скотиной управиться, и за детьми присмотреть. А мужик ещё долго домой не идёт. Однажды, перебрав лишнего, Николай не смог добраться до дому, возвращаясь из соседней деревни, провалялся какое-то время на снегу и простыл. Это потом и послужило причиной болезни, от которой он и умер. И тогда точно также она на поминки стряпала пирожки с капустой. И так же лезли в голову мысли о том, как жить дальше. Но ничего, выжила. Тогда она молодая была, сильная.

Хоть и хлебнула вдовьего горя, но рядом были дети и подросший брат.

Ольга Петровна тяжело вздохнула и стала раскатывать тесто, потом, разложив начинку, заклеивала пирожки красивыми защипами.

Уложив стряпню на смазанный маслом противень, она разбила яйцо, взболтала его в мисочке, достала гусяное перышко и, смочив его болтушкой, смазала все пирожки и поставила их на расстойку.

Утро уже разгорелось вовсю, когда она посадила поднявшуюся стряпню в печь. Прибирая на столе, Ольга вспомнила, как посватался к ней овдовевший Герасим Петров — высокий крепкий мужик, который был много старше её. Нелегко было ей в доме Герасима. Ведь свели они в одну семью его и её детей. Дочки Герасима не любили мачеху, были они уже большими девочками. И хоть искусной хозяйкой была Ольга, но кормить целую ораву было очень трудно. Стряпает, стряпает, бывало, она целое утро, а дети махом сметут всю её стряпню. С Герасимом они ладили, жалел он её, не обижал. Всё бы ничего, да заболел года через два её второй муж. Здоровый когда-то мужик занедужил так, что превратился в обузу для семьи. Поняла Ольга, что снова быть ей вдовой. Стала она думать о своём будущем и однажды завела осторожный разговор с больным: «Знаешь, Герасим, жили мы с тобой неплохо. Мужик ты хороший, но жить, ты понимаешь, осталось тебе

недолго. Рано или поздно, но дети твои меня выгонят из твоего дома. А ведь мы с тобой неплохо жили, хозяйство вели. Отдели ты меня сам, пока живой, я обещаю, что не брошу тебя, и буду

ухаживать за тобой до самой смерти». Герасим согласился, и Ольга, вернувшись в свой дом, ушла туда со своими сыновьями. Отделил ей Герасим часть хозяйства. И она своё слово сдержала, ухаживала за вторым мужем до его конца. Было это уже после войны.

Дом, который она позже купила у Чирковых, стоял на высоком месте. Каждое утро в его окнах было светло и весело от сияющего солнца. Какой бы длинной и печальной не была ночь, но приходило утро, и яркое солнце наполняло его радостью. Уходили прочь ночные печали и страхи, день с его заботами не давал грустить. Вот и в это апрельское утро с восходом солнца у старой женщины появились и светлые мысли. Но за привычными делами она вновь и вновь возвращалась к своему прошлому, словно подводила итог прожитой жизни.

Уличные окна дома смотрели прямо на дом Михайловых. Когда-то в нём жили Гвоздевы (Сиротовы). В большой семье Сиротовых подрастали парни, и один из них — Николай всё чаще и чаще засматривался на молодую вдову, работали они тогда в одной бригаде, иногда парень заходил в гости. Оля угощала его своими пирогами. В её доме, что стоял около колодца, было по особому уютно, и Николаю совсем не хотелось уходить домой. Всё чаще и чаще задерживался он у неё. Порой помогал ей что-то сделать по хозяйству, порой просто приходил поговорить и наблюдал, как она возится со стряпнёй или другими женскими делами.

Ольге тоже нравился добрый красивый парень, и она была совсем не прочь связать с ним жизнь. Ну и что, что молодой, вон у Куруса жена на пятнад-

цать лет старше и ничего, живут. А чем Ольга хуже Курусихи, почему бы и ей не пожить счастливо за молодым мужем?! Но видно не хватило на Олину долю бабьего счастья, когда его делили. Грянула война, и в числе первых получил повестку Николай Сиротов. Только и успела Ольга настрять ему в дорогу пирожков. Поплакали на прощанье, поцеловались и расстались навсегда. Не судьба была остаться Николаю живым, а Ольге быть замужем.

Проводила она на фронт и брата, и больше пирогов во время войны не пекла. Хлеба и того порой не из чего было испечь, не только чего ещё. Хорошо, что сыновья подросли и работали в колхозе, всё что-то получали на трудодни. Так и выжили в трудное время. Потом вышла она за Герасима, а мужик в доме, это ж половина забот с плеч! После войны стало чуточку легче, вернулся с фронта брат, но опять же мучили колхозников разными налогами, а детей женить надо было.

Устроить свою женскую судьбу после смерти Герасима ей не пришлось, хоть не было ей и сорока лет. Молодым девкам после войны женихов не хватало, чего уж говорить о вдовах. Так и жила Петровна одна. Два раза брата женила. Первая жена не дождалась его с фронта. Вторую он нашёл уже после войны. А самой Ольге запомнилась вечная работа, работа, работа, которой она не боялась, но порой уставала до изнеможения, а пожалеть, кроме брата было некому. Хорошо хоть с братом жили дружно, и тот всегда помогал сестре в мужских делах. В праздники она всегда стряпала, водилась у неё и выпивка. Как без этого вдове в деревне выжить?! Мало ли какую работу

надо спроворить: то сена привезти, то дров. Вот и угощай бригадира, чтоб коня дал, а то и помощника какого угостить надо. Была она гостеприимной хозяйкой, по праздникам собирались к ней такие же вдовы, как она, выпьют немного, поплачут, посмеются, а потом выйдут на улицу, запоют и вдоль всей деревни с песней пройдут. Вот, дескать, как мы весело гуляем. А вернётся вдова домой, веселья как не бывало, и поплачет она не раз в подушку, так чтоб сыновья не услышали.

Время от времени появлялись у неё квартиранты: то командированные, то учителя, то брала к себе жить одинокую Маню Стрелкову — сестру своего свата. Но это уж было потом, когда выросли, поженились сыновья и уехали из деревни.

Ольга Петровна вздохнула, отодвинув заслонку, заглянула в печь. Пирожки красиво зарумянились, значит готовы. Хозяйка вытащила противни на стол, смочила стряпню молоком и закрыла чистым полотенцем. Стало жарко, и она, выйдя из кухни, прилегла на кровать немного отдохнуть. Прошное не отпускало, и она опять, как в кино, прокручивала свою жизнь.

На дворе был апрель, когда к ней пришла дочь Фёдора, сватать за своего вдового шестидесятилетнего отца. И она, пятидесятилетняя баба, пошла за советом к брату Сергею. Всю жизнь по разным вопросам они держали с ним совет. И снова Ольга решилась на замужество. Фёдор был неплохим хозяином и в деревне Давыдово имел хороший дом, крепкое хозяйство. Оставив в своём доме Маню, она уехала жить в Давыдово. И деревня, и люди ей там нравились. Летом приезжали гостить дети с

внуками — на берегу речки всем было раздольно, а дом Фёдора стоял недалеко от речки. Но через пять лет деревня опустела, и они с Фёдором переехали в Уланово. Муж подладил её дом, сарай, и жизнь неспешно потекла дальше. Они с Фёдором сумели даже скопить денег и съездить и на её родину, и в Белоруссию. Каждое лето здесь опять гостили внуки, особенно часто дети старшего сына Валентина. С внуками было хоть и суетно, но весело.

Август шестьдесят девятого года был дождливым,росло много грибов. И внуки то и дело бегали в лес. Ольга солила и сушила грибы, чтоб было потом долгой зимой с чем стряпать пирожки. Незаметно за делами и хлопотами лето подошло к концу, кончились каникулы, и сын забрал детей в город. Проводив внуков, Ольга заскучала, как никогда. Копошилась днями в огороде, находила работу во дворе, чтоб не заходить подальше в опустевший дом. Картошку собирались копать с 14 сентября - Семёнова дня. Дата эта врезалась в память Ольги навсегда. Она и теперь, спустя одиннадцать лет помнит тот осенний день, когда получила страшное известие.

Невестка, жена Валентина, уехала на курорт, оставив Валентина с детьми. С вечера они протопили печь, жили они в Ачинске в деревянном доме, а топились в городе углём. Кто и почему закрыл трубу, так и осталось загадкой, до этого трубу никогда не закрывали. И сын Ольги Петровны Валентин, и семнадцатилетняя красавица внучка, и десятилетний внук умерли от угара. Три гроба стояли рядом в большой комнате, когда Ольга приехала, и не передать словами то, что испытывала она тогда. О

чём только не передумала она, сидя ночами рядом с усопшими.

Приехала с похорон сама не своя, как она копала картошку, как что делала по дому, даже и не помнит. Всё было, как во сне. Так и остались лежать до следующей зимы, насушенные для пирогов грибы. Жить ей тогда не хотелось, какие уж там пирожки! Но время всё лечит, пережила Ольга Петровна и это горе.

Двенадцать лет ещё после этих похорон прожили они с Фёдором. Он был неплохим мужиком, работающим, непьющим. Но прошлой осенью после уборки картошки заболел у него на ноге палец. С этого пальца потом всё и началось. Поехал он в больницу сам, а назад привез его зять уже умирать. Началась у старика гангрена, предлагали в больнице отнять ему ногу, но он не согласился. Решил так умирать. В больнице подсадили его на наркотики, обезболивая страдания. Вот и маялась она с больным с октября до самого восьмого марта. Если бы не уколы морфия, что ставила Фёдору дочь, неизвестно, как бы она вынесла болезнь мужа. Ни днём, ни ночью боль не отпускала его, а он Ольгу Петровну. Совсем измаялась она с ним. Когда умер Фёдор, вздохнула облегчённо, надеясь отдохнуть, но навалилась тоска.

Ну, ничего, вот сегодня отведёт она поминки по Фёдору и уедет к сыну Саньке, к внукам. Там с родными и отойдёт душой от всех тягот. Отдохнув, встала женщина с кровати и опять отправилась на кухню, попробовала на вкус пирожок, осталась довольная.

Стукнула в сенях дверь, это пришла дочь Фё-

дора Тамара. Вошла и сразу от порога: «Ну, здравствуйте вашему дому, как тут ночевали?»

Ольга Петровна вздохнула, и произнесла, выделяя как все вятские букву «о»: «Здравствуй, Тамара. Ночь, слава Богу, прошла хорошо. Да вот сейчас хожу и всё думаю. Вот ведь как, жизнь прошла, а вроде и не жили!»

Молодая женщина ничего на это не ответила. В последнее время Ольга Петровна часто произносила эту фразу.

Женщины засуетились, собирая поминальный стол. Хозяйка принесла свою стряпню, предложила попробовать Тамаре. Ни хозяйка, ни дочь Фёдора не знали, что это были последние пирожки Ольги Петровны. А жить ей оставалось от силы десять дней.

ПОВИТУХА

Октябрь 1953 года подходил к концу. Снег выпал как раз на покров. Поэтому в деревне ездили на санях.

Шура и Лёнька Смирновы — ученики - старшеклассники вернулись домой в субботу из Междуречки. Пробежав по зимней дороге восемь километров, ребяташки надеялись помыться в горячей баньке и отдохнуть после дороги в отцовском доме. Но мечты остались мечтами. Дома их мачеха уже третий день мучилась в родовых схватках. Роженицей она была старой, а роды первыми. Женщина совсем обессилила. Отец велел Лёньке запрячь коня и срочно ехать назад в Междуречку за фельдшером Болтуновым. Прошло часа четы-

ре, пока Болтунов — сельский эскулап появился у Смирновых. Но ожидания домашних были напрасны, фельдшер не знал, как помочь роженице. Отчаявшийся Николай, жалея свою молодую жену, велел Лёньке бежать за Домной, деревенской повитухой. Та не заставила себя долго ждать, и вскоре появилась в доме Смирновых. Погрев у печки руки, вымыла тщательно их под умывальником и решительным шагом направилась к роженице. Осмотрела измученную Верочку, уложила её на кровать и засунула правую руку в родовые пути, что-то там сделала, и роженица через некоторое время произвела на свет мальчика. Тут уж фельдшер принял эстафету и командовал парадом дальше сам, а Домна заспешила домой. Случись что с роженицей, старому фельдшеру можно было всё списать на повитуху. Сам Болтунов ни за что бы ни стал так рисковать, как она. О том, что Домна Тимофеева хорошая повитуха, фельдшер был хорошо наслышан. Много раз их пути пересекались. Жила она в другом конце Улановой деревни со своим мужем Семёном Тимофеевым. Тимофей — невысокого роста мужик не имел правой ноги. Вместо неё была деревянная культя. Если Семён шёл по деревянному настилу, культя стучала, издавая громкий звук. Кто-то из деревенских остряков дал Семёну прозвище Стуконожка. Семёнов и Тимофеевых в деревне хватало, а так сразу понятно о ком идёт речь. Стуконожка — значит, Семён Тимофеев, уточнений не требуется. Ногу свою Семён потерял, когда началась коллективизация. Идти в колхоз он не хотел. Поэтому скрывался в лесу. Там его и подстрелили комсомольцы. Среди них был и его

родной брат, с которым они остались на всю жизнь врагами. По этой же причине Семён угодил на восемь лет в тюрьму. Домне пришлось перебираться с детьми в Уланово, в своей деревне её в колхоз не брали. А перебираться было некуда, никто ей дома не построил, квартиру не предоставил, и она сама с сыновьями мальчишками стала строить жильё. Построила. Это была маленькая избушка, похожая на баньку, даже без крыльца, в которой она прожила с детьми десять лет, пока ждала Семёна. Домна — высокая худощавая женщина была очень доброй. Не было в Улановой деревне человека, кто мог бы сказать, что она сделала кому-нибудь что-то плохое или сказала обидное. Помогая роженицам, она ухитрялась кормить своим ремеслом своих детей. А ещё выручал огород. От колхозных заработков было мало проку. После родов её благодарили, чем могли.

Устроившись на новом месте, женщина поехала на свидание к мужу в тюрьму. Привезла оттуда себе два подарка. В положенный срок родила младшую дочку Дусю. Вторым подарком оказалась болезнь, от которой у неё провалился нос. В деревне говорили потом, что Домна привезла от Семёна «любовную болезнь». Дочь родилась здоровой. «Любовную» болезнь видно со временем повитуха как-то заглушила.

Семён с Домной были странной парой. И относились к ним в деревне по-разному. Она - высокая худощавая, а он почти на голову её ниже. Когда в Уланове хотели сказать, что кто-то кому-то не подходит, говорили: «Как Семён с Домной». Семён и по характеру был довольно задиристый и большой

говорун. Работать в колхозе он не мог по причине своего увечья, и колхозное правление решило использовать его как деревенского парикмахера. Ему за это начисляли трудодни. Про Домну говорили, что в молодости она работала при какой-то больнице, правда или нет, но так говорили. За повитухой приезжали из соседних деревень. Никому она не отказывала. Уезжала на сутки, а то и больше, дома оставались одни дети и на их плечи ложились все заботы и по дому, и по хозяйству. Не было случая, чтобы роды у повитухи оказались неудачными. Потому и пользовалась она заслуженной славой среди женского населения округи. Старшие дети выросли, пока Семён сидел в тюрьме. Дочь Марию выдала она замуж в дальнюю деревню. Забрали на войну старших сыновей Петра и Ивана. Шурка — подросток военной поры, всюду трудился в колхозе. Домашние дела легли на плечи маленькой Дуськи. Девчонка очень не любила оставаться одна, когда мать увозили к роженице в другую деревню, порой дня на два или три. Домна много молилась за своих сыновей, ушедших на фронт, и однажды, когда она стояла на коленях, на её глазах начала обновляться икона. Домна выскочила на улицу, призывая других посмотреть на чудо. Но кроме ребятишек в летний день на улице никого не было. Первым заскочил Серёжка Гвоздев и наблюдал, как залитая красноватым светом икона сначала как бы вибрировала под этим светом, а потом свет стал опускаться вниз, и лик Божьей Матери засиял. Виденное чудо расценили в деревне как знак о скором окончании войны. Но война длилась ещё почти год. Пришла похоронка на Петра,

А Иван лечился в госпитале. А потом пропал. Горе мать переживала одна, Семён ещё сидел в тюрьме.

Когда он уже после войны вернулся из заключения, стали Тимофеевы строить большой дом. К этому времени подрос младший сын Шурка. Пришла пора обзаводиться семьёй, а куда вести молодую жену? В доме ещё не достелили полы, а свадьба уже гуляла. Шурка выбрал себе в жёны самую красивую девчонку в деревне - Мотю Чекрыгину. Домна в своей невестке души не чаяла. Всем хороша невестка: и лицом, и характером. Но сын имел вздёрнутый Семёнов нрав и в праздники разгонял всех домашних. И приходилось красавице Моте прятаться по соседям от буйного мужа. К отцу она за помощью не обращалась — тот не одобрял её замужества по залёту и не любил сватов и зятя.

Выросли к этому времени и младшие дочери Тимофеевых - Полина и Дуся и выпорхнули из родного дома. Уехали в город. А повитухе по-прежнему хватало работы. Подросло новое поколение рожениц. И хотя появилась уже больница в Сурикове, деревенские бабы приглашали в повитухи по-прежнему Домну. За своим благородным занятием забывала женщина о своих погибших сыновьях и других горестях и печалях. Каждый раз, принимая очередные роды, она испытывала удовольствие первой принять в свои руки новую жизнь. И не переставала удивляться вечному таинству рождения жизни. И хотя бегали по окрестным деревням ею принятые когда-то мальчишки и девчонки, приблизиться к разгадке вечного вопроса она не могла.

В праздники Домна любила ходить в гости к

своим вятским землякам — Донгузовым — Степану и Маше - отдохнуть душой от всех хлопот и поплакать. Выпив стопочку, вспоминали земляки родину, знакомых. Тема деревни, где они когда — то вместе жили, была вечной. И всегда разговор заканчивался одинаково - слезами. Родители Домны были переселенцами из Вятской губернии, как и родители Донгузовых. После переселения Шустов Ерофей - отец Домны - жил в Бушуе Пировского района. Семья была большой, только детей родилось 16 человек. Домна, выйдя замуж за Семёна, жила в Тургеневе. И детей она родила 14 человек. Но до зрелого возраста дожили лишь пятеро. Семён по молодости работал в школе учителем математики. Кто знает, как бы сложилась жизнь Тимофеевых, если бы не переворот, с революцией, гражданской войной, колхозами!?

Повитуха всегда вспоминала свою покойную мать. Когда та умерла, её, как положено, обмыли, обрядили и похоронили. Отвели поминки. Вскоре приехал брат, опоздавший на похороны. И так ему захотелось в последний раз посмотреть на мать, что уговорил он родных вскрыть могилу. Могилу раскопали, открыли гроб, а там покойница лежит вниз лицом с зажатыми в руках клоچьями волос. Живую, живую мать похоронили! Видимо придя в себя уже в могиле, от ужаса она рвала на себе волосы, да так и задохнулась. Вспоминая каждый раз всё это, Домна плакала горькими слезами. До последних дней это горе она носила в себе и говорила о нём только у Донгузовых.

А у Семёна, говорят, была ещё книга «Чёрная магия». Только что-то не припомню я, чтобы кто-

то считал его колдуном. Память же о деревенской повитухе жива до сих пор.

ЗАГОТОВИТЕЛЬ

Стоял солнечный сухой сентябрь, и все деревенские жители торопились за погоду выкопать на огородах картошку. У Васильевых копала одна Тамара. Дети дома уже не жили, Фёдор, как всегда, был весь в колхозных делах и где-то пропадал. И хозяйка, управившись со скотиной и кухонными делами, вышла в огород. Утро обещало тёплый солнечный день, и Тамара наметила для себя, сколько ей выкопать до обеда. Работать она любила, но надо было спешить, ведь завтра у неё, деревенского почтальона рабочий день, ей ехать за почтой в Суриково. И женщина взялась за вилы. Вскоре у неё на огороде появился помощник — высокий худощавый мужик. Это был знакомый Васильевых - красноярец Геннадий Евпак. В деревне летом и осенью он подолгу жил, лишь изредка уезжал в Красноярск по делам. После того, как Уланово сделали подсобным хозяйством красноярского шинного завода, в деревне постоянно находились рабочие из города. Для них отвели дом под общежитие, открыли столовую. Геннадий работал завхозом и часто просто заходил к Васильевым поговорить, посмотреть телевизор. Рабочие, молодые ребята, частенько выпивали. А Гена не подходил им по возрасту, да и старался избегать шумных компаний. Тамара приглашала его к столу поужинать, выпить молока, а хозяин порой по случаю приглашал выпить стакан другой деревенского пива.

Часто Геннадий приходил помочь Васильевым по хозяйству, работать ему нравилось, а крестьянских дел в деревне всегда хватает. Спокойный, с чувством юмора завхоз нравился хозяевам, и они были всегда рады его приходу.

Бывая у Васильевых, Геннадий наблюдал, как тащит Тамара - красивая сильная женщина весь семейный воз, а муж бежит налегке рядом. Свою жену Геннадий любил и берёг, а у Васильевых наблюдал обратное. И на этот раз он решил помочь хозяйке, а заодно и скоротать время до вечера. Томиться скукой, пока все на работе, ему было не по себе. Так как был он человеком деятельным, то быстро управился утром со своими завхозовскими делами. Работать таким солнечным днём было просто одно удовольствие.

Тамара, увидев Геннадия, обрадовалась неожиданному помощнику, а когда тот подошёл поближе, ахнула. Всё лицо завхоза было в кровавых ссадинах. После приветствия она не удержалась и сразу спросила:

-Подрался что ли с кем, Ген?! А? Вроде человек ты недрачливый, кто это тебя так и за что в Красноярске разукрасил?

Геннадий загадочно ухмыльнулся, ничего не ответив, взял вилы, стал подкапывать кусты, а закончив, начал собирать с хозяйкой клубни и рассказывать о своём приключении.

- Вчера был такой суматошный день! С утра съездил на шинный завод, где пробежал по разным начальникам до двенадцати часов со своими подсобными делами: у каждого ведь надо то накладные подписать, то путёвки, то ещё какие бумаги, потом

на складах надо было загрузить всё необходимое продовольствие для рабочих в машину. Отправив шофёра с грузом на подсобное хозяйство, сам решил ехать поездом и заскочил ненадолго домой за тёплыми вещами, там скоренько перекусил и в магазин. Купил тебе, Тамара, как ты просила, две большие пачки дрожжей, себе взял папирос, сахару рафинаду, ты ж знаешь, я чай люблю вприкуску пить. День выдался жарким, как и сегодня, поэтому я уложил в рюкзак шапку, свитер. С провиантом да с одеждой свой большой рюкзак под самую завязку натолкал. Купил ещё на дорогу бутылочку водки, чтоб не скучно было ехать, но она уже в рюкзак не влезла, только в карман. На вокзале купил в буфете кое-чего перекусить на дорогу и сел в поезд. Пассажиров было немного, и до Ачинска я ехал в купе один. Наматавшись за день по городу, я устал и проголодался, как собака, поэтому сразу поел, но пить водку не стал - как-то в падлу пить одному, я ж не последний алкаш. Наелся, завалился на полку и уснул. В Ачинске проснулся, когда уже началась посадка, и зашумели новые пассажиры. Подсел ко мне в купе один мужик, такой крепкий, как гриб-боровик, ниже меня ростом, моложе, правда. Другие пассажиры прошли мимо, мест хватало, и мы вдвоём в купе так и остались. Поезд тронулся, в купе стало прохладнее, и я достал бутылку, разложил на столике закуску и предложил выпить за знакомство. Рюкзак забросил на вторую полку, спать уже не собирался. Мужик оказался компанейский. Выпили, закусили, разговор завели с попутчиком, чтобы время скоротать. За бутылкой язык всегда развязывается. Стали выяснять, кто

куда едет. Я возьми и брякни в шутку, что работаю заготовителем и еду закупать в деревню скот для мясокомбината. Ты ж, Тамара, меня знаешь, люблю я пошутить и забываю порой, что не все шутки понимают. Попутчик сначала мне не поверил, а я в раж вошёл, говорю на полном серьёзе: « Ты чё, друг, не веришь мне что-ли? Да ты знаешь, что дня через два машины придут в деревню за скотом. Да у меня вон полный рюкзак денег!» А пачки дрожжей и рафинада сбоку так ровненько топорщатся, будто и в правду там пачки денежные. Пошутил я, балбес, про деньги да и забыл, едем дальше, болтаем. После Кипрейного попрощался с попутчиком и вышел в тамбур. Рюкзак поставил на пол, достал папиросу и решил покурить, пока до Уланова поезд идёт, восемь минут постоять не трудно. Дверь тамбурную открыл и стою, курю. Вышел следом и мой попутчик, тоже закурил. А на улице темень, хоть глаз выколи. Сама знаешь, какие сейчас тёмные ночи. Докурил я, окурочек выбросил и решил посмотреть, далеко ли до Улановского переезда. Держась за поручни, высунул голову из двери в темень, приглядываюсь. А ни хрена ж не видно! И вдруг от неожиданного пинка в зад лечу из поезда вниз. Всё произошло так быстро, что я даже понять сразу толком ничего не успел. Поезд ушёл, а я лежу на насыпи и пытаюсь уразуметь, что произошло. Сначала и боли не почувствовал. Хорошо, что поезд не набрал ещё ход, да крупных камней не было, так я только ударился лицом об насыпь. А может Бог меня дурака уберёт! Лежу и мучительно соображаю, что же это со мной произошло? Потом дошло до меня, что мужик — мой попутчик - на

«деньги мои» купился! Поверил он моему пьяному трёпу! Во, ненормальный! Шутки не понимает, да если б кто с такими деньгами ехал, разве б рассказал первому встречному об этом!? И я дурак, нашёл о чём шутить с незнакомым человеком!

Встал, сколько ж можно лежать, пошевелил плечами, руки ноги вроде целы, глаза видят, а что с лицом, не знаю, но болит. И потопал я по шпалам вслед за ушедшим поездом. Темно. Кое-как пригляделся, дошёл до речки, умылся, закурил, отдохнул и дальше. Иду и думаю:

- Это ж надо, какой гад оказался, я его поил, кормил, а он же меня за мою доброту под зад! Греха не побоялся, сволочь, ведь я ж и убиться мог!

Так что, не выполнил, Тамара, я твой заказ. А мужик-то, мужик уж расстроился наверно, когда рюкзак открыл! Поди уж бражку с расстройства замутил. Аж две фляги получится на тех дрожжах! Сахару, правда маловато будет!

Геннадий весело засмеялся, радуясь, что счастливо отделался и продолжил работу.

А день разыгрался такой солнечный и тёплый. Бабье лето, что скажешь!

НА КАЗАКУ НЕТ ЗНАКУ

Поезд «Москва-Владивосток» набирал ход. Молодая женщина, вошедшая в купе, присела у окна и, глядя на удаляющиеся огоньки города Ачинска, задумалась. События последних дней были такими напряжёнными, что сон просто в голову не шёл. В разговоры с попутчиками вступать ей совсем не хотелось. Поэтому, посидев немного, она поднялась

на вторую свободную полку и, уложив чемоданчик под голову, прилегла. Но уснуть никак не удавалось. Когда затихли на своих полках попутчики, и ничто больше не отвлекало её внимания, Тамара, так звали женщину, начала прокручивать в своей памяти события, произошедшие в её жизни. Вспомнилось, как всё начиналось...

Она - фельдшер приехала вместе со своим мужем в таёжную деревню. Старый доктор с радостью сдал ей все дела. Слишком уж хлопотное дело быть медиком в деревне. Ни днём тебе, ни ночью нет покоя, ни в будни, ни в праздники. А человеку в возрасте и того труднее.

Вспомнилось, как они с мужем Колей отправились на предоставленную им квартиру. На дворе стояла золотая осень. Сразу за деревней начинался лес. Багряный осинник, жёлтые берёзки на фоне зелёных елей, яркое солнце создавали праздничное настроение. На огородах копали картошку, у колхозного подтоварника сутился народ, сновали подводы. Деревня жила своей размеренной жизнью.

И Тамаре верилось, что всё у них на новом месте будет хорошо. Дом, в котором им с мужем предстояло жить, находился недалеко от правления колхоза и медпункта. Что ж, это всё было удобно. Работы Тамара не боялась, не новичок, войну прошла, всякого насмотрелась. А здесь не стреляют, не рвутся снаряды. Так что с работой всё её устраивало. Коле тоже как фронтовику предложили работу учителя математики в школе. С его раненой рукой о лучшем месте и мечтать нельзя.

Рабочий день деревенского фельдшера никог-

да не был нормирован. Вызвать к больному могли в любое время суток. Это, конечно, трудности. А разве на войне легче было?! И всегда на врача лежит огромная ответственность. Но в критических ситуациях об этом думается меньше всего. А таких ситуаций за прошедший год у неё было немало. Одни роды чего стоят! Хорошо, когда всё хорошо! А бывают и осложнения. То кровотечение может открыться, то ребёнок идёт не так как надо. Да мало ли чего! Но принимать роды хоть и было очень ответственно, но нравилось ей больше всего. Это ж не гнойная хирургия с неприятными запахами, с ампутацией и прочими неприглядными делами. А роды — великое таинство! Это рождение человека, и здесь сама природа заботится о полной стерильности!

Война оставила след в её душе навсегда. Много хотелось бы забыть напрочь. Но опять же, если бы не война, не встретила бы она никогда с Колей. Она родом из под Ельни, а он из под Ачинска. Хотя, наверное, было бы лучше, если бы они никогда не встретились. Никогда она бы не пережила такого несчастья, как в эти дни. Но видно, от судьбы не уйдёшь, как говорила когда-то её бабушка Марфа Тимофеевна.

Бабушка оставалась для неё единственным родным человеком, когда Тамара уходила на фронт после окончания медучилища. Родителей своих она помнила смутно. Мать умерла с родов, когда ей было 4 года, а отца — командира полка арестовали в 1937 году. Что с ним случилось, они с бабушкой не знали. А потом уже во время войны не стало и бабушки. Но об этом Тамара узнала уже после

возвращения с фронта. У Марфы Тимофеевны отказали ноги, и не было сил бежать при бомбёжке из дома. Не стало дома, а с ним и бабушки. Единственным и самым родным человеком оказался для неё Коля, которого она выхаживала в госпитале после тяжёлого ранения. Молодой организм и, наверное, её любовь подняли на ноги лейтенанта. Он пошёл на поправку, а их военный роман стал развиваться очень стремительно. И вскоре начальник полевого госпиталя выдал им справку о том, что они являются мужем и женой.

В любимом ей нравилось всё: и голубые глаза, и светлые волнистые волосы, и сибирское чёканье и манера шутить. Тогда она не видела в нём никаких недостатков.

Коля знал много прибауток, но особенно часто произносил одну. Когда кто-то пытался говорить о мужской непостоянности, произносил, улыбаясь: «На казаку нет знаку, это пусть женщины о своей репутации переживают».

После войны муж предложил Тамаре поехать к нему на родину, и она с радостью согласилась. За своим любимым куда угодно! Так она оказалась в Сибири. Только вот как-то не получилось у них долго пожить в Колином селе.

Николай, пережив страшную войну и вернувшись к мирной жизни, словно ошалел от свалившегося на него счастья. Он - молодой, сильный, а главное живой! И кругом столько хорошеньких женщин, ждущих любви, женщин, которые остались вдовами совсем молодыми. А мужиков — то нет! А любить всем хочется! Сколько кругом красивых девчонок, просто голова кругом идёт! Вот у

Коли и началось головокружение от такого количества женского пола. Бывая по делам в Ачинске, гулял с женщинами напропалую. Когда кто-то из знакомых, встретив его с очередной зазнобой, пытался его образумить и напоминал о его красивой и верной жене, он отмахивался:

« Да брось ты, что такого, если я кого-то обогрею, ласки всем бабам хочется, да ты не переживай, и жене хватит, не мыло, не смылится. Ты что хочешь, чтоб у меня в другой деревне баб не было! Да я только за свою баню выйду и то уже холостой, а тут город! Да сам Бог велел нам женщин любить, в библии же, как сказано: «Плодитесь и размножайтесь!» А я ж ведь не только за себя отгулять и отлюбить должен, но и за тех, кто не вернулся! Что мне мужику - отряхнулся и пошёл. Наше дело не рожать....И вообще, моя бабка всегда говорила, что на казаку нет знаку!» Скажет лейтенант такое, и сам весело смеётся, показывая свои красивые зубы. Эти его разговоры доходили и до ушей Тамары, но она старалась не обращать на пересуды внимания. Мало ли сплетен гуляет по деревне. Верила она своему Коленьке и слышать ничего дурного о нём принципиально не хотела. Но однажды обнаружила в кармане его шинели женскую беленькую рукавичку, и тогда что-то в ней как будто включилась. Она вдруг стала замечать то, на что раньше не обращала внимания. А однажды застала мужа выходящим из бани вдовой молодой соседки, и вдруг поняла, что в деревне о нём правду говорят, и в тот раз хотела в сердцах уехать от мужа. Собрала чемоданчик, но Коля так убеждал её в своей невиновности, что ничего с соседкой у

него не было, это он предупреждал её о залезших в огород курах, что Тамара даже своим глазам отказалась верить. Ну не хотелось ей верить, что Коля может предать её! Ведь они пережили самое страшное — войну. Разве ж можно это сравнить с какими-то сплетнями. Они так любят друг друга!

А потом был ещё подобный случай уже с продавщицей Нинкой, а потом с молодой учительницей, и Тамара решила уехать в другое место, чтобы не было рядом этих наглых баб, которые сами вешаются на мужика. Так попали они с Колей в таёжную глубинку. И вправду на новом месте ничего подобного за мужем она какое-то время не замечала. Да и работы навалилось через край. Домой она приходила поздно, то ездила по малым деревням ставить детям прививки, то моталась по делам в Бирилюссы. Приезжала усталая. А ещё частыми стали вызова к роженицам. Бабы рожали одна за другой, даже те, у кого и мужей не было. словно навёрстывали упущенное за войну. Только им с Коленькой Бог почему-то детей не давал. А так хотелось маленького ребёночка, их с Колей маленького человечка! Она хотела мальчика, и даже имя ему придумала — Алёша. Но с ребёнком пока ничего не получалось.

Вчера Тамара вернулась от роженицы из соседней деревни ранним утром. Вся деревня спала, и даже доярки не спешили ещё на утреннюю дойку. От реки поднимался густой туман, какие-то ранние птицы подавали голоса. У конторы на скамейке целовалась влюбленная парочка. «Боже мой, какое же счастье эта мирная жизнь!»- подумала Тамара, подымаясь на крылечко. Уставшей ей мечталось

о том, как сейчас она умоется и нырнёт в постель под бочок к мужу и отдохнёт от ночного напряжения. Открыла дверь в сени, скинула парусиновые туфли и побежала в дом, чтоб поцеловать спящего мужа. И вдруг остановилась как вкопанная перед кроватью. На постели рядом с мужем лежала женщина!

Светлые её волосы рассыпались по подушке, голова покоилась на Колиной руке. Какое — то время Тамаре показалось, что она видит этот кошмар во сне. И ей так захотелось, чтобы всё именно так и было! Она даже закрыла глаза и помотала головой. Но всё увиденное было наяву. Эх, Коля, Коля, что же ты бдительность то потерял! Расслабился! Целая гамма чувств захлестнула её. Убить, убить обоих! Здесь, на месте! За что, за что такое предательство!? Как он мог так после всего, что у нас было!? Как мог!?

Казалось, что у неё вот-вот лопнет от горя сердце! Нет, не лопнуло! Только в груди всё сжалось от нахлынувшей боли.

Наверное, в самый последний момент сработал какой-то внутренний защитный тормоз, ведь она ещё на войне научилась собирать свою волю в кулак в случае необходимости.

- Спокойно, спокойно, Тамара, нет ничего страшнее смерти! А это же не смерть!» — произнесла она вслух, круто повернулась и направилась к выходу, машинально обулась и быстро зашагала привычной дорогой к медпункту.

Она уже не видела, как вскочила с постели чужая женщина, и, как, одеваясь на ходу, выбежала из дома. Она вообще ничего не замечала по дороге, ноги сами несли её вперёд.

В медпункте Тамара Алексеевна села за стол, пытаясь привести свои взбудораженные мысли и чувства в порядок. Но это ей плохо удавалось, она пыталась заняться служебными бумагами, но никак не могла сосредоточиться. Увиденное не выходило из головы. Докторша встала и вышла на улицу, присела на крылечко, пытаясь отвлечься, огляделась вокруг. Утро разгоралось такое красивое! Огромный диск солнца поднимался над горизонтом, рассыпая вокруг свои золотые лучи. В лесу за огородами закуковала кукушка, весело щебетали какие-то птицы. В скворечнике, висящем над пряслом, скворцы кормили своих прожорливых и крикливых птенцов.

-Вот, даже птицы все по гнёздам, - подумала она, - а у меня гнездо никак не вьётся. Всё какие-то кукушки лезут и лезут в него. А может это и не «кукушки» виноваты?

Вспомнилось ей предыдущее место, где они жили с мужем сразу после войны, где вот так же её Коля заводил романы. Потом, разоблачённый, калялся, просил прощения, она прощала, в семье устанавливалось перемирие. И она опять чувствовала себя счастливой. Но появлялась очередная юбка, и Коля начинал волочиться за ней. Не помогла и смена места жительства. Всё повторяется с той же точностью. А как хотелось ей после страшной войны счастья! Они же вместе с Колей мечтали об этом! Простого семейного счастья: жить с любимым человеком, родить от него желанных детей, возвращаться домой, где тебя любят и ждут, где тебя никогда не предадут! Разве ж она его не заслужила, пройдя страшное военное пекло!? Почему

же всё получается совсем не так, как мечталось!?

От нескончаемых грустных мыслей фельдшерницу вскоре отвлекли больные, и она включилась в работу. Но всё выполняла на автопилоте — по инерции. Как только появлялась свободная минута, её мысли снова и снова возвращались к мужу и той душевной боли, которую она испытывала. На обед домой в этот день она не ходила, ни есть, ни пить не хотелось.

В конце рабочего дня она собрала свои инструменты, уложила в фельдшерский чемоданчик, попрощалась с санитаркой Валею и пошла домой.

Мужа ещё не было. Она приготовила ужин, накрыла стол и стала поджидать своего Колю. Тот пришёл довольно поздно, под градусом, сослался на то, что вызывали в район, что он очень устал. Не хотелось ему очередных разборок с женой. Притворно удивился, что Тамара ещё не спит. Заговорил о своих школьных делах, стараясь не смотреть жене в глаза. Тамара же к его удивлению с разборками на этот раз не приставала, и Николай успокоился. Она пригласила его за стол и предложила выпить за всё хорошее, что у них в жизни было, напомнила, что через неделю исполнится три года, как они поженились. Николай от выпивки не отказался и поднял стакан. Выпив залпом, он только потом понял, что спирт был не разведённый. А жена скоренько подала кружку с водой запить. Закусывать много он не стал и за столом долго не сидел. Сослался на усталость и пошёл спать. Тамара Алексеевна, не торопясь, молча, убрала со стола. Вымыла посуду, вышла на улицу и присела на крылечко. Вот и заканчивается этот проклятый

день. День, который сделал её такой несчастной, который начинался так красиво! Боже, какая же она наша жизнь непредсказуемая: утром никогда не знаешь, что с тобой будет вечером. Какая-то роковая минута и ломается весь привычный порядок! И не война, и живы все, а радости нет. И больше нет той весёлой и влюблённой Тамары. Кончилась!

А как хотелось счастья, Боже мой, как хотелось! Чем же я прогневила Бога, за что мне такое предательство! Но на войне предателей расстреливают! А здесь войны нет. Но от измены куда деться? Простить? Ни за что! Хватит! Предавший однажды, предаст много раз. Значит, не судьба нам быть счастливыми, Коленька, не судьба!

Теперь в поезде Тамара смотрела на произошедшее как бы со стороны. Пыталась представить, как проснулся утром её муж, что он испытал, когда понял, что лишился главной мужской ценности. Как читал потом её записку: «Прощай, Коля. Вот теперь побегай, потешь себя и женщин, если сможешь. Теперь уж точно, как говорила твоя бабка - на казаку нет знаку! Смылился твой обмылок, милый, смылился! Уж если не мне, то пусть и никому не достанется. За всё в жизни приходится платить! А за предательство тем более!»

Потом она как бы воочию увидела, как бежит от дома к дому Палашка - школьная техничка по кличке Радиостанция, разнося по деревне новость о том, что медичка мужика своего кастрировала. Представила, как обсуждают на каждом углу эту новость деревенские жители.

Скорый поезд увозил докторшу всё дальше на восток. Как будут развиваться события её дальней-

шей жизни, она не знала, и пока не хотела об этом думать. Навалилась вдруг страшная усталость, и измученная произошедшими событиями, Тамара уснула.

Любовь — самое загадочное чувство на земле. Сколько поколений пытается разгадать его, но каждое новое стоит в начале пути. Древние греки выделяли шесть видов любви: любовь телесную - эрос, любовь игру без обязательств - людус, любовь-дружбу - сторге, расчётливую любовь - прагму, любовь - полную самоотдачу — агапэ, и любовь — манию - одержимость, болезненную страсть, ревность. С тех древних времён в жизни людей ничего не изменилось. Каждый любит по-своему, любит, как умеет, как велит ему его сердце. Каждый, кому посчастливилось любить, испытывает своё собственное чувство, а порой и не одно. К какому виду отнести любовную историю, которая произошла в пятидесятые годы прошлого столетия в одной из окрестных деревень, я не знаю. Судить вам.

КСЮШИНЫ ЖЕНИХИ

Окончив десятимесячные педагогические курсы в Ачинске, Ксения на попутной машине отправилась к месту назначения в село Бирилюссы. По ухабистой и тряской дороге на грузовой машине она и ещё несколько пассажиров, наконец, добрались до Большого Улуя. Дальше машина не шла, и надо было искать хоть какую-то возможность добраться до Бирилюсс. Она со своим чемоданом спустилась к парому на берегу Чулыма. И почему

ей не повезло попасть в Большеулуйский район?! Уже была бы на месте, и никаких проблем. А так ищи попутку, добирайся, как знаешь! Попутки не было, и Ксения, следуя за другими пассажирами, отправилась на берег Чулыма. У паромы толпился народ из зареченских деревень. Здесь же кучковались и такие пассажиры, как Ксения, надеясь найти хоть какой-то транспорт. Несколько человек ждали лодку. Ксения присоединилась к ним, разговорилась с женщинами. За разговорами проходило время, и некогда было тревожиться по поводу предстоящих изменений в жизни. Наконец, лодка подошла, женщины стали рассаживаться, а молодой учительнице места не хватило. Одна из женщин предложила доставить до Бирилюсс её чемодан - без груза - то проще добираться. И Ксения рискнула. Красть в чемодане, кроме книг, всё равно было нечего. Женщина объяснила, как найти её дом в Бирилюссах, и лодка отчалила от берега. Без чемодана налегке ходить по Большому Улуу было хорошо. Только ходить собственно было некуда. Побродив по берегу, она с ещё одной пожилой попутчицей направились к военкомату, в надежде найти хоть какую-то попутную подводку или ещё какой транспорт. Уже не надеясь уехать, Ксюша стала думать о том, как и где ей искать ночлег, если уехать не удастся. И тут на горизонте замаячила машина. Девушка подняла руку, грузовик остановился. В кузове ехали солдаты. Они подхватили её за руки и подняли вверх. А её грузная попутчица осталась ждать другой транспорт, потому, что сама она влезть на машину не могла. И поднять её ребятам было не под силу.

Всю дорогу солдаты шутили, смеялись, острили - пытались заигрывать с красивой попутчицей и порядком Ксении надоели, но деваться было некуда. Главное, она ехала! Наконец, командир не выдержал и остановил особо рьяных, видя, что девушке заигрывания солдат-кавалеров досаждают. В Бирилюссы приехали вечером. Ксюше хотелось есть, но, ни денег, ни еды у неё не было. Командир предложил сходить с ним в столовую поужинать. Девушка согласилась. А после ужина забеспокоилась, где искать ночлег. Добрый попутчик предложил ей провести ночь у костра на берегу Чулыма, но Ксения отказалась и уже потемну отправилась на поиски своего чемодана. Ночь она провела в отделе народного образования. Сторож пожалел уставшую девчонку и впустил её в РОНО.

Утром её приняли на работу учителем начальных классов в Улановскую школу. Ей выдали аванс, кстати, кассир - молодой парень, но учительница особо взгляда на нём не задержала, озабоченная своими проблемами. Ксения ещё не знала, что встретится с этим человеком при других обстоятельствах и в другое время.

До места работы юная учительница добиралась на попутке, на лошади. Дорога уходила всё дальше и дальше на восток, мимо деревень больших и маленьких. Молоденькая учительница рассматривала всё с интересом. Было немножко страшновато, ведь впервые она уезжала так далеко от родителей.

В Уланове её встретил заведующий школой Василий Гаврилович Смирнов. С первого взгляда заведующий понравился ей, лицо его светилось добротой. Он устроил юную учительницу на квар-

тиру к Гвоздеву Кузьме. Там Ксюшу встретила Антонида — дочь Кузьмы — высокая большегрудая женщина. Покормила она учительницу и уложила спать. Уставшая от долгой дороги на тряской телеге, Ксения быстро уснула.

Утром следующего дня Василий Гаврилович зашёл за молодой учительницей, поинтересовался, не снились ли ей на новом месте женихи. Какие женихи, если после всех путешествий она спала как убитая! До школы, что находилась в центре деревни, они пошли вместе. Ксения с интересом разглядывала деревню, в которой ей предстояло жить и работать. Единственная довольно длинная и широкая деревенская улица весело сбегала с горки на горку. Улица была не только широкой, но ещё и зелёной. Конная неширокая колея проходила посреди улицы, а до домов зеленели лужайки. Дома стояли друг от друга довольно часто, по ложбинкам к речке вели проулки. Расположение на возвышенности расширяло горизонт, создавалось ощущение простора. Ксении это очень понравилось. Деревенские жители, встретив учителей, вежливо здоровались и с интересом разглядывали Ксению. Переговариваясь, учителя дошли до школы, которая находилась в середине деревни, это было недалеко от дома Гвоздевых.

Заведующий провёл попутно маленькую первую экскурсию до школы. Уже потом Ксения изучила все окрестности деревни, где ей предстояло жить.

Так потом и повелось, каждое утро Василий Гаврилович заходил за Ксенией Денисовной, переговариваясь, они шли на работу. Добрый учитель

умел шутить, и вообще был интересным собеседником. Учительница понравилась заведующему, и он мечтал взять её в жёны своему сыну Ване, который работал тоже учителем в соседней деревне. Несколько деревенских школ объединялись в куст. В каждом кусте велась работа по обмену опытом среди учителей. Один раз в четверть собирались все учителя в одной деревне, Хозяева давали открытые уроки, проводили методические чтения, а в конце устраивали нехитрое угощение для всех.

В октябре поехали Василий Гаврилович с Ксенией Денисовной на кустовое совещание в соседнюю деревню Междуречку, где после всех мероприятий, уже сидя за столом, все начали сватать Ксению Денисовну за Смирнова Ивана Васильевича — сына Василия Гавриловича, та приняла это за шутку, и смеясь, согласилась. Пошутив, она и забыла обо всём. А по приезде домой вскоре узнала, что Смирновы собираются к ней в сваты и даже купили в магазине водки. Замуж молоденькая Ксюша не собиралась и сватам отказала.

С того момента, как она отказалась выходить замуж, Василий Гаврилович перестал заходить за ней - обиделся. С тех пор они ходили в школу каждый сам по себе. Ваню же вскоре забрали в армию, попал он на западную границу, а Василия Гавриловича перевели в Красную Елань - за семь километров от Уланова, куда он и перевёз свою семью. На его место прислали молодую девушку Зинаиду Никифоровну Крупскую.

Парней в Уланове — большой деревне - хватало, на дворе стоял 1940 год, и молоденькой учительнице отбою не было от женихов. Но замуж ей пока

не хотелось. Говорят, что для всего нужно созреть и до замужества психологически тоже. Видимо её зрелость ещё не наступила. А может ещё её жених не поспел. В субботу в деревню приходил к родителям Паша Смердов, красивый, невысокого роста парень, работавший учителем в Красной Елани. Это он выдавал первую зарплату Ксюше и ещё тогда положил на неё свой мужской взгляд. Паша ей нравился, только ростом он был чуть поменьше и это смущало. Но парня вскоре забрали в армию на Дальний Восток.

Потом она встречалась с Колей Сугаком, который после окончания танцев провожал её домой. Этот весёлый парень ей нравился. Весной они гуляли вдоль речки, наслаждаясь красотой цветущей природы. Ах, как цвела черёмуха в мае сорок первого года по над речкой Суразовкой и по всей округе!

Как только начались летние каникулы, Ксения уехала в Ачинск в педучилище, она была студенткой заочницей.

Утром 22 июня в восемь часов, когда заочницы в общежитии ещё спали, по радио объявили о начале войны. Все вскочили, загладели, заплакали, засуетились, а потом высыпали на улицу. В тот же день в городе началась мобилизация на фронт.

В ускоренном порядке у студентов принимали экзамены, даже те, по которым ещё не было прочитано лекций. Мужчин — молодых преподавателей забирали на фронт. Так в жизнь ворвалась война...

В 1942 году, возвращаясь после сессии в Уланово, Ксения добиралась до деревни пешком, уставшая, зашла провести своего бывшего коллегу в

Красной Елани, а заодно и отдохнуть. Василий Гаврилович очень обрадовался её визиту, ведь она была из той прошлой довоенной счастливой поры! Хозяин повёл гостью в дом, усадил за стол, а потом заплакал:

- Ваню-то нашего убили на границе, когда Киев бомбили!

Так погиб первый Ксенин жених.

Из Уланова одного за другим парней и молодых мужиков забирали на фронт. Ушёл и второй её жених - Коля Сугак.

Вскоре пришла похоронка и на Колю - весёлого красивого парня, которого любила и Настя Юрпалова.

Деревня пустела. Всё меньше и меньше оставалось мужского населения. Оставшиеся работали за себя и за ушедших на войну. Надо было кормить страну и фронтовиков, приближать победу. Работали все от мала до велика. Учительницы вместе с учениками летом и осенью тоже работали в колхозе. Лишь с наступлением холодов начинались занятия в школе.

Новая учительница — Зинаида Никифоровна, которая стала для Ксении Денисовны не только коллегой, но и подругой на всю жизнь, вскоре заболела тифом. Лечили её в Бирилюсской больнице, куда увезла её Ксения, выпросив в колхозе лошадь. А потом тифом заболела и Ксения Денисовна. Только никуда её не увезли, вызвали из Междуречки фельдшера.

Болтунов осмотрев больную, сказал, что если через две недели она очнётся и попросит есть, то будет жить.

Обеспокоенная хозяйка - Маврунька и её мать ухаживали за больной учительницей. И действительно на четырнадцатый день она сказала: «Мавруня, я есть хочу!». С этого дня Ксения пошла на поправку.

Однажды Зина уговорила Ксюшу сходить на танцы. Ксении не очень хотелось идти, после болезни она выглядела неважно, но всё же поддалась на уговоры подруги. На вечерку собралась не только улановская молодёжь, но и из соседней деревеньки Панково. Среди ребят был и молодой симпатичный офицер. Девчонки объяснили, что это Пашка Панков после ранения находится дома в отпуске. Фронтовик заметил молоденькую учительницу и целый вечер танцевал с ней. Но Ксении самоуверенный парень не понравился, опасаясь его, попросила ребят и девчонок проводить её до дома, когда вечерка закончилась. Её проводили прямо до крылечка. Проводы оказались кстати, потому что Пашка караулил её у мостика. Но к большой толпе Панков не подошёл.

А чем бы его проводы закончились, неизвестно.

На следующий день, когда учительница шла в школу мимо конторы, она увидела, что Панкова арестовали. Оказывается, он после ранения не явился к месту службы. Когда Ксения проходила мимо, он окликнул девушку:

- Сбегу и ты всё равно будешь моей! Никуда ты от меня не денешься.

И он действительно сбежал и стал дезертиром. Вместе с другими дезертирами скрывался в тайге. Милиция ловила дезертиров, но тщетно.

И однажды снова судьба свела учительницу с

дезертиром. Возвращались они с Зинаидой Никифоровной из Бирилюсс после августовской конференции, на дворе стоял 1944 год. Шли, как всегда, пешком, порядком устали, оставалось километра три до дома. Недалеко от деревни Панкова Пашка неожиданно вышел на дорогу из кустов.

- Здравствуй, Ксюша! Ну, что я тебе говорил!? Сказал, что вернусь, вернулся! Никуда ты от меня теперь не денешься.

Ксения от страха потеряла дар речи. Но в очередной раз судьба уберегла её. По дороге от деревни к ним бежала женщина:

- Паша, сынок, в деревне милиция, тебя ищут! Уходи! Уходи скорее!

Панков быстро скрылся в кустах, а у Ксении от страха пропала усталость. Они с Зиной заспешили к своей деревне чуть ли не бегом.

В сентябре наряд милиции из Бирилюсс вновь искал дезертиров в окрестностях деревни Панкова, потом милиционеры съездили в Уланово и отправились назад в районный центр - сделали видимость, что уехали. Сами устроили засаду около дома Калугиных в Панкове, деревне, названной так когда-то Пашкиным отцом. К Калугиной Марии, молодой девушке, живущей без родителей с маленькими братьями и сестрой, Пашка Панков ходил ночевать. Зная это, милиционеры сентябрьской тёмной ночью и сидели в засаде.

Окружив дом, на рассвете, они дали выстрел вверх. Дезертир понял, что через дверь ему не выйти, попытался выбраться на улицу через соломенную крышу.

Как только его голова показалась наружу, про-

звучал ещё выстрел. Жизнь ещё одного жениха Ксении бесславно оборвалась.

Пока продолжалась война, Паша Смердов писал Ксении Денисовне ласковые письма с Дальнего Востока и очень просил дождаться его из армии. Каждому солдату очень нужно, чтобы с войны его ждала любимая. И Паша не был исключением. Ксения ждала, тем более, что женихов в деревне не осталось.

Война войной, а молодость есть молодость, она всегда надеждами живёт. Подошли святки, время гаданий. Как никогда в годы войны в деревне девчонки и бабы гадали, пытаясь узнать про женихов и мужей, ушедших на фронт. Каждой хотелось узнать свою судьбу, заглянуть в будущее хоть одним глазком.

И молодые учительницы отправились вечером к Гвоздевым. Антонида, Ксения и Зина приготовили зеркала и свечи. Установили зеркала напротив друг друга так, чтобы в них виделись коридоры. В стакан с водой опустили кольцо. В полночь Антонида пошла к зеркалам гадать первой, а Зина с Ксенией сидели молча. Во всём доме стояла таинственная тишина и было темно, только в другой комнате в углу мерцали свечи, где в зеркала напряжённо смотрела Антонида.

-Гроб, гроб- закричала вдруг во весь голос Антонида, - я гроб увидела в зеркалах, - и выбежала к испуганным девушкам.

Надо заметить, что до войны выйти замуж Антонида не успела. А потом какие женихи? Когда пришёл с фронта Роман Крапоткин, - сосед - красивый мужик без руки, то у неё с ним начался

роман. Летом кавалер перелезал через прясло и поднимался к молодой соседке на поветь, где та спала. Но лето закончилось, спать пришлось перебраться в дом. Любовь с соседом в холодное время перешла в вялотекущую стадию. Для деревни эта тайна однажды стала известной. Но Антонида было уже на всё наплевать, она любила Романа, и ей хотелось счастья, а ещё хотелось заглянуть в будущее. Заглянула на свою беду! Кое-как учительницы её успокоили. Но самим гадать сразу расхотелось.

Антонида действительно летом умерла. И бабы деревенские болтали, что это Сонька — жена Романа Крапоткина извела соперницу, напустила на неё порчу. Так ли это было, учительницы не знали, они проводили Антониду в последний путь до конца деревни и вернулись к своим школьным делам. Жизнь продолжалась.

Закончилась, наконец, страшная война, и начали возвращаться уцелевшие фронтовики.

Вернулся и Паша Смердов — целый и невредимый. Пока его не было дома, подросли новые девчонки, и среди всех он увидел ту, которая стала ему женой. Родители высватали сыну Смоленцеву Надю. Быстрая, как огонь, ловкая, невысокого роста и очень красивая девчонка нравилась Пашиным родителям. Особенно привлекало, что работающая и своя, колхозница, никуда сына не сманит.

На свадьбы в деревне собиралось много зрителей. Можно было прийти и просто, стоя у порога, смотреть на гуляющих. Ведь свадьба — это красивое зрелище, целый спектакль. Гости и поют, и пляшут, и поплачут, и подерутся. Красивая молоденькая Надя Смоленцева в большом кремовом полушалке

сидела счастливая рядом с Пашей. А у порога среди зрителей стояла грустная Надина учительница — Ксения Денисовна. Надя была очень рада — такого парня отхватила, увела у учительницы!

Ксения Денисовна грустила, вспомнились ласковые Пашины письма с войны, с просьбой дожидаться его. Дождалась! Вроде и не любила она Павлика, а как-то нехорошо на сердце! Тоскливо! И Паша нет — нет, да и бросит тайком взгляд на Ксению. Грустила Ксения Денисовна и не знала, что её жених впереди. Да и жених её тоже ни о чём не догадывался. Они ещё не знали, что никуда им от судьбы не уйти!

Зинаида Никифоровна тоже ждала с фронта своего жениха — земляка — Колю Иванова. В Арефьеве они жили рядом, вместе заканчивали школу. Всю войну писала Зина ему на фронт письма. А потом переписка оборвалась, писем не стало. Шли дни, месяцы, а писем не было. Что и думать, Зина не знала.

Вернулся домой Афоня Юрпалов, как и Паша Смердов, он служил на Дальнем Востоке. Пришёл молодой, красивый, сильный, решительный. Надо сказать, что ко всему прочему был он начитанным и хватким парнем. Как говорят — всё при нём. Юрпаловы жили рядом со школой, и Афоня ещё до войны заметил Зинаиду Никифоровну, запала она ему в душу. Вернувшись из армии, он начал ухаживать за приглянувшейся девушкой. Та сначала его избегала, но Афоня был человеком настырным. Не было таких крепостей, чтобы наши не брали! Это был его жизненный девиз. Пала и крепость по имени Зинаида Никифоровна — согласилась выйти

за него замуж.

Прямо в школе, где жила Зина, в феврале и отгуляли свадьбу.

На следующий день ближе к вечеру, когда все гости разошлись, за свадебным столом остались молодожёны, гармонист и Ксения Денисовна. Сидели, пели песни, разговаривали. В это время кто-то постучал в дверь. Зина пошла открывать и пропала. Ксения решила узнать, почему так долго задерживается подруга и вышла за ней. У порога стояла девочка Саша Сугак.

- Зина, ты где пропала?

- Ксюша, пойдём со мной к Якову Сугаку, - прошептала Зина, - там Коля мой вернулся!

- Ой, а что же мы Афоне скажем!?

- Афоня, нам надо сходить к Якову, решить кое-какие вопросы срочные, произнесла Зина, вернувшись к столу.

- Пусть сам приходит и решает здесь, - забеспокоился, как будто что почувствовал молодой муж.

- Да ладно, сходим с Ксенией, вы пока поговорите, - приговаривала Зина, а сама уже одевалась. Ксения тоже оделась, и втроём они отправились к Сугакам. Там Ксения увидела невысокого красивого офицера. Но не стала на него смотреть, жених - то был Зинин. Подруга ушла со своим кавалером в другую комнату. Разговор предстоял нелёгкий. Коля на крыльях любви летел к любимой, о встрече с которой мечтал всю войну, и в госпитале, где лечился. И буквально час назад в Панкове узнал, что опоздал.

Наверное, он уговаривал Зину уехать, но Ксения их трудного разговора не слушала.

Хозяева усадили её за стол пить чай с мёдом. В кои времена можно было мёдом полакомиться! Ксения наслаждалась душистым с душицей чаем, хозяева тоже не давали ей скучать своими разговорами.

Через некоторое время Николай с Зиной встали и начали одеваться. Поднялась из-за стола и Ксения. Втроём они направились к школе. Там Зина подвела Николая к Афоне:

- Знакомьтесь, это - Коля, а - это Афоня — мой муж!

Афоня растерялся:

- Вернулся, значит! Живой! А мне что же теперь делать — уходить что-ли?!

- Не надо никуда тебе уходить, не переживай, - успокоила его жена.

- Тогда я сбегая за бутылкой, - обрадовался Афанасий и убежал.

Вскоре он явился с бутылкой самогона, а за ним стал стекаться в школу любопытный деревенский народ. Больно уж хотелось всем узнать, как будут развиваться события дальше. Кого же выберет Зина, и какой жених лучше!?

Свадьба продолжалась с новым действующим лицом, зеваки, удовлетворив любопытство, разошлись. Зина начала уговаривать подругу выйти замуж за Николая. Та отмахивалась:

- Что придумала, как можно так сразу. Да и любит он тебя!

- Ксюша, поверь мне, Николай очень хороший парень, я знаю, мы же вместе росли. Ты никогда не пожалеешь, если меня послушаешь! Он офицер, увезёт тебя из деревни, ты красивая, он полюбит

тебя! А я же Афоню люблю. Коля хороший, но мне по росту не подходит, а тебе в самый раз! Соглашайся!

А Афоня уговаривал Николая, словом, шло за столом сватовство.

Ксения засобиралась домой, было уже слишком поздно, а завтра с утра на работу.

- Ксюша, возьми к себе на ночлег Николая, - попросила Зина, - а то мне его и уложить негде.

Ксении ничего делать не оставалось, и они пошли с Николаем к ней домой. К этому времени её родители жили уже в Уланове. Уложив спать Николая на своей постели, она легла спать с матерью и вскоре крепко уснула. Очень беспокойные были дни с Зининой свадьбой!

Следующий день запомнился Ксении до мельчайших подробностей на всю жизнь. С самого утра и до вечера Николай произносил одну фразу:

-Выходи за меня замуж, Ксюша! Выходи!

Ксения отнекивалась, пыталась увести разговор в сторону, но Николай не отставал. Когда они пришли в школу, там к нему присоединились Зина и Афоня. И к концу дня Ксения, которая ни сном, ни духом ещё сутки назад не думала о замужестве, дала согласие. На следующий день они с Николаем поехали в сельский совет в Междуречку расписываться. На дворе стоял февраль, мело так, что свету белого не видно, а они с Колей торопились расписаться. Коля — офицер, ему пора возвращаться в часть. Его отпуск заканчивался, вот почему такая спешка. Но в Междуречке им не повезло. Председателя сельсовета зачем-то вызвали в район. И молодые вернулись назад ни с чем. Но Николай

был решительным человеком:

- Ничего, поедем так, а в Бирилюссах нас распишут!

Назавтра Ксения собрала свои платица, сказала маме с папой и подруге до свидания и отправилась вслед за мужем. Расписали их в Бирилюссах. Ивченко Ксения Денисовна стала Ивановой.

Шёл 1947 год. Ивановы уехали в Хабаровск. Но долго там не задержались. После войны большая армия государству была не нужна, началось сокращение, Колю уволили в запас. Они вернулись в Красноярск, где оба устроились работать учителями. Время было тяжёлое, хлеб давали по карточкам. Да ещё нужно было выстаивать в очередях. Николай на работе, у Ксении маленький ребёнок. Тяжело. Решили уехать в деревню. Уехали в Большемуртинский район. Прожили там всю жизнь. Николай работал заведующим РОНО, потом директором школы.

С Зинаидой Никифоровной Ивановы поддерживали связь всегда, у той личная жизнь не сложилась. С двумя детьми она уехала от Афони в Красноярск. Прожив там год, Зина приехала работать в Большой Кантат. Ксения Денисовна уступила ей свой класс, сама устроилась работать воспитателем. Так и жили они всё время рядом.

Уже пенсионеркой Зинаида Никифоровна уехала в Красноярск, дочь оставила ей свою квартиру. Но каждое лето Зина приезжала к Ивановым. А осенью, нагрузив её всякими овощами, вареньями и соленьями, Николай и Ксения провожали её в Красноярск до следующего лета.

Таким вот получился любовный треугольник. А

в Уланове долго вспоминали, о том, как «Зинаида Никифоровна своего жениха Ксении Денисовне подарила». Только мне почему-то кажется, что именно он был дан Ксении в женихи свыше. От судьбы не уйдёшь — не нами это придумано!

Жизнь прошла. Ушли из жизни Коля, Зина, Афоня. Ксения Денисовна пережила их всех. Бог подарил ей время, чтобы она осмыслила прожитое, подвела итоги, вспомнила всю свою жизнь.

Каждый человек, доживший до глубокой старости, вспоминает что-то своё, многое при этом забывая. Помнится именно то, что было для него самым важным, самым значительным.

Память уводит Ксению Денисовну в годы юности, в Уланову деревню, водит её по единственной широкой и зелёной улице, по тропкам вдоль речки, на горы, под цветущие черёмухи, в маленькую деревянную школу. Там ещё все живы: и папа, и мама, и все её женихи, и, конечно, Коля, Зина и Афоня, там она ещё молодая, и всё ещё у неё впереди!

РАССКАЗЫ БАБЫ НАСТИ

БАБЬЯ ДОЛЯ

Я ждала ребёнка. Стоял май, холодный и сырой. А кругом была уйма всяких неотложных дел, ждущих моих рук. И я спешила всё успеть сделать, чтоб потом со спокойным сердцем заняться ребёнком. Побелила квартиру, навела полный порядок в доме, сложила дрова в поленицу, подмела во дворе. Оставалось ещё много работы, но я почувствовала себя плохо и отложила на время все дела. Когда я пожаловалась на недомогание бабушке Насте, та стала меня ругать: «Доубираешься, перевернётся ребёнок, пойдёт при родах не так, как надо, не родишься потом». И бабушка рассказала историю, которая произошла когда-то в их роду.

«Первая жена нашего дяди Андрея Сима ходила на сносях, но решила перед родами везде порядок навести. Выбелила избу, как и ты вот, а потом ещё выстирала все подстилки, сложила их на тележку и повезла на речку полоскать. А речка ж в нашей деревне Междуречке далеко — два километра до неё! А на улице грязь, холод. Это где-то в конце октября было. Тряпки все самотканые, холщёвые, тяжёлые. Как она их везла, как полоскала — одному Богу известно! Наверное, от тяжести такой ребёнок в животе не один раз перевернулся! Выполоскала она всё, привезла домой. Где-то к седьмому ноября подоспели роды. Принимал их фельдшер Болтунов Трохим Димитрич. Ребёнок шёл не головкой, как положено, а боком, вышла одна ручка и всё, ребёнок застрял. Измаялась и роженица, и доктор, который ничем помочь не мог. Позвали бабу Химу — повитуху (она много за жизнь ро-

дов приняла), Хима хотела повернуть ребёнка, да Болтунов не позволил: «Ты что, старуха, под суд захотела?! Угровишь женщину! Её в больницу надо вести». Дядя, видя, что совсем плохи дела у жены, поехал в Орловку звонить в районную больницу. Телефона тогда ещё в нашей деревне не было. Дозвонился, ему говорят: «Везите свою роженицу в Бирилюссы, вдруг ей операция нужна!» Пока это дядя вернулся из Орловки, да снова по такой хляби довёз жену до Бирилюсс, время немало прошло!

Хоть и тряская была дорога, но и это не помогло бабе разродиться. Ребёнка вытаскивали по кускам, а роженицу всё равно не спасли — изошла кровью. Умирала, говорят, она без сознания, в бреде всё своих ребятишек: Вовку да Галю вспоминала».

Прошло много времени, прежде чем я узнала всю историю жизни Симки. Бабушка Настя рассказала её при следующем удобном случае.

«Отец у Серафимы заполошный какой-то был. Росла у них девчонка, не помню уже сейчас, как её звали, было ей месяцев десять. Обмаралась как-то девочка, а матери — Матрёны дома не было, так ведь он, враг, эту девчонку на улицу выкинул, чтоб не воняла! Отец называется! Он будто сам сразу большой родился и пелёнок ни разу не обмазал, изверг! А ведь на улице холодно было, снег, девчушка ползала по снегу, плакала, пока это Матрёна вернулась, подобрала её, в хату занесла да обмыла. Вот только с той поры неладно стало с ребёнком. Болела эта девочка, и с головой у неё было что-то не в порядке. Сдали они её потом в приют для дурных. Там вскоре она и померла. Матрёна потом родила ещё трёх деток: Клавку, Саньку и Симку. Запо-

лошный Матрёнин мужик мало пожил и от чего-то помер, оставив её вдовой. Была вдова женщиной ещё молодой, здоровой, и женская природа требовала своего — мужик ей был нужен. А кому нужна баба с тремя детьми!? Искать кого-то на стороне в то время стыдно было. Не могла она через совесть свою перешагнуть. Порой так тяжело было, что хоть на улицу выбегай и предлагай себя первому встречному мужику! Но Матрёна Петровна поступала по-другому: выйдет во двор и давай берёзовые чурбаки с одного конца двора на другой перетаскивать. Носит до тех пор, пока устанет. Сядет потом на крылечко, поплачет тихонько и пойдёт домой. Так и возила она на себе эти чурки, укрощая свою плоть. А в деревне смеялись, увидев, как трудится вдова: «Опять Петровна возит брёвна!»

Через некоторое время приняла она в дом инвалида. Да только жизнь Петровны оказалась короткой, видно надорвалась на тяжёлой работе. После её смерти младших детей забрали в Ачинский приют, а старшая дочка уже была замужем.

Симка в приюте года два или три прожила. А потом кто-то из наших деревенских встретил её на базаре и увёз домой, плохо ей в приюте было.

Когда исполнилось ей шестнадцать лет, она вышла замуж за нашего дядю. Он росточком небольшой был, но быстрый, ловкий, хорошо на гармонии, балалайке играл — да хоть на чём. Родила Серафима Вовку и Галю. Жили они с нашим дядей неплохо. Всё у них в хозяйстве ладилось. Симка баба работающая была, в деревне говорили, что она жадная до работы, как и её мать. Да и дядя всё умел делать и работы не боялся.

Кто знает, как бы сложилась у них жизнь дальше, если бы не война! Забрали-то в первую очередь самых молодых мужиков и парней. Вот и дядю Андрея забрали на войну в числе первых.

Ушли мужики на фронт, тоскливо стало в деревне. Всё чаще стали приходить похоронки, и молодые бабы становились вдовами. То в одном конце голосили, то в другом. Слезы за войну бабы реки пролили! Да ещё и на потом осталось.

Время от времени приезжали в колхоз из района всякие уполномоченные. Другой уполномоченный, кроме колхозных дел успевал и какую-нибудь солдатку приласкать. Заглядывались начальники и на Симку. Она красивая была женщина. И Симка не терялась — война войной, а молодость проходит, а любить так хочется! На укорищенные замечания подруг отвечала: «Я не Петровна возить на себе брёвна! Что вы думаете, мужики нам на войне не изменяют!?» А тут ещё привязался к ней Василий — тёткин мужик — тот такой бабник был! Никого не попускал. Вдов в войну много осталось, не одна Симка погуливала. Анна её подруга, вон чуть не родила от какого-то уполномоченного. От ребёночка уже большого избавилась (девочка у неё была), да только потом всю жизнь жалела об этом — детей у неё больше не было. Но её Алёша с ней жизнь прожил и никогда не упрекал!

А у Симы всё было по-другому. Молодая она была, страстная, жила, как умела, а матери не было, чтобы на путь истинный наставить.

Закончилась война, вернулся с фронта дядя наш. Досужие языки донесли, конечно, ему о неверности жены. Он и раньше-то мимо баб не

проходил, а теперь и совсем загулял. Они ж, мужики, с войны как очумелые пришли! Наверное, от радости, что живые остались. Вот и наш дядя с кем только не путался! Была у нас свинарка Нюрка, она ему чуть не в матери годилась, он и её не пропускал. Нюрка нам сама как-то рассказала про их с Андреем дела, нисколько не стесняясь - она к жизни просто относилась. «Ой, бабы, что я вам расскажу! Раздавала я вчера свиньям корм, да решила на поветь (настил из жердей вместо потолка под навесом) за соломой залезть — постлать хотела поросёнкам пока они жрут. А тут Андрей появился. Скоренько так заскочил на поветь ко мне, я выламываться не стала, только это он пристроился, а жерди, зараза, возьми и разойдись, я и приземлилась голой задницей к свиньям в гайно (место, где свиньи спят). Хорошо, что я туда успела соломы скинуть, так ничо, мягко приземлилась. Лежу я это на спине в соломе и смотрю вверх, а меж жердей только Андреев стук торчит, самого не видно. Такой на меня, бабоньки, дурной смех напал!»

Посмеялись мы тогда над Нюркой да и забыли, хватало других забот.

А Андрей, выпив у какой-нибудь вдовушки, задерживался там порой до утра, а то ещё к какой бабе заходил. Нагулявшись, являлся домой, не снимая грязных сапог, заходил в дом и падал на кровать. Станет Серафима снимать ему сапоги, а он ей в морду норовит сапогом заехать. А то вскочит на ноги, и давай её пинать и всё в живот норовит ударить. А та все побои молчком сносила — знала, что заступиться некому. А мужик от этого её терпенья ещё больше злился. Шлялся по вдовам (их

хватало, по всей деревне, почитай одни бабы были). Ладно бы только шлялся, а то Симку уже до того довёл, что она перед самыми родами как-то сказала мне: «Господи! Хоть бы мне не разродиться! Одним бы уже разом отмучилась и всё!» И столько боли и какой-то страшной тоски было в её голосе, что я не знала, что ей сказать, как успокоить. Ну а конец ты знаешь. Рассказывала я тебе. Померла Серафима с родов». Баба Настя замолчала. Взгляд устремился куда-то вдаль. Она заново переживала всю эту драму.

«А потом, продолжала бабушка, - женился дядя на Анисье.

- А с ней-то он хорошо жил?

- Всяко. Да она баба здоровая была, ему сильно не поддавалась. А Симкиной дочери Гале тоже счастья не досталось. Мужик её с уже взрослым сыном на мотоцикле насмерть разбили. Может, на них, на всех проклятие дедово? А может, просто время такое тяжёлое было?»

С этого бабушкиного повествования и появилось у меня желание записать её рассказы о минувшей жизни. Была она мудрой, доброй старушкой и не умела хитрить. Невысокого роста, прихрамывающая на одну ногу, но всегда чистенькая, опрятная бабушка была очень хорошим собеседником. Анастасия Сидоровна знала много песен, пела очень хорошо, вкладывая в песню душу. Она могла найти подход к каждому ребёнку, поэтому все внуки и правнуки очень любили её.

БАБУШКИНО ДЕТСТВО

Началась её жизнь в волостном селе Петровке. Жизнь не баловала её, родилась, видимо, в такое время — в 1914 году, когда уже шла война. Кроме неё в семье было ещё два брата и сестра. Когда покати́лась по России гражданская война, отца Насти выбрали председателем волостного исполкома. Выбирали при красных, а вскоре объявились в Петровке казаки, которые стали наводить в округе свой порядок. Председателя Сидора Жорова, а с ним ещё семнадцать человек казаки порубили пашками. Конь, запряжённый в сани, с мёртвым телом хозяина сам притрусил к дому и остановился у ворот. Мать Насти в то время ходила беременная. С такого горя роды начались раньше срока. Родила она двойняшек, которые долго не задержались на этом свете, но вскоре умерла и сама мать. И остались Сидоровы дети круглыми сиротами.

Настина детская память сохранила один эпизод. Бежала она куда-то мимо поповского дома. Взглянула в окно и увидела, как поповна что-то говорит и стучит ей в стекло. Невдалеке какая-то собака кусала другую собаку. Настя, ничего не поняв, побежала дальше по своим делам. Только потом она узнала, что собака оказалась бешеной и могла покусать её. А молодой парень, только что пришедший из армии, бросился собаке наперерез, этим он спас девчонку, но сам оказался покусанным и вскоре умер.

До десяти лет сирота жила у деда. Потом приехала из другой деревни сестра матери тётя Катя и стала звать её к себе в няньки. Дед отправил внуку

со спокойной душой - отдал не чужим людям, а тётке. Вот с этого времени и Петровка, и дед с бабушкой остались навсегда в прошлом. Вся дальнейшая жизнь Насти протекала уже в Междуречке.

КАК НАСТЯ ЗАМУЖ ВЫХОДИЛА

«До шестнадцати лет жила я у тётки в Междуречке. Работала и за бабу и за мужика, и в поле, и по дому. Бывало, так устану, что кажется уже никакой мочи нет, но никто сироту не пожалеет, не приласкает, наплачусь где-нибудь на сеновале и снова за работу, а куда деваться? Так и росла как трава при дороге - каждый на неё наступит. Вот и меня часто обижали — заступиться-то некому. Ох, как надоела мне такая жизнь! Как хотелось поскорее вырасти и стать самостоятельной!

Делать я умела многое и никакой работы не боялась. Как всякая девчонка мечтала о будущем замужестве. На Святки как-то с девчонками гадали. Приснился мне Санька Сутак — мы росли с ним вместе, порой он обижал меня, порой заступался. Разозлившись, обзывала я его иногда Кесарем (так почему-то в деревне называли белорусов). Так рядом и проходило наше детство. Когда я стала девушкой, он провожал меня домой с вечёрок. Я была маленькой, а Санька высокий красивый парень. Конечно, нравился он мне. Но замуж он меня не звал, молод ещё был.

Весной, когда цвела черёмуха (а было это в 1930 году), пришли ко мне сваты. Жил в нашей деревне тихий такой парень Вася Куватов, сирота, как и я, и по характеру парнишка добрый был.

Нравилась я ему, вот он и пришёл ко мне свататься, надеясь, что уж я-то ему не откажу, он без отца и матери, и я такая же сирота. Сват со сватьей уселись под матицу (бревно под потолком), ведут свои разговоры, тётка на стол собирает, бегаёт взадперёд. Накрыла стол, усадила всех, и меня к столу пригласили.

Сваты расхваливают жениха, тётка с дядькой меня уговаривают. А что толку с этих уговоров, если я про другого парня думаю. Нам ведь в молодости красивых да бойких надо ребят! Это уж потом ум к девке приходит, когда горя хлебнёт. Кто знает, как бы дальше дело пошло, может, и вышла бы я за Куватова, может быть, и уговорили бы меня - надоело ведь мне у тётки батрачить. Но в это время появился за окном Сугак. Кто-то сказал ему, что меня сватать пошли, и хотя жениться он не собирался ещё, но и меня терять не захотел - нравилась я ему. Вот Санька сунул голову в открытое окно и говорит: «Настя, выйди на улицу — поговорить надо!» А я ему: «Хочешь поговорить, заходи в хату!» Забежал он в дом, посмотрел на сватов, на жениха, потом на меня и вылепил:

«Настя, не ходи за Ваську замуж, иди за меня!» Я была девчонкой небольшой, но шустрой - нырнула под стол, вылезла с другой стороны и пошла за Санькой. Дядька в сердцах только и успел сказать: «С кем ты, Настя, связалась, он тебе голову оторвёт и в заднее место заторкнет!» А что дальше говорил дядя Терентий, я уже не слышала. За своим Сугаком я могла идти хоть на край света!

Сугаки жили большой семьёй, дом маленький, тесно. Но на улице был май, тепло, и мы с Санькой

до самой осени ночевали на сеновале, а потом перебрались в дом. Так мы и стали жить с «Кесарем»: ему было семнадцать, а мне шестнадцать лет. Потом свёкор нас отделил, дал нам тёлочку маленькую и всё. Время было голодное, что хочешь, то и делай. У нас уже дочка Василина росла. Ой, вспомнить страшно, как жили. На Пасху просыпаемся, вставать не хочется, дело было в 1933 году. Праздник, а у нас даже крошки хлеба нет. Хорошо свёкор пришёл и принёс краюху хлеба. Но Санька хоть и молодой был, нашёл выход и подался на Лену золото мыть. Приехал с приисков, дом купил, мне пальто, швейную машинку и соли бочку. Так мы с ним заживались. А как в войну нам с дочками соль пригодилась!

Большую мы с ним жизнь прожили, всякое было. Три войны мой Александр прошёл, но живой вернулся. Вот и до старости дожили!

ФЕРШАЛ

Фершалом у нас работал Болтунов Трохим Димитрич. Я ещё небольшая была, когда он к нам работать приехал. Жена его Харитина Александровна родила ему двух дочек. Сама она нигде не работала, а в доме ещё и прислугу держали. Харитина баба молодая была красивая, повеселиться любила. А Трохима Димитрича часто дома не бывало. Он ведь по всей округе людей лечил, роды принимал, а рожали тогда бабы помногу — не то, что сейчас. Хватало тогда фершалу работы. Пока это довезут его на коне до роженицы, пока роды примет. Бывало, что в одно время в разных деревнях одновременно бабам рожать приспичит. Вот

и мотался он днями без выходных и праздников по деревням.

В те годы ходили по деревням пимокаты, портные, сапожники — делали свою работу прямо на дому у заказчика. Так вот и появился в Междуречке сапожник из деревни Петровки. Приехал он в Междуречку вместе с женой. Время было зимнее, работы сапожнику в деревне хватало. Закончит мастер работу у одних, глядь уже в другую семью зовут. В праздничные дни ходили они с женой по гостям. Был сапожник красив и молод. Пока шил сапоги у Болтуновых, завязалась у них с Харитиной симпатия, да такая, что жить друг без друга не могут! Выполнив работу у Болтуновых, сапожник перешёл в другой дом, фершалиха забегала туда. Болтунов пропадает целыми днями на работе, а сапожникова жена рядом, мешает влюблённым. Вот мужик взял да и отправил её назад в Петровку — к родителям. Теперь никто не мешал им встречаться. Но от людей ведь на деревне не спрячешься — всё заметят. И не было в Междуречке дома, где бы ни говорили про эту сумасшедшую любовь. Тайные встречи уже не приносили влюблённым радости, хотелось большего. Однажды праздничным вечером была у кого-то гулянка, где присутствовал и сапожник. Не помню уже кто, осмелев от выпитого, а может, просто в шутку предложил сходить к фершалу в сваты, посватать его жену Харитину за сапожника. Предложение поддержали, и всей весёлой гурьбой отправились к Трохиму Димитричу. Пришли, поставили на стол бутылку самогонки, закуску, обсказали хозяину суть дела. Тот внимательно всё выслушал и отдал жену замуж! Сватовство запили, как поло-

жено, и Харитина ушла жить к своему любимому. Дети, правда, остались с отцом, за ними ж прислуга доглядывала. Стала фершалиха сапожничихой, счастливая была, про всё забыла! А в деревне только и разговору было, что про сапожниково сватовство.

Пожили молодожёны некоторое время в Междуречке, потом или на Рождество, или, ещё на какой праздник поехали они в Петровку в гости к сапожниковым родителям. Что там было, неизвестно, но только вернулась Харитина Александровна назад одна. А как жить? Стала она проситься назад к Болтунову, в ногах валялась, прощенья просила, но он её не взял. Не простил предательства!

Через некоторое время приехал сапожник опять с новой женой. Харитина с ума сходила — не знала, что ей делать. Она и травиться пробовала, чтоб фершал её выхаживал, надеялась, что пожалеет, но и это не помогло. Не простил Трохим Димитрич ей измены! Харитина стала много пить и однажды умерла пьяная на какой-то гулянке.

А Болтунов жил пока со своей прислугой. Прислуге хотелось стать женой фершала, она и рассчитывала на это и была очень довольна, когда узнала, что забеременела от хозяина. Но Болтунов рассчитывал найти для жизни более достойную женщину, он написал письмо на свою родину, где и нашёл себе будущую супругу. Прислуге сделал аборт, освободил её от бремени, а чтобы молчала, дал ей мешок муки, время-то было голодное. Вскоре и новая жена к нему приехала. Прислуга со злости решила отомстить фершалу и донесла на него (раньше ж нельзя было аборты делать). Не успели молодожёны привыкнуть друг к другу, как

Болтунова арестовали и посадили в тюрьму, новая жена — Антонида Назаровна осталась с его детьми. Своих детей у неё не было. Вот и привыкла к девочкам Трохима Димитрича. Доглядала.

А фершал отсидел в тюрьме 2 года. Антонида Назаровна девочнок не бросила, заменила им мать. Доглядывала как надо.

Когда вернулся из тюрьмы Трохим Димитрич, всё в доме у него было в порядке. И жизнь пошла по привычному руслу.

Года через два после возвращения фершала из тюрьмы, в Междуречку вновь приехал работать тот самый сапожник. Опять с ним рядом была очередная жена. Болтунов взял и завёл роман с новой сапожничихой! Хотелось, наверное, ему сделать больно сапожнику за порушенную семейную жизнь.

Конечно, от этого страдала Антонида, переживала, плакала, ведь она была уже не молодой женщиной. Она ушла от Болтунова, но тот уговорил её вернуться. Объяснил свой поступок простой мезтью. Так и прожил наш фершал всю остальную жизнь с Антонидой Назаровной. Жену он уважал, называл её ласково Тосей или по имени отчеству. Своих детей у неё не было, и всю материнскую любовь она отдала детям Трохима Димитрича.»

ДРУЗЬЯ-ПРИЯТЕЛИ

В Ачинске скоропостижно скончался бывший знаменитый пчеловод. В округе все его знали. Обласканный властью, жил он по тем временам хорошо. Но относились к нему по — разному: кто-

то завидовал, кто-то ненавидел, кто-то старался подражать. Поэтому равнодушных к его смерти людей не было, все обсуждали кончину этого человека. Прошёл слух, что пчеловод встретил на автобусной остановке земляка, которого когда-то посадили в тюрьму по его доносу. Что бывший зэк что-то сказал пчеловоду, и бывший орденосеиц вернулся домой расстроенный. С этого и хватил его удар, от которого он и скончался. Так ли всё было, выяснить сегодня невозможно. Может, это просто человеческая мечта о неизбежности наказания за содеянное зло породила такой слух. А может быть, так всё и было на самом деле.

Я при случае поинтересовалась у бабушки, что послужило поводом для этих слухов. Баба Настя рассказала мне такую историю.

«Пчеловод наш всегда в активистах ходил. Первый колхоз он возглавлял. Но потом этот колхоз распался, и он оказался не у власти. А любил он всякому начальству угождать, хоть и жадный был. И так это у него хорошо получалось! Особенно когда на пасеке стал работать. Он дружбу только с нужными людьми водил. Вот и продавец наш — Санька Клешнин таким другом ему стал. Продавец тоже нужный человек, мало ли чего когда понадобится.

Санька ж был весёлым и добрым человеком. Поговоришь с таким, и на душе легко становится. Поэтому в магазине всегда толпился народ: кто за покупками, а кто просто приходил постоять, послушать. В наш ведь магазин ходили люди и из других деревень, яйца, масло, шерсть в план сдавали. Когда началась война, и немцы дошли до Москвы, Клешнину показалось, что приходит конец совет-

ской власти. Новая власть ему не нравилась за то, что не давала развернуться настоящим хозяевам. А он ещё маленьким мечтал быть лавочником. Этой мечтой и жил. Санька и продавцом стал работать поэтому. Но одно дело работать на государство, а другое — быть хозяином!

Уверовав в скорую перемену власти, Санька стал готовиться к осуществлению своей мечты: потихоньку припрятывал в лесу в укромном месте то ящик с гвоздями, то с какими-нибудь скобами, то кусок ситца. Так и жил до поры до времени.

Как-то летним вечером засиделись приятели далеко за полночь. Вкусив изрядно крепкой медовухи, Клешнин потерял всякую осторожность и проболтался «другу» о своей заветной мечте. Высказал предположение, что ждать перемен осталось недолго. Вот возьмут немцы Москву, и конец советской власти. Пчеловод хоть и был изрядно пьяный, а сообразил, чем эта мечта пахнет, и через некоторое время сообщил, куда надо о затаившемся враге.

Приехали из района и арестовали продавца. Произвели обыск дома и в лесном тайнике, но многих товаров в лесу не нашли. Говорили потом, что углядела этот тайник Дуня Суравешкина и повытаскивала всё, что ей понравилось. У Клешнина описали всё хозяйство, а его заперли пока в сарае. Жена сделала ему крошки поесть, но вместо кваса налила бражки: толи специально, толи с расстройства перепутала с квасом, попросила разрешения покормить мужика.

Видимо хмель прибавил арестанту смелости, и он сбежал. Долго скрывался в лесу. Его искали, но не нашли, летом же легко спрятаться. Водили мили-

ционеры с собой его жену и заставляли её кричать и звать мужика. Но так и не поймали и отступились. А потом наступила зима, и беглецу из леса пришлось выйти. А идти куда? Пришёл домой, стал жить в подполье. Сидел там и при лампе шил шапки.

А «друг» был человеком хитрым и понял, что некуда, кроме дома, Саньке податься. Вот пришёл он к бывшему приятелю в дом и говорит его жене: «Говорят в деревне, что мужик твой в подполье скрывается, - после этих слов открыл западню и заглянул вниз, - нет, оказывается, зря такое говорят». Закрыл подполье и ушёл. И опять сообщил в милицию.

Арестовали Клешнина во второй раз, теперь уже надолго. А жену арестованного даже в колхоз не брали. Куда бедной бабе податься? Ни работы, ни хозяйства, как и чем жить! И что ж ты думаешь?! Пчеловод оказал ей милость - предложил пойти в прислуги к своей дочке. Та тогда с мужиком в Красноярске жила, врачом работала. Бедная баба согласилась. Так и жила она в прислугах, выполняя всю работу по дому. Но её даже за человека не считали. Так и жила униженная, деться то некуда было!

Только после войны уехала она от них в Ачинск и устроилась куда-то на работу.

Закончилась война. Вернулись с фронта мужики, которые уцелели, а Клешнин из тюрьмы так и не пришёл, срок уж больно большой ему дали.

Под старость лет уехал наш знаменитый пчеловод жить в Ачинск. Ну а дальше видишь, как случилось. А правду ли люди говорят про причину его смерти, не знаю. Люди и соврут так не дорого возьмут».

ВСТРЕЧА НА ОХОТЕ

Закончилась война. Вернулись домой уцелевшие мужики: израненные, больные, уставшие. А дома - обветшавшее за войну хозяйство, уставшие от непосильной работы бабы и рано повзрослевшие дети, да работы непочатый край в колхозе и дома, отдохнуть некогда. И всё время ночами снится проклятая война.

По-разному мужики выходили из войны: порой напивались до забытья, иногда, если было время, уходили в тайгу на охоту или на рыбалку. Там в таёжной глуши наедине с природой успокаивается нервная система, отходит от суеты. На время забудется война. Отдохнёт немного, отойдёт душой бывший фронтовик на природе, да и домой рыбы или мяса принесёт. Всё прибавка к столу. Время — то после войны голодное было.

Вот и Александр Сутак после всех колхозных и домашних крестьянских дел решил отдохнуть и в октябре по голу, по чернотропу отправился поохотиться на белку. Белка уже стала выходная. На охоту он ходил всегда с двумя собаками. Так было надёжнее.

Места были знакомые ему с детства. Ещё парнем бегал с ружьём по этим распадкам. На его охотничьем счету были и соболи, и медведи, и сохатые. Силой Бог Александра не обидел, могучий он был мужик, да и с войны пришёл с небольшим ранением. А был Александр и на финской войне, и с немцами воевал, и с японцами. Шесть лет дома не был! Как тут душе не зачерстветь в кровавом месиве!?

Год выдался урожайным на кедровые шишки, и белок было много. На охоту он, как всегда, отправился с двумя собаками. Рассчитывал пробыть в тайге дня два или три.

День для охоты выдался как никогда удачный. Собаки хорошо на белку шли. За охотой Александр Кириллович и не заметил, как день подошёл к концу. Солнце-то в октябре уже рано садится. Стал он думать, где устроиться на ночлег. Спустился с горы и там, в распадке под деревом разложил костёр. Повесил над ним котелок с водой, обшкурил и положил в него несколько беличьих окорочков, бросил собакам головы. Притащил несколько колодин, сложил их колодцем немного под углом недалеко от костра. Этот костёр будет гореть потом всю ночь. Управившись, охотник поел, бросил собакам кости, те довольные занялись едой. Когда костёр прогорел, сдвинул угли под намошенный колодник, на горячую землю набросал пихтовых лапок. Управившись, прилёг на лапник, спиной, как всегда, прислонился к большому дереву, рядом с собой ружьё положил. Собаки чуть подальше улеглись. С наступлением темноты всё в природе затихало. Стояла тихая безветренная погода. Александр смотрел на горящий костёр и неспешно думал о завтрашнем дне: как и куда пойти, где больше белок может быть. Ноги ныли от усталости, и охотник старался положить их поудобнее. Ближе к ночи он встал, подбросил в костёр ещё колодину, чтоб до утра не погас, и снова к ели прислонился, но глаз ещё не закрыл. И вдруг слышит Александр Кириллович, как что-то затрещало в кустах. Охотник насторожился, ружьё в руки взял - вдруг зверь

какой. В свете костра увидел, как выходит из кустов его друг Михаил с собакой, в руке свою неизменную трубку держит. Подошёл, поздоровался, встал напротив у костра и спросил: «Ну, как охота, Александр?»

«Да, нормально, белки нынче много», - отвечает охотник, а у самого волосы на голове дыбом — Миши ж живого нет, ещё в феврале схоронили! Александр потёр глаза — может мерещится ему - нет, точно стоит Михаил! А друг неторопливо достал из костра уголёк, раскурил трубку, затянулся. Смотрит Александр на своих собак, а они лежат себе спокойно, как ни в чём не бывало, и даже не смотрят на пришедшего. Пнул Сугак тихонько одну, чтоб хоть твякнула, а она и ухом не ведёт. Да и вторая собака спокойно лежит, даже и не думает зарычать на чужую собаку. Что за чертовщина?!

Гость же выкурил трубку, тщательно вытряс её: «Ну ладно, Александр, пойду я, пора мне уже, будь здоров». Повернулся и пошёл неторопливо прочь от костра вместе со своей собакой.

А собаки Александра, как лежали, так и остались лежать. Даже головы не повернули. Охотнику спать совсем расхотелось. Не по себе как-то стало. Ладно бы спал, подумал бы, что приснилось, или бы пьяный был - примерещилось. А то ж ведь точно не спал и не думал про умершего Мишу! Откуда ж он взялся!? Но если он видел Мишу, то почему собаки его не облаяли?

На войне на многое Александр Кириллович насмотрелся, всякое бывало. Но тут что-то уж больно нехорошо ему стало, а до утра ещё далеко. Сон как рукой сняло. Поднялся бывший солдат, надел

рюкзак, взял ружьё и отправился по ночи домой. Охотиться ему совсем расхотелось.

На вопрос жены, почему так быстро вернулся, буркнул что-то, но потом не выдержал, рассказал. Но попросил её никому ничего не рассказывать. Не то мужики узнают - засмеют. А сам долго потом всё пытался разобраться, что же это такое было на охоте? Что за наваждение? Но так до конца жизни и не понял.

ПТИЧКУ ЖАЛКО

Каждое лето числа с первого июля в колхозе начиналась заготовка травы на силос (консервирование травы). Собиралась бригада из женщин молодых и старых, нескольких мужиков и подростков: мальчишек и девчонок. Молодые женщины вручную скашивали травы на маленьких лесных полянках, у краёв засеянных полей, где не пройдёт конная косилка, - словом везде, где самая неудобь, где в изобилии растёт борщевик и другие крупнолистные растения. Часов в девять утра женщины с косами начинали свою работу. Косили неторопливо, двигаясь, друг за другом. За косарями шли пожилые женщины с граблями и сгребали скошенную траву в кучки, которые потом грузили в тракторную тележку или кузов грузовика мужики и парни, а девчонки подгребали — собирали граблями оставленную после погрузки траву. Затем груз везли и сваливали в яму или глубокую траншею. Когда травы набиралось много, небольшой гусеничный трактор её мят и плотно утрамбовывал, пока не начинал выделяться сок растений. Заполненную

яму закапывали, сверху по краям ставили высокие палки - метки. В марте, когда коровам особенно требовались витамины, яму по меткам находили, раскапывали снег, вскрывали и возили силос возами на ферму. Густой специфический запах тогда стоял по всей деревенской улице.

Заготовка силоса была любимой работой деревенских подростков. Начиналась самая жаркая пора. Скошенные травы источали множество разнообразных приятных запахов, которые нельзя сравнить даже с самыми лучшими духами. От прокосов исходила прохлада, особенно приятная в июльский зной. Грузить зелёную траву было тоже приятно — ничего пыльного и колючего не сыпалось за воротник, как это бывает на сеноуборке. А потом поспевала вкусная ароматная земляника, которой можно было полакомиться в обеденный перерыв. Работали весело. Часто во время отдыха шофёр предлагал молодёжи съездить на речку искупаться. С шутками и смехом все умещались в кузове грузовика. Полевой дороге приятно было ехать в машине, обдуваемой ветерком. До речки ещё успевали спеть несколько песен. Машина останавливалась на берегу, мальчишки и девчонки бежали к воде. Чаще всего в воду кого-нибудь сбрасывали прямо в одежду и обуви. Обычно страдали от этого девчата. Но эти страдания нравились всем.

В воде начиналась весёлая кутерьма, звучал звонкий задорный молодой смех. От плескавшихся в воде мальчишек и девчонок поднимались волны, маленькая речка выходила из своих берегов.

Накупавшись до дрожи (вода в таёжных речках и в июле холодная), все усаживались в машину и

ехали снова на работу. После купания переносить июльский зной было даже приятно

Конечно, надоедали слепни, комары, пауты, но от них спасались, надевая широкую плотную одежду. В обед разводили дымокур — костёр, в который подбрасывали траву, сырые ветки, чтобы было больше дыма. Это тоже спасало от гнуса.

Заготовка силоса не изматывала людей, ведь можно было работать и в сырую погоду, поэтому здесь чаще шутили и смеялись. Всегда находился какой —нибудь шутник, который вносил разнообразие в рабочие будни. А за весёлым смехом и работается лучше, и труд не в тягость. Подшучивали чаще всего, конечно, над молодыми.

Но шутки бывали разными. Всё зависело от человека, от его состояния души. Порой шутка оказывалась доброй, и от неё было хорошо всем, порой злой, после которой веселился лишь шутник, а всем остальным было за него стыдно.

Петя Яковлев — тридцатипятилетний мужик - был человеком несчастливым. Его сын родился безнадёжно больным. Сдать его в дом инвалидов было жалко. Подросткового парня держали в клетке за печкой из-за его буйства. В этой клетке он рос и вырос. Его ровесники уже гуляли с девушками, а бедный парень даже не видел улицы. Была у Яковлевых ещё и дочка — здоровая красивая девчонка. Но семейное горе растянулось на долгие годы, и Петя завидовал всем, у кого росли нормальные дети. По причине этой зависти он не любил мальчишек. Особенно выводил его из себя сообразительный парнишка, Генка Лешкевич, по кличке Стальмак. Был этот парень невысокого

роста, с большими красивыми глазами и больным сердцем. Родители Генки были пьющими людьми, но парень — то рос нормальным! Парнишка рано стал самостоятельным в пьющей семье, умел найти выход из любой ситуации, отличался сообразительностью и недетской хитростью.

За эти качества Петя его и не переносил, и строил ему незаметно всякие козни. Но и парень, чувствуя Петину неприязнь, был с ним всегда начеку.

Однажды во время обеденного перерыва сходил Яковлев в лесок по большой нужде. И пришла ему в голову шальная мысль, как подшутить над противным мальчишкой. Сорвал мужик несколько больших листьев, прикрыл ими своё дерьмо, а потом, сняв с головы новую кепку восьмиклинку, аккуратно положил её для маскировки сверху и пошёл к костру.

Быстрыми шагами Яковлев приблизился к сидящим в сторонке мальчишкам и возбуждённо произнёс: «Пацаны, я сейчас такую красивую птичку в кустах поймал, в жизни никогда такой не встречал! Даже не знаю, как она называется. Сама жёлтенькая такая, а хвостик зеленоватый! Крылышко у неё пораненное оказалось, вот и попалась птичка, пойдёмте, покажу!»

Мальчишки подскочили, загладели и поспешили за позвавшим их мужиком. Интересно же посмотреть на диковинную птичку! Ведёт Петя их до своей кепки и приговаривает: «Вы смотрите только осторожно, не то упустите. А то, знаете, вы лучше и не лезьте все, пусть Генка её берёт, он самый ловкий. Иди, парень, у тебя получится! Только ты осторожно руку под кепку просовывай и бери, но смотри, не выпусти».

Мальчишки остановились и замерли в ожидании невиданной птички.

А Стальмак, взглянув на замершего в ожидании Петю, заподозрив что-то неладное, подбежал к кепке, занёс над ней ногу, резко опустил и покрутил ногой по кепке в одну и другую сторону. Все опешили. А у Пети от злости чуть глаза из орбит не вылезли.

-Ты что, - взревел мужик, - сдурел?

-Птичку жалко, чего ей бедной с больным крылышком маяться, - ответил парнишка и быстро зашагал прочь.

Опешивший мужик не знал, что ему делать. Сначала он кинулся за ненавистным парнем, но тот уже прибавил скорости. Потом Петя вспомнил о своей новой кепке. Вернулся, вывернул её на изнанку, стал вытирать о траву. Но это мало помогало, все швы кепки, состоящей из восьми клиньев, оказались измазанными в дерьме. И простым вытиранием очистить её было невозможно. Пришлось Пете спуститься с кепкой к ручью.

Обеденный перерыв давно закончился, все принялись за работу. А шутник то полоскал свою кепку в ручье, то понюхав, тёр её глиной и снова опускал в воду и материл на чём свет стоит вредного парнишку.

ПАСХАЛЬНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Оптимист

Пасха — праздник светлый, солнечный. Закончивается длинная зима. Весна вступает в свои права. Вся природа возрождается к жизни. Солнце светит так ярко, что даже в самые трудные времена появля-

ется надежда на лучшую жизнь. Перед праздником соблюдается длинный пост. Готовятся в деревне к празднику долго. Моют, белят, стирают, прибирают в доме, вытряхивая накопившуюся за зиму всю пыль и грязь. Матери шьют обновки детям. За зиму вырастают ребятишки из старой одежды. Весной можно себя показать во всей красе в новом платье или рубаше. Тридцатые годы прошлого века были голодными, жили в деревнях очень бедно. Ждали праздника взрослые и дети, как из печи пирога, считали дни, мечтали, как проведут праздник.

Собрались как-то мальчишки, уселись как воробы, на брёвнышке и, предвкушая праздник, разговаривают.

Один произносит мечтательно: «Мамка сказала, что мне новую рубашу сошьёт, синюю». Другой парнишка хвастает, что ему уже сшили новые штаны и рубашу, а третьему нечем хвалиться, семья еле — еле концы сводит. Но отставать не хочется, и он произносит с гордостью: «А меня подстригут!»

Спорщик

Трудно жили в тридцатые годы в таёжном краю. Хорошо, ещё кормились от тайги да от реки. Когда пришёл праздник, в голову Емельяну пришла шальная идея поспорить с мужиками, что сможет он за раз съесть двадцать яиц. Подвыпившие мужики заспорили, что не сможет он этого сделать. Емельян заставил мать чистить яички, а сам ел их с хлебом. Съел большую буханку хлеба и двадцать яиц. Выиграл спор!

В другой раз на Пасху заспорил, что по силе он сильнее коня. На трезвую голову не было бы этого

спора, а на пьяную ума ж не бывает. Привели чью-то кобылу, привязали к ней верёвку, другой конец верёвки Емельян привязал себе за пояс, встал в дверной проём и упёрся руками в косяки.

Кобылу стали подгонять, она напряглась, но не сдвинула мужика с места.

Вошедший в раж Емельян предложил привести жеребца. Привели. Как не упирался спорщик, но не устоял. После этой Пасхи слёг Гвоздев Емельян и больше не поднялся. Через некоторое время закончил свой земной путь.

Ожидание

Витька с Ванькой накануне Пасхи пришли к деду. Бабушка растопила печку — собирается красить яички, стряпать пироги. Мальчишки считают, сколько яичек завтра они соберут по всей родне, когда с утра побегут из края в край по деревне. Они так же понимают, что сегодня их ничем бабушка с дедом не угостят, ведь праздник только завтра.

-Вань, побежали домой, - произносит вдруг старший брат, - ляжем спать, как придём, чтоб скорее завтра наступило!

-Пойдём, соглашается Ванька, и мальчишки уносятся домой.

Раздражение

Накануне Пасхи в полночь в деревне всегда стреляли. Но в эту военную весну было тихо. А в праздник стали выдавать колхозникам лён. За деревней из склада грузили лён на единственную кобылу Кузьмы Гвоздева. Вдруг где-то недалеко

прогремело два выстрела, и кобыла чуть не сбила Кузьму с ног. Кузьма разозлился: «Чтоб тебя требухой по кишкам так лопало, как ты стреляешь. Ночью надо было стрелять, стрелок хренов!» Нагрузив воз, мужик направил лошадь к деревне.

Гадание

После войны люди жили очень бедно, особенно в тех краях, где прошла война. Поэтому в сибирских таёжных деревнях часты были цыгане, появлявшиеся уже в марте. Мужчины подражались в колхоз по кузнечному делу, а женщины промышляли попрошайничеством да гаданием, посещая каждый двор. Однажды появилась цыганка и в доме Васильевых. Был субботний день, и хозяйка Марья собиралась в баню. Она пригласила с собой нежданную гостью. Та с удовольствием приняла приглашение. В бане женщины разговорились, по возрасту они были почти ровесницы. Мылись долго: парились, отдыхали. После водных процедур хозяйка напоила гостью молоком и дала ей с собой вязанку сена. Благодарная цыганка погадала ей на прощанье. Говорила много, а в конце добавила, что умрёт Марья на Пасху. Считается, что на Пасху умирают только очень хорошие люди. Сразу после смерти они попадают в рай. Марья не поняла цыганкиной благодарности, и перед каждой Пасхой у неё пропадало настроение, порой она заболела, ложилась на кровать и ждала смерти. Проходил праздник, болезнь заканчивалась, и женщина жила спокойно год. Потом всё повторялось.

А умерла Марья Васильева лет через двадцать после того гадания перед Новым годом.

Любимое платье

Надька с Галькой в этот год ждали Пасху особенно. Мама смогла заработать денег и купила ситчику девочкам на платья. Девчонки примеряли по очереди синий в белый горошек лоскут перед маленьким зеркалом и мечтали, как пройдут они важно в новых платьях по деревне.

Мечтали, что мама сошьёт платье с карманами и оборочками.

Маме же пока некогда было заниматься шитьём, она целыми днями пропадала на колхозной работе. Приходила поздно вечером, уставшая, хваталась за домашние дела.

Девчонки, как могли, помогали матери. Да только ещё малы были помощницы, силёнок маловато. Закончив дела, каждый день вертелись перед зеркалом по очереди, примеряя и так, и сяк голубой ситчик. Устав (а уставали быстро, так как досыта никогда не ели), девчонки прятали отрез под матрас. Других мест, для хранения ценной вещи не было.

Однажды в доме появилась смуглая незнакомая женщина. Надя узнала в ней цыганку. Цыгане всю войну жили табором около их деревни. Женщина поздоровалась, огляделась по сторонам и попросила: «Девочки, ваша мать просила принести ей мешки».

Старшая Надя вытаращила удивлённо свои большие глаза: «Какие мешки? У нас никаких мешков нет!»

Незнакомка уточнила; «Да ваша мать говорила, что мешки на чердаке хранятся. Надо по-быстрому

достать». Она говорила очень уверенно, и девчонки ей поверили.

Они полезли на чердак, оставив незнакомку в доме. Лестницы не было, и лезть приходилось по углу. Никаких мешков они на чердаке не нашли, спустились, а незнакомки и след простыл. Надя с Галей вскоре про неё забыли, занявшись своими делами. Потом девчонки решили снова примерить свой отрез на платья. Завернули матрас, а там ничего нет! Вечером вернулась с работы мама, а Надька ей со слезами: «Мама, ты зачем к нам цыганку за мешками посылала!?»

«Какую цыганку, никого я к вам не посылала!» - удивилась мать. «Как не посылала, она же говорила, что ты её за мешками отправила!», - плакала Надька.

Узнав о пропаже, мать в сердцах всыпала обеим дочкам. Те ревели не столько от боли, сколько от обиды. Не будет теперь у них новых платьев на праздник! А они так мечтали об обновках!

Видя безутешное горе дочек, мать тоже присоединилась к ним, и теперь они уже ревели втроём.

Пройдёт много - много лет, вырастут девчонки большими. Каких только нарядов не переносят Надежда с Галиной за свою жизнь! Но желаннее синего платья в белый горошек никогда у них ничего не было.

ДЕЗЕРТИРЫ

Великая Отечественная война 1941-1945 годов имела множество трагических страниц. Война — это всегда горе. Но ведь не зря в народе говорят, что на миру и смерть красна. Не каждый сразу понимает эту истину, и тогда трагедия растягивается на годы, а то и на всю жизнь.

Жили себе не тужили в разных деревнях Причулымья молодые мужчины и парни, даже, возможно, и не зная о существовании друг друга. Война свела их, но не на ратном поле, а в лесу. Народ дал этому название — дезертирство.

Сбежать от войны, попытаться переждать её в лесу — такое решение к каждому из них пришло самостоятельно. Но выжить в тайге одному невозможно. Вот и встретились в лесной глухомани Лейко из Красной Елани, Киселевич из Троицка, Панков из Панкова да Козлов из Петровки. Конечно, время от времени по ночам выходили дезертиры из тайги, крались в свои деревни, чтобы помыться в бане, взять еды и переодеться. Базировались они в самой глухомани на стыке Большееулуйского и Бирилюсского районов. В начале войны дезертиров было несколько десятков. Но после того, как была объявлена амнистия, почти все вышли из леса и ушли на фронт. А вот эти четверо скрывались, что называется, до последнего. Тимофей Киселевич, имея жену и двух детей, даже завёл новую семью в тайге. Его новой женой стала двоюродная сестра Лейко Анна, которая сбежала из фабрично-заводского училища. Павел Панков не был женат, но имел душевное расположение к

Марии Калугиной из родной деревни Панково и частенько навещался к ней.

С первых месяцев войны милиционеры пытались поймать дезертиров, но это им никак не удавалось. Тайга для беглецов была родным домом. А свои люди имелись у каждого, они и предупреждали, что беглецов ждёт засада. В окрестных деревнях бабы и ребятишки боялись по ночам лишний раз на улицу выйти. Ночью порой у кого поросёнка зарежут, то зерно унесут, то ещё что. Весь грех списывали на дезертиров, а там, может, и ещё кто под эту марку орудовал.

Страдали от подобных набегов деревни Троицк и Черемшанка, Беловка и Шарыповка, да и другие деревни тоже. Грабили в деревнях порой и магазины.

Однажды осенью, когда дезертиры пришли на колхозное поле за зерном, их ждала засада. Но и на этот раз им удалось уйти. Правда, не всем, Козлова застрелили. А место, где это случилось, прозвали потом в Шарыповке бандитским точком (точок — место, где прямо в поле лежало в куче зерно до тех пор, пока не появлялась возможность его вывезти).

Дезертиров боялись, но и сами они опасались буквально всего. Да и жизнь в тайге была тяжёлой, особенно в зимние холода. Лейко Иван простудился и заболел. Когда объявили дезертирам амнистию, он вышел из леса и сразу попал в больницу, где вскоре и умер от воспаления лёгких.

Следователь успел его допросить, Лейко подробно описал, где искать землянку дезертиров. Но Киселевич с семьёй уже успел поменять место жительства.

В сентябре 1944 года Пашка Панков тайком пришёл к Марии. На этот раз его выследили. Наряд милиции из Бирилюсс проехал мимо деревни Панково. Милиционеры сделали вид, что возвращаются обратно в райцентр. На самом деле они устроили засаду, пробравшись по лесу к дому Калугиных. Когда прозвучали утром первые выстрелы, Панков, поняв, что дом окружён, и через дверь ему не выйти, стал вылезать через соломенную крышу. Как только он выбрался наверх, прозвучал выстрел, и пуля оборвала его жизнь. «Собаке собачья смерть!» - сказал один из милиционеров и пнул лежащее на земле тело Пашки. Так бесславно закончилась жизнь ещё одного дезертира.

А вот Киселевич с молодой женой (первая жена с двумя сыновьями Иваном и Лёнкой, была забыта) и рождёнными в лесу тремя детьми скрывался аж 15 лет! В лесу похоронил он и свою дочку. За это время он неплохо обустроился. За деревней Таёжкой, расположенной на речке Кытатке, была вырыта землянка. Поверх этого жилища рос малинник. Заметить землянку было непросто. Но самое главное было в том, что в Таёжке жили братья Наливайко, которые держали связь с Киселевичем. Тот был хорошим охотником, добывал зверя, выделывал шкуры, которые сбывал через братьев. Яков Наливайко, тоже неплохой промысловик, был ещё и общественным помощником милиции. Вот через него Киселевич и узнавал самые точные новости. Например, когда будет очередная облава или где можно безнаказанно набрать колхозного зерна. Шло время,

деревня Таёжка стала разъезжаться. Всё чаще и чаще Киселевич в разговоре с Наливайко стал высказывать мысль, что, наверное, лучше сдаться властям. Если бы такое пришло, не поздоровилось бы и Якову. Ведь зерно с колхозных ворохов уходило не только Киселевичу.

В 1956 году в гости к брату Якову приехал Александр Наливайко, покинувший Таёжку после войны.

Братья долго меж собой говорили. О чём — одному Богу известно. Но только в итоге сговорились они убить Киселевича. Взяли ружья и отправились «в гости» к дезертиру. Долго сидели за столом в землянке, пили самогон, а потом позвали Тимофея с собой за овсом к колхозному вороху. Ушли.

Через некоторое время Анна — жена Киселевича, услышала одиночный выстрел. За 15 лет скрытой жизни у неё выработалось звериное чутьё на опасность. Заподозрив неладное, Анна скрытно побежала вдоль тропы и увидела, что по ней возвращаются братья Наливайко. А те, убив Тимофея, оттащили его в кусты и закидали мхом. Решив убрать и последнего свидетеля их грязных дел — Анну.

Однако, убивать сразу женщину они не стали. Та спросила о муже. Братья ответили, что Тимофей с мешком скоро подойдёт. Анна поставила на стол самогон, а сама тихонько выпроводила детей через тайный ход из землянки. Снова принесла самогону, и сбежала сама. Звериное чутьё помогло ей спасти детей и спастись самой. Бежала Анна прямо по тайге к ближайшей пасеке.

Ею оказалась пасека колхоза имени Димитрова Бирилюсского района. Два дня она пряталась там под кроватью, опасаясь, что туда придут братья Наливайко. А когда на пасеку колхоза приехал председатель колхоза Ильин, Анна потребовала, чтобы он отвёз её в деревню, где есть телефон. Когда в Бирилюссах узнали о произошедшем, срочно созвонились с Большим Улуем. Из районных центров выехали наряды милиции. Братьев Наливайко арестовали, Яков взял всю вину на себя, получив за убийство 10 лет. Очевидно, суд учёл, что он много лет тайно помогал Киселевичу. Александру дали шесть лет.

Пока шло следствие, труп лежал в лесу. И голодные собаки отгрызли ему ногу. Муж двоюродной сестры Киселевича похоронил дезертира в лесу — там, где он был убит. Так закончилась жизнь последнего дезертира. Анна объяснила следователю, что ссора между мужем и братьями произошла раньше из-за награбленного добра из Беловского магазина. Наливайко забрал двустволку у Тимофея, из которой он потом его и убил.

А Анна с детьми уехала жить в Ачинск. Прошло лет десять. Однажды, когда она возвращалась из городской бани, её вместе с сожителем в районе Шанхая убили, ударив кирпичом.

Местные жители расценили это убийство, как месть братьев Наливайко, которые к этому времени вернулись из заключения. Дети Анны жили сначала у тёти, сестры отца. Ваня носил фамилию отца, а Михаил поменял фамилию на Сорокина. Сыновья Киселевича, рождённые в тайге, выросли. Михаил работал в Ачинске в милиции. И

получил даже чин капитана. Наливайко же Яков страшным человеком был. Ещё до войны приезжал в Таёжку пожилой старатель, который искал человека, чтобы мыть золото на Кытатке. Старатель говорил, что со временем там можно будет прииск открыть. Золото, что он намыл на речке, показывал кое-кому. Не найдя желающих, отправился на речку один. Больше его никто не видел, в деревне говорили, что это дело рук Наливайко Яшки. Потому, что он подговаривал знакомого убить деда и забрать золото. Но тот не пошёл на такое страшное дело.

Ещё старожилы рассказывали о каком-то дезертире Козлове, который однажды пришёл на Шипки (был такой хутор недалеко от деревни Петровка Бирилюсского района). Он вошёл в дом и залез в хозяйский сундук. Хозяйка, подоив корову, случайно обнаружила вора. Она тихонько выскользнула на улицу, прихватив с собой ружьё. Нежданного гостя караулила в кустах. Когда тот появился с хозяйским добром, женщина выстрелила и убила его.

ТАЁЖНАЯ ТРАГЕДИЯ

Недалеко от впадения речки Никишанки в Кемчуг в 1908 году возникла деревушка в шестнадцать дворов, названная Спасовкой. Всё, что переживала страна, пережила и эта затерянная среди болот и тайги деревенька. Жить в этом таёжном краю всегда было трудно, на скудных таёжных почвах хлеб родился плохо. Приходилось искать разные приработки. Кто охотился,

кто мыл золото на Кемчуге. В 1937 году семь семей вместе со всем колхозным инвентарём переехали на новое место жительства, в новый колхоз в деревню Уланово. Среди переехавших была и семья Гвоздева Павла. А так как Гвоздевых в Спасовке было несколько семей, то детей Павла звали по - уличному Сиротовы. Мать Марина и сам хозяин ушли из жизни рано, и девять детей сами растили себя. Когда началась война, три старших брата ушли на фронт. Девчонки остались дома одни. Особенно тяжело приходилось младшим — Катке и Дуське. Постоянно хотелось есть. Однажды в августе они решили сбегать к тётке в Ганину Гарь в гости, чтоб хоть немного подкормиться. Тётка работала на колхозном птичнике, глядишь, ещё какое яичко перепадёт.

Всё получилось, как мечталось девчонкам. Утром, когда девчонки выспались, тётка накормила девчонок, помогла насобирать в корзинку поверх яиц черёмухи и проводила племянниц до Кемчуга:

-Девочки, вы идите до Спасовки, там переночуете у сестры, а утром домой отправитесь.

Девочки распрощались с родственницей и зашагали по тракту до деревни, в которой они когда-то родились. А теперь там жила их замужняя сестра Акулина. Они представляли, как обрадуется им Акулина, как накормит их чем-нибудь вкусным. Особенно хотелось хлеба. Но мечты об ужине им в этот вечер пришлось оставить.

Старшая сестра, услышав лай собаки во дворе, вышла к сёстрам на улицу, а в дом их не пригласила. Никакой радости от встречи на её лице не было. Наоборот, она была какая-то расстроенная.

- Идите, сестрички, домой в Уланово. До заката ещё успеете, а к нам сегодня нельзя, вы уж на меня не обижайтесь. Акулина пошла провожать сестёр до кладбища. У большого кедра, росшего у обочины, она остановилась. Обхватила руками ствол и зарыдала. Младшие сёстры сначала испуганно наблюдали за ней, а потом тоже заревели в два голоса. Здесь на кладбище были похоронены их родители, а кому как не родителям несём мы свои беды и печали! Наплакавшись, старшая сестра проводила девчонок ещё немного и сказала на прощанье:

-Я скоро с сыночком к вам жить приеду!

Ничего не поняв, Катка с Дуськой заторопились домой. Солнце уже опускалось за горизонт, когда они подходили к деревне. Дома ждали их вернувшиеся с колхозной работы Надя и Вера. Младшие сёстры рассказали Вере - старшей сестре о своём походе и улеглись спать.

Прошло много лет, прежде чем Катя и Дуся узнали причину слёз Акулины в тот августовский вечер.

В 1937 году, когда по стране прокатилась волна репрессий, в Спасовке был арестован Григорий Сташкевич, при царе служивший стражником на новом тракту. Через год после ареста его расстреляли в Ачинске, но семья этого не знала. Подрастали сыновья и дочери без отца. Когда пришла пора жениться старшему Сергею, он выбрал в жёны красивую смугляночку Акулину Сиротову. Она была невысокого роста, быстрая, весёлая и работающая.

Зажили они с Сергеем дружно. Перед войной родила Акулина сына Ваню. И кто знает, как бы

сложилась жизнь молодой семьи, если бы не война, которая поставила всё с ног на голову.

Боясь сгинуть на войне и недолголюбивая Советскую власть, молодые парни и мужики из Спасовки ушли в тайгу, надеясь там пережить лихое время. Многие надеялись на смену власти. Воробьёв Пётр, Гвоздев Антон, Гвоздев Яков и братья Сташкевичи стали дезертирами. Никому плохого они ничего не делали. Днём отсиживались в вырытой землянке в тайге, в густом сосняке, на бугре, а ночами наведывались домой. Целый год они скрывались в тайге. Часто сумку с едой братьям приносила в условленное место Акулина. Встречал её обычно муж. Изредка приходил деверь — Ананий. От неё они узнавали деревенские новости. Если милиции в деревне не было, то ближе к ночи беглецы приходили домой помыться в бане, переодеться в чистое бельё. А милиция время от времени навещала деревню. Но выловить дезертиров-охотников в тайге было делом безнадёжным. Поэтому беглецы благополучно пересидели зиму в лесу. Прошёл год. Долгое ничегонеделанье до чёртиков надоело здоровым мужикам. И хотя днём они поодиночке бродили по тайге и в землянку сходились только к ночи, стали возникать ссоры. Часто ругались между собой братья Сташкевичи. Однажды августовским вечером они в очередной раз о чём-то повздорили и ушли из землянки, а ночевать не вернулись. Утром пришёл один Ананий. На вопрос, где Сергей, ответил, что тот остался дома.

Дома так дома, кому какое дело. И мужики разошлись по своим охотничьим угодьям. К закату

один за другим возвращались на ночлег к своему убежищу. Но Сергей не пришёл в землянку и этим вечером.

Акулина же, придя на условленное место с продуктами, вместо Сергея встретила там Анания. О чём они говорили, никто не знает, только вернувшись домой, женщина спать не легла, полезла в сундук. Свекровь не могла понять, чего она гремит крышкой, на ночь глядя, чего ей там понадобилось!? Старая Катерина разглядела, что невестка достала зачем-то новую холстину и торопливо вышла из избы. Обеспокоенная свекровь не поленилась встать и выглянула в окно. Около бани в свете луны она увидела младшего сына. Обеспокоенная каким-то недобрый предчувствием, она так и не смогла уснуть в эту ночь. Невестка вернулась утром сильно расстроенная.

И с этого времени поселилось в семье Сташкевичей горе. По деревне прокатился слух, что пропал Сергей Сташкевич. Катерина видеть не могла невестку. Живущая в доме нянька слышала, как она ругала Акулину:

-Всё она, пасмалуда (грубое выражение, смуглянка), во всём виновата, это из-за неё всё! Крутила перед мужиками хвостом! Докрутилась, вот и сгинул мой сынок!

В деревне строили разные версии исчезновения Сергея, но все сошлись на одной: убил его Ананий. Парень он был вспыльчивый, рассорились, а может, и подрались меж собой братья. А во зле сгоряча хоть что сотворить можно!

Когда была объявлена амнистия дезертирам, кемчугские беглецы вышли сдаваться властям.

Прятаться дальше не имело смысла. Война затянулась, Советская власть не кончается, а вечно прятаться надоело. Яшку Гвоздева и Петра Воробьева сразу взяли на передовую. Отвоевав, они вернулись домой с наградами. Анания Сташкевича взяли в трудармию, что-то у него со здоровьем было не в порядке.

После войны он тоже вернулся в Спасовку и стал жить с Акулиной. Но вскоре они сменили место жительства — уехали в деревню Старицкую, километров за двенадцать от родной деревни. Подрастал Ваня — сын Сергея. Акулина родила Ананию ещё троих сыновей. Жизнь на то и жизнь, что идёт своим чередом. Иван, отслужив срочную службу, решил остаться в армии. Вскоре нашёл себе жену по месту службы. Польша Ядзя была очень красивой, под стать Ивану. Каждый отпуск молодожёны приезжали к родителям. В очередной отпуск Иван признался дяде Ананию, что ему предстоит добровольная командировка во Вьетнам. Там тогда шла война. Ананий рассердился:

-Сдурел, ты, Иван, делать тебе нечего, своей земли мало, что-ли, а если убьют?! Что тогда? Война ведь там!

- Что ж мне в дезертиры податься и в тайге спрятаться, как вы с отцом когда-то!?! - ответил племянник.

На этом разговор и закончился, старое в семье не ворошили.

Спустя много лет, когда Акулина гостила у младшей сестры без мужа, Дуся в минуту откровенности спросила сестру, почему она говорила когда-то у кладбища, что вернётся в семью, а сама

не вернулась? Старшая сестра не стала вдаваться в подробности, но на вопрос ответила:

- Я хотела вернуться к вам, но Ананий меня предупредил, что живой, если вздумаю уйти от него, дойду лишь до кладбища. А уж там он меня и закопает. Так вот я и осталась у Сташкевичей!

Больше сёстры разговор на эту болезную тему не заводили.

В пятидесятые годы началось строительство железной дороги Ачинск-Абалаково. Вдоль неё появлялись станции. А рядом с таёжной деревушкой Спасовкой начал свою жизнь леспромхозовский посёлок Рассвет. От посёлка готовили полотно для грунтовой дороги до Кемчуга. Однажды бульдозерист, вывернув корч ножом трактора, наткнулся на скелет человека в охотничьих сапогах броднях. В затылочной части головы была дырка от пули. Спасовцы, узнав о находке, приходили смотреть на останки. Они определили, что это был Сергей Сташкевич, такие бродни носил только он. Значит, деревенские догадки подтвердились. Найденное тело после всех осмотров перезахоронили на обочине новой дороги. За давностью лет возбуждать уголовное дело не стали. Так и ушла эта история в прошлое.

Вскоре деревня Спасовка исчезла с лица земли. Её жители переехали жить в Рассвет. Акулина Сташкевич в сорок лет умерла от рака в Старицком. Ананий с сыновьями переехал жить в Суриково. Вернулся из армии младший сын Володя и года через два почему-то застрелился.

Ананий пытался второй раз жениться, по возрасту, он ещё старым не был, но что-то не полу-

чилась жизнь с новой женой. И через некоторое время он повесился. Не сложилась жизнь и у его старшего сына Михаила. Он тоже прожил мало, и не было ему счастья ни в браке, ни в детях. Иван Сергеевич Сташкевич после вывода советских войск с территории Польши, жил в Чернигове, где и умер в 2009 году. Василий Ананьевич Сташкевич живёт в Лесосибирске.

Такой конец у этой истории о кемчугских дезертирах. Невольно напрашивается вывод, что ничто на земле не проходит бесследно. За всё приходится платить.

СТИХИ

ПОДРУГЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

За окном лежат сугробы.
Но уходят холода.
Птицы с юга прилетели.
Всюду полая вода:
По канавам и в подполье
И у мужа в голове.
В день рождения, Елена,
Я стихи пишу тебе.
Муж твой хоть и с прибабыхом,
Всё равно в тебя влюблён.
Ира, Лёша и Алина -
Твой надёжный бастион.
Так что будь всегда красива.
И не щурь печально глаз.
Ну, побегают Макаров -
Это же не в первый раз!
Наслаждайся. Будь счастливой.
И не хмурься по весне.
Долгих лет и без болезней
Я желаю, Лен, тебе!

2010 год 25 апреля

БЫВАЕТ ДЕНЬ

Бывает день, который делит
На «до» и «после» нашу жизнь.
«До» было всё привычно просто.
А после от беды крепись.

Уходит тот, кто был нам дорог,
И нет уже пути назад.

Дни станут чёрными от горя,
И даже жизни ты не рад.

Но Бог даёт по нашим силам.
Всё, значит, надо пережить.
Пока мы здесь, понять должны мы,
Что значит смерть и наша жизнь.

А призовут, когда созрешь,
Знать не дано, что будет там.
Вся наша жизнь короткий лучик,
И вечно тьма открыта нам.

Январь 2011 год. Кытат.

В СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ ВЕСНА ВСЕГДА ПРЕКРАСНА

В семнадцать лет весна всегда прекрасна.
Весна любви, мечтаний и надежд.
И всё что было, вовсе не напрасно.
Ступень от детства к юности - прогресс.

Вас было больше, пятачок в финале.
Квартет девчонок, парень лишь один.
Как выжил он, узнаем мы едва ли.
Вы строили его, а он вас всех любил!

Мне говорили: «Нам не задавали!»
И мне в глаза смотрели очень честно.
Учителя рассеянны так часто!
И это вам было давно известно.

И только Слава хитро улыбался.
Что с вас возьмёшь - девчонки есть девчонки.
Вас только зацепи и рад не будешь.
Вот и ходил он тихо и сторонкой.

А годы школьные летели слишком быстро.
Новы здесь многому успели научиться.
Вся ваша жизнь кипела очень бурно.
И есть за что родителям гордиться.

Я пожелать хочу вам на прощанье
Быть вам всегда нескучными такими.
Лишь те, кто смыслом наполняет время.
Надолго остаются молодыми.

Нам, конечно, грустно расставаться.
Но, что же делать, коль пора пришла такая.
Вам всем в полёт, а нам здесь оставаться.
Что будет впереди, пока никто не знает.

Пусть всё будет так, как вам мечталось,
Чтобы всё и самой полной чашей.
Родину свою не забывают.
Хоть какая. Но она ведь наша!

ВЕСНА

Длиннее день, и небо синеву
Уж не скрывают серость и метели.
Пригрело солнце, снег чуть-чуть присел.
И зазвенели первые напели.

И радостью душа отозвалась,
На первое тепло и яркость света.
И хоть ещё завьюжит, заметёт.
Но ясно, что не за горами лето.

Запахнет всюду талою водой.
Ручьи пробьются через толщу снега.
Однажды утром прилетят скворцы.
И станет чистым голубое небо.

ВЛАДИМИРУ ВЛАДИМИРОВИЧУ ЛАПТЕВУ, ОДНОКЛАССНИКУ И БРАТУ

Славянское имя родители дали:
Как князя Владимиром сына назвали.
Есть дети и внуки (и правнуки вскоре),
У Лаптевых есть даже целое море!

Как князь ты, Владимир, весь в думах о мире.
О том, как живём мы сегодня в России,
Что мы потеряли и что мы имеем.
В богатой стране жить совсем не умеем.

Все наши богатства уходят на Запад.
В деревнях давно уж заброшены хаты.
Что всё хорошо, нам вещают с экрана.
А в фильмах чернуха... Да пива реклама.

В мозолях всегда твои крепкие руки,
Они - то уж точно прожили без скуки.
Все Лаптевы с техникой всякой на «ты».
Такой же Кулибин, Владимир, и ты!

В глазах под очками играют искринки.
И смотришь на мир ты порою с хитринкой
Но главная вовсе не эта черта -
Душевная светится в них доброта!

От маленькой речки до Карского моря,
Прошёл ты, с невзгодами всякими споря.
В Подтёсове так навсегда и остался,
И с Зиной своею ты там повстречался.

Ты рано ушёл от родного порога.
А жизнь - это просто большая дорога.
Бывал и в красивых местах, только всё же -
Нет родины малой милей и дороже!

Нас родина всех пуповиной связала.
Она нам площадкою стартовой стала.
Живём мы в красивых местах, ну и что же?!
Нет родины малой милей и дороже!

2010 год. 10 месяц. 10 день.

ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ ОТ ВРЕДНОГО УЧИТЕЛЯ

Если вам учиться в школе
Очень сильно надоело
И не хочется учёбу в институте продолжать,
Выходите сразу замуж и детей себе рожайте.
Школа скажет вам спасибо-
Будет нам кого учить!

Ну а если в город всё же
Вы поедете учиться,
То на лекции не стоит рано по утрам ходить!
Пусть побегают куратор-
Зря, что ль деньги получает!?
Вас отчислят, ну и что же
Можно в армию уйти. (Можно замуж выходить!)

Жизнь вне дома начиная,
Деньги трать ты, не жалея.
Пей там пиво или водку
И курить скорей начни.
Если это всё освоишь, очень быстро
повзрослеешь.
Станешь в городе крутым!

И стареть почти не будешь, коль последуешь
советам
умрёшь скоро - молодым!

2010 год. Кытат.

ГУЛЬНАРЕ В ДЕНЬ 26 — ЛЕТИЯ

Всегда бегом, всегда вприпрыжку,
Летит по школе Гульнара.
Очки на лоб, журнал подмышку-
Всегда в движении она.

На весь район Большеулуйский -
Один лишь Каменный Цветок.
И тот Буценину достался.
В цветах Андрюша знает толк.

Я пожелать хочу Гульнаре
До тла в работе не гореть.
Чтоб было время на Андрея
И на других мужчин смотреть!

Но не всерьёз, а как в витрину:
Как выгляжу, на сколько лет.
Чтоб долго телом не старела!
И чтоб в глазах искрился свет!

ДЕВЯТОВУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Пахнет талою водою,
С крыш срываются капли.
Это мать - природа наша
Поздравляет с юбилеем!

В этом месяце в округе
От любви орут коты.
Не случайно видно, Саша.
Что родился в марте ты.

Не летал ещё Гагарин
И страна была другой.
Папа радовался сыну:
Будет парень удалой.

В марте очень много света -
Ты поэтому блондин.
И в семье отца родного -
Продолжатель лишь один.

Очень быстро дни летели,
В школу Саша побежал.
Там почти одни пятёрки
на уроках получал.

И чем дальше, тем быстрее
Закипал страстей накал.
Незаметно как-то даже
Уже дядей Сашей стал!

Видел море. Но душа,
крепко к суше прикипела.
И всегда звала тайга -
древнее мужское дело.

Всё, что ни делал в жизни, всё на пять.
Жену нашёл Максимову на зависть.
Скормил ей весь пайковый шоколад.
Понравился. С тобой она осталась.

Построил дом. Деревьев насадил
И под Таёжкой и за Междуречкой.
Продолжил род, двух сыновей взрастил.
Красивых, умных - нет и здесь осечки.

Как жил ты - можно по рукам узнать.
Надёжные. Рабочие - в них сила.
Спина прямая, значит, не юлил.
Побольше бы Девятовых России!

Осталось пятьдесят ещё прожить.
Дождаться внуков - тоже альбиносов.
К рыбалке, к лесу тоже приучить,
Взрастить, переженить и никаких вопросов!

2010г.

ИВАНОВОЙ В.В.

Когда бросаешь то, что отошло,
Не надо думать и грустить о прошлом.
Идёт подъём на новую ступень,
Где будет всё: плохое и хорошее.

Конечно, власть сладка, но что с того?
Она как ржа съедает нашу душу!
Свободный же от власти человек Имеет время
Божий глас послушать.

А что такое власть - да суета!
И видимость того, что ты всем нужен.
А вот без власти - просто человек!
Понятно станет, кто с тобою дружен.

Отвалят те, кто выгоды искал.
Найдут, кому лизать сегодня попу.
И, слава Богу, что глаза открыл,
И дал под старость лет с детьми работу!

7 октября 2010 года.

КЫТАТСКОЕ УТРО

С утро дорога по сугробам -
Мой ежедневный зимний путь.
Зарядки лучше не придумать,
Коль с этой стороны взглянуть.

Посёлок спит под вальс метели.
Лишь кое-где из труб дымок.
В пушистых шапках дремлют ели.
По улицам узор из троп.

Спешат путейцы на работу.
Да в школу, в садик детвора -
Привычный круг обычной жизни.
Что начинается с утра.

Умывшись чистым снегом солнце
Поднимется но небосклон,
Заглянет в каждое оконце,
Зажжет искринок миллион.

И новый день, как день рожденья
Подарит чудо бытия.
Открыв завесу мироздания,
Где малая пылинка я.

2 декабря 2010года.

МАРИИ ГРИГОРЬЕВНЕ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

С днём рожденья, дорогая!
Много, много тебе лет!
Без болячек и с деньгами,
Пусть горит душевный свет.

Снова осень золотая
За окном, но не в душе.
Не грусти моя родная.
И держись на вираже!

Жизнь она такая штука
То паденье, а то взлёт.
Если чёрная полоска,
Значит, скоро повезёт!

Будут новые вершины
В творчестве, а ещё где!?
Всё уже осталось в прошлом..
И любовь в Караганде.

Пожелаю я здоровья,
И приятных разных встреч.
Всё хорошее, что было -
Надо помнить и беречь!

2010 г. сентябрь.

МОИМ РОВЕСНИКАМ-ЗЕМЛЯКАМ

Мы рано ушли от родного порога.
А жизнь - это просто большая дорога.
Бывали в красивых местах, ну и что же
Нет родины малой милей и дороже!

Нас родина всех пуповиной связала.
Она нам площадкою стартовой стала.
Живём мы в красивых местах, только всё же
Нет родины малой милей и дороже!

2010 год октябрь. Чумакова Т.Ф.

★ ★ ★

Владимир Лаптев:

«Не приходил ли там к тебе, Татьяна, музык (муза)?»

Ответ:

Не приходит музык, не приходит,
И стихов не рождает душа.
Год 2010 уходит,
А зима как всегда хороша.

Нарядила в сугробы округу,
В оренбургские шали дома,
Ёлкам тёплые шапки надела,
Ясно всем, здесь царица она!

Чуть отпустит - бураны, метели,
А потом повернёт на мороз-
Печь топите, варите пельмени
И не суйте на улицу нос!

27.12.2010

НЕ ПОПАВШЕМУ ВО ВЛАСТЬ НИКОЛАЮ КОРОТКОМУ

Не грусти, что не попал во власть -
Значит, Бог тебя оберегает.
Там, где власть, присутствует обман,
А неправда душу разъедает.

У тебя от Бога есть талант,
Как же школе без тебя остаться?!
А чем ближе власть, тем гибче стан,
Чтоб пред высшей низко прогибаться.

Радуйся тому, что не попал.
Значит, будут новые вершины.
У тебя всегда работа есть,
Верная жена и три хороших сына!

15.03.2010.

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

Увы, мы здесь не нашей волей.
Что суждено, лишь то возмёшь.
Отправят в этот мир - не спросят,
Не сообщат, когда уйдёшь.

Зачем тогда мы в жизнь приходим?
В чём смысл, скажите, бытия?
Родиться в муках, жить в печали
Ужели миссия моя!?

Так много ног топтало Землю
Ушли, теперь другие здесь.
Живу пока и я, надеясь,
Что высший смысл какой-то есть.

Январь 2011 год.

ОПЯТЬ ПРО...

У леса на опушке живёт Яга в избушке,
Не молода, конечно, но ничего старушка.
Живёт она, и тужит, с соседями не дружит.
Ведь все её соседи лишь зайцы да медведи.

С Кощеем дружбы нету, он носится по свету.
В вине веселья ищет и Василисок свищет.
Ну как тут быть старушке зимой одной в избушке?
Как снегом занесёт, никто ж ведь не придёт!?

Одна надежда Ваня, а вдруг когда заглянет?!
Уж праздник был бы то-то, да если бы в субботу!
И натопила б баню, иди, мол, парься, Ваня!
Ты чистеньким мне нужен, а я сготовлю ужин...

Однажды тёплым летом, явился гость с приветом —
Тот самый, долгожданный приехал до Татьяны.
Обрадовалась Ёжка. А он: « Я на немножко,
К тебе я так, наскоком, я ж из Владивостока.

-Ты не спеши, Ванюша, здесь погости, послушай.
Смотри: красиво, тишина, и видишь, я живу одна.
Иван не соглашается, боится, что останется!
Вдруг зельем опойт она, тогда, капец, ему хана!

А Баба ж не колдунья, всего-то лишь ведунья.
Насильно мил не будешь,
 без чувств не приголубишь!
Уложила на кровать, чтоб мог до поезда поспать.
И конечно, баба Ёжка опечалилась немножко.

Как проснулся утром Ваня,
 говорит: «Спасибо, Таня.
Хоть и клёвая избушка, но ведь ты уже старушка.
А мне надо Василису, чтобы жить и веселиться.
Я же пошустрей Кощея и любить ещё сумею!»

Так умчался дальше Ваня, и не парься, Ёжка Таня!
Губу ты не раскатывай, и счастья не загадывай.
Есть метла, собака с кошкой,
 летай в ступе понемножку.
Живи без всяких мужиков, -
 видать удел баб Ёг таков!

Кытат. 2010гog.10месяц.10 день.

ОСЕНЬ ЖИЗНИ

Наливается соком рябина
Август душу в пригоршни берёт
Всё ушло, я своё отлюбила.
Только сердце надеждой живёт.

Твой приезд мне о многом напомнил,
Как теперь своё сердце унять!?
То, что тщательно так хоронила,
Запросилось наружу опять!

Всё прошло, но не всё отболело,
Не хочу ничего ворошить!
Не хватило мне женского счастья,
Значит, надо смириться и жить!

Да и ты в моей жизни случайно,
И лишь на день таким близким стал.
Разве ты меня в осень заметишь!?
Коль весною другую встречал?

С той поры сорок лет пролетело.
И ,конечно ,нам прошлого жаль.
О тебе мне глаза рассказали -
В них такая разлита печаль!

Всё ушло. Я своё отлюбила.
Начинается птиц перелёт!
Отошла и пора звездопада.
Наша встреча лишь душу мне рвёт.

Август 2010года. Кытат

ЗИМНИЕ УЗОРЫ

После суеты дневных забот
Тишина буквально греет душу.
Тихо в доме. Кошка рядом спит,
Можно просто тишину послушать.

На диван присесть и помечтать.
Вспомнить лето, август, нашу встречу.
Я жалею только лишь о том,
Что меня ты раньше не заметил.

На окне мороз нарисовал
Белые искристые узоры:
Дивный лес, а может перья птиц -
Зимние загадочные шторы.

Снова вечер, печку растоплю.
Буду слушать, как трещат поленья.
Прочь уйдёт весь мой дневной напряг.
Я ловлю прекрасные мгновенья.

Я, конечно, выгляжу смешно,
Предаваясь в мыслях разным грёзам.
Что поделать, коль души тепло
Не подвластно никаким морозам.

25 ноября 2010 года.

НАДЕЖДЕ ЯКОВЛЕВНЕ СУТАК- ЛОБАСТОВОЙ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.

Идёшь по улице неспешно -
В тебе России нашей стать.
Тобой сегодня бы гордились
Все Сугаки, отец и мать.

А что тебя родили поздно -
В том виден замысел Творца.
Бог знал твоё предназначенье
Ты - продолжение отца.

Бог знал, на землю посылая,
В чём будет миссия твоя.

Погибших братьев продолжают
Твои, Надежда, сыновья!

И как бы жизнь тебя не мяла,
Ты в целом счастлива была:
Сильна, здорова и красива
И уважаема всегда.

И есть любовь - одна навеки.
Хотя он рядом не с тобой.
Всегда вы близко, почти рядом -
Дорогой ходите одной.

Быть рядом просто не сложилось,
Теперь живёшь ты не спеша.
Любовь не столько наше тело.
Любовь ещё ведь и душа!

Когда душа поёт, как птица,
При встрече с ним - ты молода.
Никто с тобою не сравнится!
Ведь души молоды всегда!

.....
На дворе апрель, десятый год.
От начала нового столетья.
Быть здоровой, память не терять.
Я тебе желаю долголетия.

Лет до ста, а можно и ещё.
Жить за братьев, что не долюбили.
И ушли мальчишками на фронт
Жизни за Россию положили.

САШЕ И ТАНЕ УТОЧКИНЫМ

Хочу, чтоб ваш союз один был навсегда.
Чтоб выбор оказался неслучайным.
Чтобы любовь, как полая вода,
Несла в себе накал страстей и тайну.

А надо лишь одно за истину принять,
Что вы по жизни - просто половинки,
И нет других, ни лучших, никаких.
Что вы - одно, как капелька кровинки.

Спина к спине все трудности принять.
Не подличать, не трусить, и не злиться.
Совет вам, Саша с Таней, да любовь!
Как в лучших пожеланьях говорится.

2008 г. Кытат. Мама.

НАКАНУНЕ ЗИМЫ

Серое небо и серые тучи,
Редко средь них пробивается лучик.
Замерло всё в ожиданьи зимы.
С грустью с теплом расстаёмся и мы.

Лето немного теплом одарило.
Осень красивые краски зажгла,
Грёзами душу мою истомила.
И за далёкие дали ушла.

Скоро зима, с ней всё просто и ясно:
Холодно. Снег и метель за окном.

Нет в ней обмана мечтаний напрасных,
Греет теплом только собственный дом.

20.10.2010

СИЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

Навалилась тоска, и не всякий поймёт
Что такое бывает со мною.
Я в хандру, как в запой, убегаю порой
Со своею зелёной тоскою.

Ко мне тянутся те, кому помощь нужна.
Все считают меня сильной бабой.
Мне же хочется тоже прижаться к плечу,
Чтоб побыть беззащитной и слабой.

Только нет со мной рядом такого плеча.
И проблемы свои я жую в одиночку.
Уверяю себя в том, что сильная я,
Что нужна ещё сыну и дочке.

О хандре и тоске не скажу никому.
Просто утром надену красивое платье.
Улыбнусь, по деревне пройду не спеша.
Новый день мне откроет объятия.

Пожалею я тех, кому хуже, чем мне.
Станут проще дневные заботы.
И на школьном крыльце я оставлю хандру.
С головой погружаясь в работу!

30.10.2010 (А во дворе ещё цветут два одуванчика)

★ ★ ★

*Я родину представить не могу
Без трепетных ромашек на лугу,*

Без голубого неба, августовских звёзд,
Без отдыха в тени больших берёз,
Без родника с кристальной водой,
Без речки и тропинки под горой,
Без клина журавлей, летящих вдаль,
Несущих в осень светлую печаль..
Забыть я это просто не могу!
Всё дорогое в сердце берегу!

*Две первых строчки не мои стихи,
я их прочла и написала своё! Т.Ф.Ч.*

ДОКТОРУ ЗУЕВУ ИГОРЮ ВИКТОРОВИЧУ

Здесь столько яблок, сколько лигатур
Достали Вы из недр кошёлки старой.
Пока я «отдыхала» здесь у вас
Я на досуге их пересчитала.

Мне, доктор Зуев, с Вами повезло:
Немногословный, добрый, руки золотые.
В стране бардак, нам, бабам - тяжело,
Но выстоим, коль есть такие мужики в России.

Работа очень важная у Вас,
(Ещё бы и чиновники ценили,

Чтобы зарплата, как у них была!)
Вы стольким людям жизни сохранили!

Я на прощанье пожелать хочу,
Чтоб руки Ваши много лет служили.
Чтоб женщины лечились для родов,
А на аборты вовсе не ходили!

Сегодня Спас и яблоки святят.
В них смысл особый - Ева их вкусила.
Адама как мужчину приняла,
И гинекологам работу подарила!

19августа 2011года.

О КЛАССНОЙ МАМЕ, ЛЮБОВИ ВЛАДИМИРОВНЕ ШИПИЛОВОЙ

Классная мама - классная самая.
Мы у неё были самыми первыми.
Время прошло, и всё чётко расставило:
Самые первые - самые верные!
Не было жёсткого в группе правления.
Нам хорошо было при демократии.
Всё мы решали по справедливости
И меж собою прекрасно все ладили.
А родилась наша классная мама
В день, когда пала крепость Бастилия.
Видно поэтому наша наставница
Доброй была и самой красивою.
Щёки румяные, милые ямочки.
Много капусты она в детстве ела,

Млели мужчины, увидев красавицу.
Она ж на Шипилова только смотрела.
С годами душой не стареет наставница-
Всегда с оптимизмом по жизни шагала.
Она и сегодня всё та же красавица.
А красота её зрелою стала.
Классная мама - классная самая.
Мы у неё были самыми первыми.
Время прошло, и всё чётко расставило:
Самые первые - самые верные!

2011 год. Чумакова - Васильева Т.Ф. Кытат

ЗАГНАННЫХ ЛОШАДЕЙ ПРИСТРЕЛИВАЮТ

Жизни бешеный темп - постоянно но нервах.
Куда-то бежать и желательно первым.
Успеть перегнать, чтоб почувствовать радость,
Что вот добежал, что награда досталась.

Но вновь я бегу и спешу без оглядки,
Другие уже наступают на пятки.
И тоже бегут и тебя обгоняют.
Уже призовые места занимают.

А ты в стороне, просто вышел весь пыл.
Ведь ты за работой себя позабыл.
Забыл про детей, про здоровье, про мужа.
Изношенный ты никому уж не нужен!

Работа свелась лишь к борьбе за награды:
В проекте ли, в конкурсе выиграть надо.
Рекламе здесь должное надо отдать.
Но страшно же душу за грош продавать!

Увязли в бумагах по самые уши!
Нет времени душу ребёнка послушать!
Давайте мы школу закроем ребятам,
Заполним бумаги для всех бюрократов!

Учитель мужчина живёт без обеда.
Возможно и дети его от соседа.
Одно у него в голове: совещанья, отчёты.
Нет жизни семейной, одна лишь работа.

А если, друзья, мы вперёд поглядим -
Финал этой жизни будет один.
А может, и нет, может быть даже два,
Психушка - когда подведёт голова!

2009 год. 4 марта.

ВЫПУСКНИКАМ НА ПРОЩАНИЕ

Чумакова ТФ. 2009 год. Кытат.

И вновь на улице весна.
И ярко-ярко солнце светит.
Учебный год пришёл к концу.
И, как всегда, резвятся дети.

По школе гул их голосов.
Нет ничего прекрасней в мире!

Здесь детство вечное живёт.
И дважды два всегда четыре.

Но кто-то вырос. И в полёт.
В большую жизнь шагнул из детства.
А нам осталось лишь сейчас
Прощаясь, в лица их взглядеться...

*Красивый парень. Ловко скроен.
Черняв. Силён. Спортивный вид.
И обо всём упорно спорит.
Докажет всё Артём Корчмит.*

*Он хоть Иван и не Кулибин,
Но с техникой давно на ты.
Об этом все в округе знают.
И могут подтвердить менты.*

*Ей повезло средь мальчиков родиться.
Любили братья, папа, мама.
Среди парней два года проучиться.
Но часто на гастролях пропадала Анна.*

*То конкурсы, то фестивали - всё поездки.
Сначала был Улуй, потом дошла до края.
Мы все скучали, где опять Анюта?
И понимали: жизнь звезды такая!*

*И в школе, и дома они всегда вместе.
Артём Афанасьев, Сушкевич Сергей.
Один заводной, даже вспылчив порою.
Спокойный и добрый другой из грузей.*

*Они хорошо дополняют друг друга.
А есть ещё уйма и родственных дел.
Безумный их рэп знает наша округа.
Не слышали?! Надо восполнить пробел!*

*Наш Саша скромный и слегка застенчив.
Галантен. Вальс танцует так красиво. Умён.
Но никогда вперёд не лезет.
На Ивановых держится Россия.*

Выпускники, вам пожелать хочу:
Идти вперёд, шагая в ногу с веком.
Но на огромном жизненном пути.
Всегда быть просто добрым человеком.

Не забывать родных, друзей не предавать.
Влюбиться так, чтоб на всю жизнь хватило.
Не тратить на пустое свою жизнь.
Чтоб стала трезвой, наконец, Россия.

Чтоб через много - много лет спустя,
Прожив своё, мог каждый подытожить
Чем жил, что сделал - и мог себе сказать:
«Свою земную жизнь я не напрасно прожил!»

РАЗДУМЬЯ В ПУСТОМ КЛАССЕ (12.2009 г.)

Нынче в октябре пришла зима.
И декабрь подружился с вьюгой.
Всё кругом стоит белым-бело.
Замело, завьюжило округу.

В школе карантин, все по домам.
Тихо. Слышно только ламп гуденье,
Рамы скрип, и снова тишина.
Лишь метель беснуется за дверью.

Год за годом пролетают дни.
Словно враг ко мне крадётся старость.
Радуюсь тому, что я живу!
Много ли ещё мне зим осталось?

Год за годом жизнь вся по звонку.
А другой я просто и не знала.
Вот сентябрь с букетами цветов -
Смотришь - май, и года не бывало!

Лица, лица, сколько было их
Самых разных - озорных, весёлых!
В дни печалей, горестей и бед.-
От всего излечивала школа.

В школе трудно, но бурлит здесь жизнь.
В дождь, в мороз - не важно - рядом дети.
Человек живёт, пока не обходим.
До тех пор ему и солнце светит.

В БОЛЬНИЦЕ

Кусочек неба из окна.
Ворота, тополь, провода.
Надежды тоненькая нить.
О, Боже, дай ещё пожить!

Уж в золоте чуть-чуть листва.
Как ангел рядышком сестра:
-Всё обойдётся, потерпи,
Укол поставлю, ты поспи.
(Дальше как из грюгой оперы)

И вскоре отступает боль.
Теперь поправиться изволь.
Валяться хватит, встать пора.
Спасибо, сёстры, доктора.

Пусть будет всё у вас как надо.
Пусть счастье ходит с вами рядом.
Любимой будет пусть работа.
Спасибо всем вам за заботу!

19 августа 2011года.

БАБА ЁЖКА (О СЕБЕ ЛЮБИМОЙ)

Баба Ёжка, Баба Ёжка
И к соседу не ходи.
Постарела я немножко,
Поугас огонь в груди.

Только вот ночами снится
Мне совсем не Ёж кин кот!
И не старая я вовсе,
А совсем наоборот!

И сосед порою утром
Комплименты говорит -
У него в груди с похмелья
Тоже с ночи всё горит.

И живём в России нашей
Все с пожарами в груди.
МЧС на всех не хватает.
Жди Шойгу или не жди!

КАК ТРУДНО СИЛЬНЫМ БЫТЬ!

Как трудно сильным быть и не сломаться,
Когда беда наотмашь бьёт под дых.
А надо, очень надо удержаться и выстоять!
Ведь ты стоять привык!

И очень важно отыскать опору,
Чтобы нести достойно дальше крест.
Не важно что - болезни иль потери -
И даже если жизнь вдруг надоест.

Проходит всё, и жизнь - короткий лучик,
Который нам Создатель подарил,
Средь вечной темноты. Но почему-то
Зачем мы здесь - он это не открыл.

И каждый сам свой путь находит в мире
Ценою проб, ошибок и потерь.
Через страдания мы приходим к Богу.
Лишь с Богом в вечность нам открыта дверь.

А без него нет в нашей жизни смысла,
Который людям так необходим.
В страданиях мы очищаем душу
И напрямую с Богом говорим.

Т. Ф. Чумакова. 1911г. Кытат.

КЫТАТ

Среди болот и без дорог
В тайге посёлок затерялся.
Закончился двадцатый век,
А он как будто в нём остался.

Живёт российский здесь народ
Свободный, только жалко - нищий.
Кто при работе, кто-то нет,
А кто в спиртном забвенья ищет.

Кричит реклама: «Покупай!
Счастливым станешь и богатым!»
А по посёлку, где ни глянь -
Сплошь развалившиеся хаты.

В запой уходят мужики,
Как шли на фронт когда-то деды.
И женщины пошли в разнос.
Кто ж будет праздновать «победу»?!

Кому оставим мы страну?
Какими станут наши дети?
Уж если мамам не нужны,
То кто за них тогда в ответе? !

Сегодня рынок правит всем.
И счастлив, кто нашёл в нём нишу.
У этих просто слух пропал,
Такие ближнего не слышат.

Споили матери детей
В погоне за своей наживой.
Кто на тот свет уже ушёл,
Другие еле-еле живы.

Торгуя зельем, посмотри:
А может это твои дети?!
Ничто ж ведь не проходит зря!
И за грехи они ответят!

А денег всех не загребёшь,
С тобой в могилу не положат.
Так стоит ли копить здесь зло?!
И безотцовщину лишь множить?

А тот, кто спился, тот пропал.
Он чёрту продал жизнь и душу,
Он за спиртное всё отдал
И божий промысел нарушил.

Зачем-то жизнь была дана!?
Ужель для пьянки и для блуда!?
Ты только посмотри вокруг-
Ведь наша жизнь уже есть чудо!

России дальний уголок
Сегодня просто вымирает.
Работы нет, нет молодых.
И деток мало здесь рожают.

Татьяне Фёдоровне в юбилейный год
с благодарностью и любовью.

ПОЛЮБИ МЕНЯ В ОСЕНЬ

Можно ль в осень меня полюбить?
В эту пору иные уж краски.
Только сердце, как в юность, стучит.
А душа просит неги да ласки.

Ты люби меня в осень, люби...
Не спеши, осмотришь, рассуди:
Далеко всё не так уж и худо.
У рябины осенней наряд,
Словно в сказке, - волшебное чудо

Ты люби меня в осень, люби...
Так вот женская прелесть, она
Стала гуще, медовая в осень.
Пусть усталая, всё же мечта
Нас в небесную благодать уносит.

Ты люби меня в осень, люби...
Так люби меня в осень, люби,
Хоть настали во мне перемены.
Я рабыней пойду за тобой,
И не будет коварной измены.

Ты люби меня в осень, люби...
Чертит осень листву янтарём.
Спелых ягод царят ароматы.
И звучит любовь в сердце моём
Светлой музыкой «Лунной сонаты».

Ты люби меня осень, люби...

СОДЕРЖАНИЕ

О себе	3
Улановские рассказы	5
Тимофеихин платок	6
О чём шумит старая берёза	7
Мичурин	18
В каждой избушке свои погремушки	32
Шайтан	42
Нюркина любовь	45
Лекарство от любви	51
Стрижено или брито?	53
Витькина незабудка	55
Прощание	59
Покос	65
Грехи тяжкие	67
Проводы любви	73
Колины капризы	77
Деревенский детектив	81
Серёжкины страхи	91
Заноза	97
Банный день	112
Жизнь прошла, а вроде и не жили	118
Повитуха	128
Заготовитель	134
На казаку нет знаку	138
Ксюшины женихи	148
Рассказы бабы Насти	165
Бабья доля	166
Бабушкино детство	172
Как Настя замуж выходила	173
Фершал	175
Друзья-приятели	178
Встреча на охоте	182
Птичку жалко	185
Пасхальные зарисовки	189
Дезертиры	195
Таёжная трагедия	201

Стихи	209
Подруте в день рождения	210
Бывает день	210
В семнадцать лет весна всегда прекрасна	211
Весна	212
Владимиру Владимировичу Лаптеву, однокласснику и брату	213
Вредные советы от вредного учителя	214
Гульнаре в день 26 — летия	215
Девятову Александру Васильевичу	216
Ивановой В. В.	218
Марии Григорьевне в день рождения	220
Моим ровесникам-землякам	221
«Не приходит музык, не приходит...»	221
НЕ попавшему во власть Николаю Короткому	222
О смысле жизни	222
Опять про... ..	223
Осень жизни	224
Зимние узоры	225
Н. Я. Сугак-Лобастовой в день рождения	226
Саше и Тане Уточкиным	228
Накануне зимы	228
Сильная женщина	229
«Я родину представить не могу...»	230
Доктору Зуеву Игорю Викторовичу	230
О классной маме, Любови Владимировне Шипиловой	231
Загнанных лошадей пристреливают	232
Выпускникам на прощанье	233
Раздумья в пустом классе	235
В больнице	236
Баба Ёжка	237
Как трудно сильным быть!	238
Кытат	239
М. Г. Манаева. Полюби меня в осень	241